

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2020. Том 60

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русь

2020. № 60

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2020. Nr. 60

Association "Rus" (Chisinau, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Заместитель главного редактора

Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Петр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Vsevolod Merkulov

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
--------------------------	---

ИСТОРИЯ

<i>Юрасов М.К.</i>	
Еще раз о времени появления русинов в Паннонии	11
<i>Шамардина Н.В.</i>	
Галицко-русские иконы Похвалы Богородицы XV–XVI вв.: генезис и метаморфозы	22
<i>Вахрушева Е.А., Руденко В.В.</i>	
Реформаторские идеи и государственная деятельность М.А. Балугьянского: к 250-летию со дня рождения	39
<i>Суляк С.Г.</i>	
Елизавета Ивановна де-Витте и Карпатская Русь	61
<i>Дулатов Б.К.</i>	
Почтовая корреспонденция австро-венгерских и германских военнопленных Омского военного округа как источник по изучению условий их содержания в плену	97
<i>Петренко О.Б.</i>	
Роль педагогических журналов в развитии полиэтнического образования и школьного дела в Подкарпатской Руси	120

ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Сліпушко О.М., Лісовська О.С.</i>	
Ренесансні впливи в русинській літературі Закарпаття XVI ст.	138
<i>Новик О.П.</i>	
Романтична поетика творів Михайла Мінчакевича в збірці «Син Русі»	154
<i>Веретюк О.</i>	
Отображение исторической трагедии бещадских и бескидских лемков-русинов в избранных произведениях Анджея Стасюка	167

ЛИНГВИСТИКА И ЯЗЫК

<i>Копорова К.</i>	
Фонемы і їх варіанти в русиньскім літературнім языкy на Словакії (консонанти)	186

Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.

**Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера
в славянских языках (на материале нумеративных единиц) 198**

Бедлинский А.И., Набок М.М.

**У пошуках сакральних мовних кодів загальнолюдських цінностей
(на матеріалах запозичень російської, української та русинської лексики) 213**

АНТРОПОЛОГИЯ

Шоля І.С.

**Вплив екстралінгвальних чинників на вибір особових
імен ужгородців у XX ст. 227**

CONTENTS

Editorial	9
------------------------	----------

HISTORY

Yurasov M.K.

On appearance of Rusins in Pannonia (revisited)	11
--	-----------

Shamardina N.V.

Galician-Russian Praise of the Virgin Icons of the 15th – 16th Centuries:

Genesis and Metamorphosis	22
--	-----------

Vakhrusheva E.A., Rudenko V.V.

M.A. Balugyansky's Reformmative Ideas and Politics: To the 250th Anniversary of

His Birth	39
------------------------	-----------

Sulyak S.G.

Elizaveta Ivanovna de Witte and Carpathian Rus	61
---	-----------

Dulatov B.K.

Postal Correspondence of Austro-Hungarian and German Prisoners of War of the Omsk Military District as a Source for Studying the Conditions of Their Detention in Captivity	97
--	-----------

Petrenko O.B.

The role of pedagogical journals in the development of multi-ethnic education and schooling in Subcarpathian Rus	120
---	------------

LITERATURE STUDIES

Slipushko O.M., Lisovskaia O.S.

Renaissance Influences in the Rusin Literature of Transcarpathia in the 16th Century	138
---	------------

Novik O.P.

The Poetics of Romanticism of Mykhailo Minchakevych's Works

in <i>The Son of Rus</i>	154
---------------------------------------	------------

Weretiuk O.

The historical tragedy of the Lemkos-Rusins of the Beskids and Bieszczady mountains in Andrzej Stasiuk's selected prose	167
--	------------

LINGUISTICS

Koporova K.

Phonemes and Their Pronunciation Variations in Standard Rusin Language in Slovakia (Consonants)	186
--	------------

Bredis M.A., Lomakina O.V., Mokienko V.M.

Rusin Phraseology as an Example of Cultural and Linguistic Transfer in Slavic Languages (Based on Numerative Units)	198
--	------------

Bedlinskyi O.I., Nabok M.N.

In search of sacral language codes of common human values (on loanwords of Russian, Ukrainian and Rusinian lexis)	213
--	------------

ANTHROPOLOGY

Sholia I.St.

The Effect of Extralingual Factors on the Choice of Personal Names in Uzhhorod in the 20th Century	227
---	------------

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели журнала!

К сожалению, из-за пандемии и введенного режима изоляции пришлось скорректировать ряд наших планов на 2020 г.

В частности, на начало октября была перенесена VI Международная научная конференция «Славянские языки в условиях современных вызовов», которая традиционно проводится на базе Томского государственного университета. Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/slavlang>

По плану, 28–30 октября 2020 г. в Тараклийском государственном университете им. Г. Цамблака пройдет научно-практическая конференция «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Девятые чтения памяти И.А. Анцупова)». Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/antsupov>

Чтобы не делать осень слишком насыщенной в плане научных мероприятий, было принято решение провести запланированную VI Международную научно-практическую конференцию «История Карпато-Днестровских земель с древнейших времен до наших дней» (29–30 мая 2020 г., Кишинев) в заочном формате. На ней было заявлено обсуждение проблемных вопросов истории русинов в годы Второй мировой войны и первые послевоенные годы. Именно в тот период произошло изменение этнического состава восточных регионов Польши.

Разумеется, мы понимаем, что в условиях ограничения доступа к фондам архивов и библиотек многим авторам затруднительно проводить научные исследования, что может привести к снижению количества участников наших конференций.

В свою очередь редакция журнала «Русин», как и прежде, будет рассматривать поступившие статьи, написанные на основе заявленных на конференции докладов, в приоритетном порядке.

С.Г. Суляк,
главный редактор

Dear members of the Editorial Board, authors and readers,

Unfortunately, we have to adjust our plans for 2020 due to the pandemic lockdown.

In particular, we have to postpone to October the Sixth International Conference *Slavic languages: Responding to New Challenges* traditionally held in Tomsk State University. The Conference website: <http://conference.tsu.ru/slavlang>

In October 28–30, 2020, G. Tsamblak Taraclia State University hosts *Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts Conference* (The Ninth I.A. Antsupov Readings). The Conference website: <http://conference.tsu.ru/antsupov>

To make the autumn of 2020 less eventful, it was decided to hold the Sixth International Conference *History of the Carpathian-Dniester Lands From Ancient Times to the Present* (May 29–30, 2020, Chişinău) in absentia. The participants discussed the Rusin history during the Second World War and the early post-war years, which was the period when the ethnic composition of the Polish eastern regions changed.

We are fully aware that the limited access to archival and librarian collections is a serious obstacles that hampers research, which may lead to a reduced number of conference participants.

The *Rusin* Editorial Board is to peer-review the submitted articles based on the conference presentations in priority order.

S.G. Sulyak,
Editor-in-Chief

УДК 94(4)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/60/2

ЕЩЕ РАЗ О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ РУСИНОВ В ПАННОНИИ

М.К. Юрасов

Институт российской истории РАН
Россия, 117292, г. Москва, ул. Д. Ульянова, 19
E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Авторское резюме

В венгерской исторической науке господствует мнение, согласно которому предки подкарпатских русинов не могли появиться на своей современной родине до обретения родины венграми и присоединившимися к ним племенами в Среднем Подунавье. Даже те сведения средневековых хронистов, которые позволяют предположить обратное, трактуются как проявление недобросовестности книжников. Однако данные археологии свидетельствуют о распространении восточных славян в VIII–IX вв. не только в бассейне Верхней Тисы, но и в более южных районах, вплоть до границ средневековой Трансильвании. Они могли попасть туда по воле аварских каганов. В западном направлении ареал расселения «рутен» простирался до излучины Дуная и, возможно, до озера Балатон, где сохранился топоним «Тихань», предположительно восточнославянского происхождения.

Ключевые слова: подкарпатские русины, археология средневековой Венгрии, средневековые венгерские исторические сочинения.

ON APPEARANCE OF RUSINS IN PANNONIA (REVISITED)

M.K. Yurasov

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
19 D. Ulianov Street, Moscow, 117292, Russia
E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Abstract

The dominant opinion among Hungarian historians is that the ancestors of Subcarpathian Rusins could not appear in their modern homeland before Hungarians and the tribes that joined them acquired their homeland in the Middle Danube. Even the information provided by the medieval chroniclers, suggesting the opposite, is interpreted as the negligence of the latter. However, the archaeological data indicate the Eastern Slavs expansion in the 8th – 9th centuries not only in the basin of the Upper Tisza, but also in more southern areas up to the borders of medieval Transylvania. They could get there by the will of the Avar Khagans. The Western area of the settlement of “Ruthenians” extended to the Danube bight and, possibly, to Lake Balaton, where the toponym “Tihany”, presumably of East Slavic origin, is preserved.

Keywords: Subcarpathian Rusins, archaeology of Medieval Hungary, medieval Hungarian historical works.

Развитие исторической науки, особенно медиевистики, время от времени сопровождается усилением гиперкритического отношения к сведениям некоторых источников. Само по себе это явление не является антинаучным, скорее наоборот, стимулирует исследователей на более глубокое изучение дошедших до нас письменных памятников. Но всегда вызывает настороженность стремление некоторых специалистов-текстологов объявить тот или иной исследовавшийся несколько столетий источник фальшивкой, как бы поставив на нем крест и «закрыв» его для дальнейшего изучения. Так, например, в вышедшей в 2014 г. энциклопедии «Древняя Русь в средневековом мире» таковыми объявлены русская версия «Жития св. Стефана Сурожского» и т. н. «Записка готского топарха» [2; 3]. Безусловно, такого рода заявления делаются на основании серьезных аргументов, однако говорить о полностью доказанной фальсификации письменного памятника можно только после того, как будет доказана несостоятельность всех контраргументов.

Иногда гиперкритика сведений средневековых источников проявляется в убежденности в том, что «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Такое мнение высказывается в случаях, когда уникальная информация источника противоречит господствующему в историографии мнению, сложившемуся на основании анализа сведений других источников и кажущемуся исследователям безупречным с источниковедческой точки зрения. Некоторые сведения о Руси и русах в средневековых западноевропейских и византийских источниках относятся не к населению бассейна Среднего Днепра, а к предкам современных подкарпатских русинов [10: 6–28]. В дан-

ном случае хочу обратить внимание на то, как убежденность многих венгерских исследователей в том, что русское население начало распространяться в Венгрии не ранее конца XII в., проявляется в их рассуждениях, связанных с этнической историей Среднего Подунавья более раннего времени.

Речь в данном случае идет о научной оценке одного из свидетельств средневековой венгерской хронистики, в котором перечисляются этнические группы, переселявшиеся в Венгрию в X–XI вв. Впервые оно появляется в гл. 94 «Деяний венгров» Шимона Кезаи, созданных в 1285–1288 гг. при дворе венгерского короля Ласло IV Куна («Половца», 1272–1290), где названы иммигрировавшие на территорию Венгерского королевства этнические группы: «Приехали также во времена как князя Гезы, так и других правителей чехи, поляки, греки, печенеги, армяне и из почти всех иноземных народностей, которые существуют под небом...» (На языке оригинала: «*Intraverunt quoque temporibus tam ducis Geichae quam aliorum regum Boemi, Poloni, Graeci, Bessi, Armreni et fere ex omni extera natione, quae sub caelo est...*») [21: 92]. Хронист мог взять эти сведения из более ранних источников – не дошедших до нас первых вариантов «Деяний венгров», появление которых принято датировать временем правления Эндре (Андраша) I (1046–1060) или его сына Шаламона (1063–1074) [19: 33–34], но, по мнению венгерских исследователей, автором рассматриваемого отрывка был магистр Акош (умер в 1272 г.) – придворный историк Иштвана V (1270–1272) [18: 203]. Правление князя Гезы, о котором упоминает Акош, началось между 970–972 гг. и длилось до 997 г., а его сын Иштван I Святой (997–1038) принял в 1000 или 1001 г. королевский титул. Вообще переселение иностранцев на территорию Венгрии шло на всем протяжении ее средневековой истории вследствие недостаточно высокой плотности населения страны.

В «Композиции венгерских хроник» XIV в. в параллельном тексте, содержащемся в гл. 53, список переселившихся этнических групп более пространный [15: 303]. Нет смысла приводить его, поскольку русины в нем, так же, как и в сочинении Шимона Кезаи, не упоминаются, да и варианты этого перечня в различных списках названного источника не всегда совпадают. В итоговом произведении средневековой венгерской историографии – «Венгерской хронике» Яноша Туроци (ок. 1435 – ок. 1490) – приведен вариант одного из списков «Композиции», где так же отсутствует упоминание о русинах. Издатель «Деяний» Шимона Кезаи и «Композиции венгерских хроник» Ш. Домановски оставил без комментария состав списка переселившихся в Венгрию этнических групп, но на него обратили внимание

комментаторы параллельного текста хроники Яноша Туроци – Э. Маюс и Д. Кришто. Данное ими объяснение строится на верных исходных позициях, из которых делаются весьма спорные умозаключения. Привожу перевод той его части, которая посвящена не упомянутым в перечне народностям без приведенных при этом топонимов и антропонимов:

«Перечень народностей не содержит наименований всех этносов, живших в Венгрии в эпоху магистра Акоша. Он, например, не говорит о славонцах, хорватах, рутенах / русинах, хотя их поселения, возникшие в XI–XII вв., окрестное венгерское население выделяло, называя их топонимами, образованными от венгерских этниконов этих народов: "готы", "хорваты", "ороси" <...> Опускание в перечне славонцев и хорватов можно объяснить тем, что автор *Деяний* не считал иностранцами народы, жившие в пределах Венгрии, если их этнические территории стали составной частью территории Королевства Венгрии с момента его образования или в результате расширения его пределов. Неупоминание же рутенов / русинов, однако, можно воспринять как показатель того, что автор не стремился к полноте. Если учесть при этом, что автор, упустив упоминания об этих трех народностях, упомянул испанцев, тюрингов и мейссенцев, то непродуманность его способа перечислять народы станет очевидной» [18: 210–211].

Приведенный комментарий представляется внутренне противоречивым. С одной стороны, можно полностью согласиться с тем, что отсутствие в перечне, приписываемом магистру Акошу, некоторых народностей, проживавших в Венгерском королевстве в домонгольский период, свидетельствует о том, что они не переселялись отдельными группами в государство Арпадов, а признали их власть, не покидая родных мест, но не понятно, почему из этого списка непременно нужно исключить рутенов / русинов, которые, по мнению Э. Маюса и Д. Кришто, должны были быть упомянуты в списке иммигрантов, если бы магистр Акош «подошел к составлению этого перечня более добросовестно». Такое мнение отражает следование традиции, сложившейся в венгерской исторической науке, но оно не опирается на твердую источниковую базу. С такой же степенью уверенности можно утверждать обратное – что Акош оставил нам точную этническую картину Венгрии своего времени, зная, что рутены / русины проживали на землях Карпатской котловины еще до прихода венгерских племен на рубеже IX–X вв. из Северного Причерноморья на Средний Дунай с целью обретения родины. Недопущение такого варианта равносильно утверждению «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Помощником Э. Маюса при написании научных комментариев был будущий академик Д. Кришто, неоднократно обращавшийся в своих работах к проблемам этнической истории средневековой Венгрии и даже специально к прошлому русско-венгерских отношений. Одна из таких работ выдержала два издания в переводе на русский язык (новейшее изд.: [4]). В ней Д. Кришто рассматривает свидетельства источников о проживании предков современных подкарпатских русинов на территории Венгрии, главным образом, в домонгольское время, исходя из твердой убежденности в том, что они могли быть при Арпадах только переселенцами. Тезис о возможности проживания восточных славян в Карпатской котловине до обретения там родины венграми Д. Кришто вообще не затрагивается. Древнейшим свидетельством о «русах» в Венгрии для него является известие «Хильдесхаймских анналов» о титуле наследника венгерского престола герцога Имре, трагически погибшего на охоте 2 сентября 1031 г., – «вождь русских» (*dux Ruizorum*) [12: 306]. Это событие является для Д. Кришто *terminus ante quem* времени появления первой этнической группы русинов в Венгрии.

Перу Д. Кришто также принадлежит монография, посвященная истории невенгерских народностей средневековой Венгрии, вышедшая в 2003 г., в которой он отводит одну из глав венгерским славянам [20: 81–119]. Написана она в основном с использованием источников XIII–XV вв. Затрагивая в конце главы эпизод, описанный в «Деяниях венгров» неизвестного нотариуса Бельи III (магистра П.) о построении «рутенами», пришедшими с вождем Алмошем, отцом Арпада, при сыне и преемнике Арпада Жолте «Русской крепости» на Дунае, Д. Кришто относит это событие не к первой половине X в., когда правил Жолт, а ко второй половине того же столетия [20: 116]. Каких-либо аргументов в подтверждение такой датировки Кришто не приводит. Что же касается рассмотренной выше версии о неупоминании рутенов / русинов в средневековых исторических сочинениях Королевства Венгрии в связи с их возможным проживанием в Карпатской котловине до прихода венгров, то она в монографии Кришто вообще не затрагивается.

Поскольку проживание славянского населения в Паннонии до захвата ее венграми и присоединившимися к ним этническими группами подтверждается данными археологических исследований, в работах венгерских ученых конца XX в. встречаются попытки уклониться от уточнения, к какой именно ветви славянства принадлежали эти славяне. Невозможность такого уточнения исследователи объясняют малочисленностью славян, проживавших на землях будущего Венгерского королевства, а также их быстрой ассимиляцией при-

шедшими с востока племенами [16: 16]. Впрочем, среди венгерских исследователей уже в то время, когда Э. Маюс и Д. Кришто работали над комментариями к труду Яноша Туроци, высказывались мнения о том, что именно восточные славяне проживали на северо-востоке будущего Венгерского королевства в момент перехода через Карпаты племен Арпада. Такую возможность допускает археолог Ч. Балинт [13: 118], а более уверенно говорит об этом Д. Дерффи, считая ареалами расселения восточных славян на момент прихода венгров бассейн Верхней Тисы и Северную Трансильванию [17: 638]. Основанием для таких предположений ему служат археологический материал и данные топонимии.

Археологи и лингвисты обнаружили в Северной Трансильвании следы восточных славян довенгерской эпохи, подтверждающие правоту Д. Дерффи. «Еще во времена аварской власти, около VIII в., значительная по количеству восточнославянская народность, вероятно, через Северо-Восточные Карпаты пришла на территорию Силадьшага (Szilágyság) и в междуречье Самоша, как об этом свидетельствуют и топонимические названия, и особое погребение в виде курганов, названное "группа Силадьнадьфалу" (Szilágynagyfalú csoport). По свидетельству археологических находок из могильников, раскопанных на окраине деревни Силадьнадьфалу и деревни Самошфальва, можно заключить, что аварская власть признавала вождя этой народности в одинаковом ранге с высшими аварскими старейшинами. Свою независимость эта народность более или менее неповрежденной сохранила и во времена болгарской власти в IX в., и, хотя "количество непосредственных археологических данных, которые свидетельствовали бы о том, что это восточнославянское население дожило до обретения венграми родины, является незначительным, все-таки их существование в этот период подтверждается значительным количеством материала топонимических названий в долинах рек Красна и Беретте (Kraszna, Berettő) в Силадьшаге, а также венгерским наконечником стрелы из времен обретения венграми родины, найденным в одном из погребальных курганов"» [8: 143–144; 14: 181]. Кстати, приведенная здесь «цитата в цитате» взята из работы, вышедшей за год до издания комментариев к произведению Яноша Туроци.

Как видно из пространного отрывка из работы С. Сабо, венгерская исследовательница, признавая проживание восточных славян на землях Карпатской котловины до прихода туда мадьяр и присоединившихся к ним этнических групп, подчеркивает незначительность восточнославянского населения, в чем можно увидеть намек на его достаточно быструю ассимиляцию воинственными иммигрантами

из Северного Причерноморья. Сабо также указывает на связь проживавшей в VIII–IX вв. группы восточных славян с аварской знатью, что способствовало ее сохранению в эпоху гегемонии болгар в Карпатской котловине, однако ряд венгерских исследователей подчеркивают, что власть болгарских ханов не распространялась в рассматриваемое время на земли севернее Трансильвании, хотя в 803–804 гг. аварское войско было полностью истреблено болгарским ханом Крумом (802–814) [9; 10]. Правителей Первого Болгарского царства интересовали прежде всего рудники и соляные копи собственно Трансильвании, находившиеся в ее южной части.

Вряд ли можно отрицать господство аваров над южными этническими группами восточного славянства в эпоху расцвета Аварского каганата, но после его краха ни Франкская империя Карла Великого и его преемников, ни Первое Болгарское царство не могли в полной мере контролировать территории к северу от будущей Трансильвании, поскольку для франков она была слишком далека от политических центров их империи, а болгарские ханы вели регулярные войны с Византией, постепенно продвигаясь на юг Балканского полуострова. Скорее всего, в названном регионе сложилась «буферная зона», малочисленные жители которой лишь номинально могли признавать себя подвластными правителям формировавшихся за ее пределами ранних государственных образований. Даже после обретения родины венграми эти земли долгое время не были освоены в административном отношении, о чем свидетельствует «сторожевая топонимия», обнаруживающаяся внутри территории (на северо-востоке) средневекового Венгерского королевства [5: 207].

Русинские исследователи с середины XIX в. утверждали, что в аварскую эпоху славяне населяли земли к северу от Трансильвании, называясь белыми хорватами [11: 1]. Не уточняя, к какой ветви славянства принадлежало население будущей Подкарпатской Руси VII–IX вв., И.И. Поп считает белых хорватов ославянившимися племенами сарматского или аланского происхождения. Лишь их самый восточный анклав, проживавший в верховьях Днестра, представляли восточные славяне [7: 33, 107]. В то же время закарпатский археолог С.И. Пеняк заявляет о принадлежности к восточному славянству населения бассейна Верхней Тисы в рассматриваемый период [6: 125–166].

В конце XIX в. Н.П. Барсов, анализируя данные топонимии, очертил ареал распространения восточных славян на землях Карпатской котловины, границы которого проходили между Эстергомом и Вацом, затем уходили на восток по низменности, «обрамляющей горы Вацовские», мимо Эгера до реки Шайо, далее по этой реке до впадения в нее Самоша, «вверх по течению последнего» в комитате Сатмар и

далее по Северной Трансильвании «возле Самош-Уйвара, до снежных Семиградских Альп, которые преп. Нестор не без основания называл горами Угорскими» [1: 285]. Как видно из приведенной цитаты, Барсов, в отличие от подавляющего большинства исследователей, считал упоминаемыми в «Повести временных лет» «горами Угорскими» не тот участок линии Карпатских гор, что находится на территории современной Закарпатской области Украины, а линию хребтов, являющуюся естественной северной границей Трансильвании.

Вышеизложенное позволяет усомниться в обоснованности обвинений магистра Аكوша в недобросовестности при составлении списка народностей, группы которых переселялись в Карпатскую котловину после захвата ее территории венграми. Зная, что рутены / русины проживали там еще до появления мадьяр, придворный историк Иштвана V не стал вносить их в список этнических групп, которые появились в Среднем Подунавье уже после прихода венгров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. 2-е изд. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1885. 371, [3] с.

2. Бибииков М.В. Записка готского топарха // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия / Под общ. ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 291.

3. Бибииков М.В. Стефана Сурожского житие // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия / Под общ. ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 791.

4. Кришто Д. Русские в Венгрии в эпоху династии Арпадов / Пер. Б.Й. Желицки // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (Памяти В.П. Шушарина). М., 2004. С. 41–53.

5. Немет П. Образование пограничной области Боржавы // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 206–220.

6. Пеняк С.І. Давньослов'янське населення Закарпаття другої половини I тисячеліття нашої ери // Nonfoglalás és Árpád-kor. A Verecke híres útján tudományos konferencia anyagai. Ungvár, 1997. С. 125–144.

7. Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. 2-е изд. Ужгород, 2006. 412 с.

8. Сабо С. Славяне на территории Трансильвании во время обретения венграми родины // Dissertationes Slavicae. Linguistica. CXXV. Szeged, 2001. С. 141–146.

9. Сентпетери Й. О позднеаварских и раннеболгарских связях // Проблемы на прабългарската история и култура: сб. статей. София, 1989. С. 117–128.

10. Сьоке Б.М. О северной границе Первого Болгарского государства в IX

веке // Проблеми на прабългарската история и култура: сб. статей. София, 1989. С. 105–116.

11. Явдык Л. История Угорской Руси. Варшава, 1904 [4], 80 с.

12. Annales Hildesheimenses / Ed. by G. Weitz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover, 1878. Vol. 8. 69 с.

13. Bálint Cs. A Kárpát-medence VI–IX. századi régészeti-néptörténeti kérdései // Bevezetés a magyar őstörténet kutatásának forrásaiba. I:1. Szerk. Hajdú P. Kristó Gy. Róna-Tas A. (kézirat). Szeged, 1976. P. 107–120.

14. Bóna I. Szlávok // Erdély története három kötetben. Fűszerk. Köpeczi B. Budapest: Akadémiai kiadó, 1987. P. 177–188. 1.

15. Chronici Hungarici compositio saeculi XIV / ed. A. Domanovszky // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Budapestini, 1937. Vol. I. P. 217–505.

16. Font M. A honfoglalástól Mohácsig // A Kárpát-medence etnikai és demográfiai viszonyai a honfoglalástól a törörök kiűzéséig. Pécs, 1998. 5–30.

17. Györffy Gy. Honfoglalás és megtelepedés // Magyarország története tíz kötetben. I. Előzmények és magyar törtémet 1242-ig. Fűszerk. Gy. Székely. 2. kiad. Budapest, 1987. P. 577–650.

18. Johannes de Thurocz. Chronica Hungarorum. II. Commentarii. 1. Ab initiis usque ad annum 1301. Composuit E. Mályusz. Adjuv. J. Kristó. Budapest: Akadémiai kiadó, 1988. 603 p.

19. Kristó Gy. Magyar historiográfia. I. Történetírás a középkori Magyarországon. Budapest: Osiris, 2002. 316 p.

20. Kristó Gy. Nem magyar népek a középkori Magyarországon. Budapest: Lucidus Kiadó, 2003. 315 p.

21. Simonis de Keza Gesta Hungarorum / ed. A. Domanovszky // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Budapestini, 1937. Vol. I. P. 129–194.

REFERENCES

1. Barsov, N.P. (1885) *Ocherki russkoy istoricheskoy geografii. Geografiya Nachal'noy (Nestorovoy) letopisi* [Essays of Russian Historical Geography. Elementary Geography of Initial (Nestor's) Chronicle]. 2nd ed. Warsaw: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga.

2. Bibikov, M.V. (2014a) Zapiska got'skogo toparkha [Toparcha Gothicus]. In: Melnikova, E.A. & Petrukhin, V.Ya. (eds) *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire* [Old Rus in the Medieval World]. Moscow: Ladomir. p. 291.

3. Bibikov, M.V. (2014b) Stefana Surozhskogo zhitie [The Life of Stephen of Surozh]. In: Melnikova, E.A. & Petrukhin, V.Ya. (eds) *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire* [Old Rus in the Medieval World]. Moscow: Ladomir. p. 791.

4. Kristó, Gy. (2004) Russkie v Vengrii v epokhu dinastii Arpadov [Russians in Hungary during the Arpad dynasty]. Translated from Hungariona by B.Y. Zhelitski. In: Islamov, T.M., Stykalin, A.S. & Yurasov, M.K. (eds) *Vengry i ikh*

sosedi po Tsentral'noy Evrope v Srednie veka i Novoe vremya (Pamyati V.P. Shusharina) [Hungarians and their neighbors in Central Europe in the Middle Ages and the New Time (In memory of V.P. Shusharin)]. Moscow: RAS. pp. 41–53.

5. Németh, P. (1972) Obrazovanie pograničnoy oblasti Borzhavy [The formation of the Borzhava border area]. In: Smirnov, A.P. (ed.) *Problemy arkeologii i drevney istorii ugrov* [Problems of Archeology and the Ancient History of the Ugrians]. Moscow: Nauka. pp. 206–220.

6. Penyak, S.I. (1997) Davn'oslov'yans'ke naselennya Zapakpattya drugoi polovini I tysyachelittya nashoi eri [Ancient Slavic population of Transcarpathia in the second half of the 1 millennium AD]. In: Kobály, J. (ed.) *Honfoglalás és Árpád-kor. A Verecke híres útján tudományos konferencia anyagai*. Ungvár: [s.n.]. pp. 125–144.

7. Pop, I. (2006) *Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi* [Encyclopedia of Subcarpathian Rus]. 2nd ed. Uzhhorod: V. Padyak.

8. Szabó, S. (2001) Slavyane na teritorii Transil'vanii vo vremya obreteniya vengrami rodiny [Slavs in Transylvania during the acquisition of the homeland by the Hungarians]. *Dissertationes Slavicae. Linguistica*. CXXV. pp. 141–146.

9. Szentpétery, J. (1989) O pozdneavarskikh i rannebolgarskikh svyazyakh [On the late Avar and early Bulgarian relations]. In: *Problemi na prabolgarskata istoriya i kultura* [Problems of Pro-Bulgarian History and Culture]. Sofia: bulgarian Academy of Sciences. pp. 117–128.

10. Szöke, B.M. (1989) O severnoy granitse Pervogo Bolgarskogo gosudarstva v IX veke [On the northern border of the First Bulgarian State in the 9th century]. In: *Problemi na prab'lgarskata istoriya i kultura* [Problems of Pro-Bulgarian History and Culture]. Sofia: bulgarian Academy of Sciences. pp. 105–116.

11. Yavdyk, L. (1904) *Istoriya Ugorskoy Rusi* [The History of the Hungary Rus]. Warsaw: [s.n.].

12. Weitz, G. (ed.) (1878) *Annales Hildesheimenses*. Hannover: limpensis bibliopolii Hahniani.

13. Bálint, Cs. (1976) A Kárpát-medence VI–IX. századi régészeti-néptörténeti kérdései. In: Hajdú, P., Kristó, Gy. & Róna-Tas, A. (eds) *Bevezetés a magyar őstörténet kutatásának forrásaiba*. Szeged: Tankönyvkiadó. pp. 107–120.

14. Bóna, I. (1987) Szlávok. In: Köpeczi, B. (ed.) *Erdély története három kötetben. Fűszerk*. Budapest: Akadémiai kiadó. pp. 177–188. 1.

15. Domanovszky, A. (ed.) (1937a) *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*. In: *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Edendo operi praefuit E. Szentpétery*. Vol. 1. Budapest: [s.n.]. pp. 217–505.

16. Font, M. (1998) *A Kárpát-medence etnikai és demográfiai viszonyai a honfoglalástól a törörök kiűzéséig*. Pécs: [s.n.]. pp. 5–30.

17. Györffy, Gy. (1987) Honfoglalás és megtelepedés. In: Székely, Gy., Antal, B. & Kristó, Gy. (eds) *Magyarország története tíz kötetben*. Vol. 1. Budapest: Akadémiai Kiadó. pp. 577–650.

18. Thurocz, J. de. (1988) *Chronica Hungarorum. II. Commentarii. 1. Ab initiis usque ad annum 1301*. Budapest: Akadémiai kiadó.

19. Kristó, Gy. (2002) *Magyar historiográfia*. Vol. I. Budapest: Osiris.

20. Kristó, Gy. (2003) *Nem magyar népek a középkori Magyarországon*. Budapest: Lucidus Kiadó.

21. Domanovszky, A. (ed.) (1937b) *Simonis de Keza Gesta Hungarorum*. In: *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Edendo operi praefuit E. Szentpétery*. Vol. 1. Budapest: [s.n.]. pp. 129–194.

Юрасов Михаил Константинович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Россия).

Mikhail K. Yurasov – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

УДК 75.046

UDC

DOI: 10.17223/18572685/60/3

ГАЛИЦКО-РУССКИЕ ИКОНЫ ПОХВАЛЫ БОГОРОДИЦЫ XV–XVI вв.: ГЕНЕЗИС И МЕТАМОРФОЗЫ

Н.В. Шамардина

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Россия, 236016, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

E-mail: NVOV04@mail.ru

Авторское резюме

Галицко-русские иконы Похвалы Богородицы интересны своим происхождением из образов песнопений акафистного богослужения, обстоятельствами появления (вероятно, связанными с митрополитом Западнорусской митрополии Григорием Цамблаком) и беспрецедентной распространенностью. К этому типу принадлежат выдающиеся произведения XV в., характеризующие главный иконописный центр Польского государства – Перемышль. В XVI в. в малых ремесленных городах, прежде всего в Самборе, создавались иконы, демонстрирующие демократический вариант национального иконописного стиля, связанный с художественными достижениями соседней единой Молдавии. «Львовский Ренессанс» затронул все стороны духовной жизни галицких русинов в период около 1600 г. В творчестве Федора Сеньковича представлен своего рода заключительный эпизод двухвековой истории галицкого извода Похвалы Богородицы – подписанная и датированная 1599 г. икона из села Рипнев под Львовом. В иконах Похвалы Богородицы XV–XVI вв. выявлены трансформации иконографического типа, связанные с изменениями в менталитете православного населения на востоке польского католического государства, свидетельствующие как о причастности к балкано-славянским церковно-культурным импульсам, так и об общих закономерностях развития сакрального искусства.

Ключевые слова: галицкая земля, православная церковь, иконографический канон, иконы Богородицы, культурно-конфессиональное пограничье.

GALICIAN-RUSSIAN PRAISE OF THE VIRGIN ICONS OF THE 15th – 16th CENTURIES: GENESIS AND METAMORPHOSIS

N.V. Shamardina

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevsky Street, Kaliningrad, 236016, Russia
E-mail: NVOV04@mail.ru

Abstract

The Galician-Russian icons of Praise of the Virgin are interesting both due to their origin from the hymns of akathist worship, the circumstances of their appearance in the Galician-Russian lands (probably related to the Western Russian metropolitan Gregory Tsamblak), and their unprecedented abundance. This type includes the outstanding works of the 15th century belonging to the Przemyśl School, the main icon-painting centre in Poland. In the 16th century small trading towns, primarily Sambir, housed icon-painters who created icons in the democratic version of the national icon-painting style, associated with the artistic achievements of the neighboring coreligious Moldova. The Lviv Renaissance affected all aspects of the spiritual life of Galician Rusins around 1600 during the events around the Brest Union (1596). A final episode of the two-century history of Praise of the Virgin in its Galician version is presented in Fyodor Senkovich's icon from the Ripnev village near Lviv, dated 1599. The Praise of the Virgin icons of the 15th – 16th centuries demonstrate the iconographic type transformation caused by the changes in the mentality of the Orthodox population in the east of the Polish Catholic state, indicating both involvement in the Balkan-Slavic church and cultural impulses, as well as general patterns of sacred art development.

Keywords: Galicia, Orthodox Church, iconographic canon, icons of the Virgin, cultural and confessional borderland.

Среди иконописного наследия средневековой Галицкой земли (ныне – западных областей Украины и юго-восточного приграничья Польши) выделяется группа икон Богоматери со святыми на трех полях. Такие иконы устанавливались обычно в церкви слева от царских врат; парными к ним были, очевидно, иконы Пантократора (в окружении апостолов или другого иконографического типа [27: 15]). На протяжении столетий они являлись главными образами Божьей Матери галицких русинов. В настоящее время в музеях и церквях ре-

гиона насчитывают несколько десятков икон такого типа¹. Их отличает своеобразие иконографического извода, не известного в северо-восточных русских землях, и специфическая эволюция, которая отражает изменявшийся на протяжении столетий менталитет творцов церковного искусства. Возникновение и трансформации этого типа икон Богородицы представляются интересной исследовательской задачей.

Утрата государственного суверенитета, переход Червонной Руси под власть иноверных и иноязычных правителей² стали началом кризиса идентичности православных русинов. Самоидентификация этнокультурной общности, скрепляемой памятью о прошлом Галицко-Волынской Руси, в значительной мере связана с приверженностью традициям церковного искусства.

Православная церковь на русских землях польской короны, не поддерживавшаяся ни королем-католиком, ни ополячившейся феодальной знатью, оказалась в трудном положении. Фактически православие в католическом государстве стало религией угнетенного, но сохранявшего свое национальное самосознание народа.

Наибольшей интенсивностью художественной жизни на русских землях, отошедших в конце XIV в. к Польше, отличалась та часть Юго-Западной Руси, которая входила в Перемышльскую епархию. Епископский стол в Перемышле, несмотря на притеснения светских властей и католического духовенства, сохранял свой церковный статус. Именно на территории бывшей Перемышльской епархии обнаружено большинство из дошедших произведений иконописи XIV–XVI вв. Известно о нескольких художниках-священниках, работавших в Перемышле в то время [20: 228]. Византинизирующий традиционализм иконописцев стал залогом той интеллектуально-духовной высоты, которая присуща иконописи галицких русинов того непростого периода.

Галицкая церковная живопись XV в. отличалась не свойственным ей в целом иконографическим разнообразием (возможно, вследствие вынужденной смены культурных ориентиров из-за часто менявшегося церковного статуса). Именно в то время распространение получают иконы, идейно-богословское содержание которых соответствует византийскому празднику Похвалы Богородицы.

Похвала Богородицы не относится к великим праздникам православной церкви. Но его основная тема – Боговоплощение – была важнейшей в теологии византийского мира XIV в.; пророческие прообразования Божьей Матери выявляли единство Ветхого и Нового Заветов, отрицаемое еретическими учениями. Существенным и всенародно воспринятым аспектом праздника является благодарение Девы Марии за спасение от неверных.

Согласно церковной традиции, праздник Похвалы Богородицы связан с Влахернским храмом Константинополя, где в 626 г. было совершено благодарственное моление за чудесное спасение столицы империи от нашествия. Предположительно между VII и IX вв. установилось празднование в субботу 5-й недели Великого поста – Суббота акафиста. Окончательно богослужения Субботы акафиста соотнесли с военными успехами Византийской империи в XIV в. [3: 139–151].

После победы иконопочитателей иконы Богородицы становятся важным фактором общественной жизни Византии. Так, Одигитрия – палладий столицы – уже с X в. воспринимается как защитница Константинополя в отсутствие императора [14: 198–221]. С Акафистой субботы до Пасхи она находилась в императорском дворце [23: 332]. При всем иконографическом разнообразии почитаемых в Византии богородичных образов это обстоятельство послужило закреплению связи между чудесами спасения от неверных с иконой Одигитрии.

Среди других торжеств православной церкви праздник Похвалы Богородицы выделяется многочастной «неседальной молитвой» – акафистом. Фрески, иллюстрирующие его текст, появляются в греческих церквах в конце XIII в.; с середины XIV в. – в балканских странах. Можно сказать, что разделенные архитектурными членениями и лакунами отдельные изображения храмовых росписей, складываясь воедино, образуют подобие продуманно организованной по законам византийской гимнографии иконы. Однако собственно икон этого праздника в Византии не известно: воспевавшие акафист обращались к древним почитаемым в храмах образам Богоматери. В окружении императора во второй половине XIV в. акафист связывали с иконой Одигитрии [10: 154–155].

Уникальная икона «Похвала Богородицы с акафистом на полях» из Успенского собора московского Кремля конца XIV в., вероятно, балканского мастера [8: № 972], возникла, скорее всего, благодаря участию в формировании ее замысла митрополита Киевского и всея Руси Киприана (1389–1406) и предназначалась для великокняжеского храма Благовещения [17: 88–100] как гимн Матери воплотившегося Бога. В основе иконы – канон, предположительно составленный в VIII в. патриархом Константинопольским Германом: «Свыше пророцы тя предвозвестиша, Отроковице: стамну, жезл, скрижаль, кивот, свещник, трапезу, гору несекому, златую кадильницу и скинию, дверь непроходимую, палату, и лествицу, и престол Царев». В соответствии с текстом в средней части иконы изображены по сторонам восседающей на престоле Богоматери поклоняющиеся ей пророки со свитками и с атрибутами – символами пророчеств в руках. Выразительный композиционный прием, развивая основную

средневековую изобразительную схему «явления», в дальнейшем постоянно используется в иконографии Похвалы Богородицы (хотя количество пророков варьировалось от 2–4 до 10–16).

Иконы Похвалы, возникшие из посвященных Богородице песнопений, стали особым явлением духовной культуры как Восточной, так и Западной Руси. Если в Московской Руси иконы этого типа распространяются в XVI–XVII вв., в той или иной мере повторяя кремлевский образец, то на землях бывшей Галицкой Руси уже в начале XV в. существовали и особо почитались иконы Богоматери Одигитрии с изображением на боковых полях пророков, а на нижнем – родителей Марии и византийских церковных поэтов VIII–IX вв., восхваляющих Богородицу (обычно изображались Иоанн Дамаскин, Косьма Маюмский, Иосиф Песнописец и Стефан Савваит). Подчеркнем, такая композиционная схема встречается только в галицко-русской иконописи, причем в других сюжетах образы песнопевцев здесь не известны.

В русской иконописи изображения гимнографов помещаются в многофигурных композициях типа «Собор Богородицы» с XIV в. Истоки их лежат в византийском искусстве: усложнение иконографии мотивами из гомилических и гимнографических текстов – одна из особенностей палеологовской живописи. Так, в стенописи храма монастыря Хора в Константинополе 20-х гг. XIV в. представлен ранний вариант Похвалы Богоматери с ангелами и четырьмя песнопевцами; помещенные рядом сцены с пророками указывают на ветхозаветные прообразы Богоматери. Аналогичный тематический цикл повторяется в сербской церкви Лесново 1347 г. В молдавских росписях XV и начала XVI в., обычно следовавших иконографической традиции Македонии и Сербии, «похвальская» композиция концентрируется на главной теме: изображение Богоматери в куполе нартекса или на своде «окружено» фигурами 12 пророков в барабане, а в парусах помещены изображения четырех песнопевцев. При этом балканских икон с группой песнопевцев, соответствующих по времени рассматриваемым галицким, нам отыскать не удалось, хотя изводы Одигитрии с пророками на полях в XVI–XVII вв. там известны [21: 86].

Архитектонически галицкие иконы Похвалы Богородицы состоят, как и церковное пространство, из трех частей (нефов); живописные элементы выстраиваются на иконной плоскости подобно проекции расположенных на криволинейных поверхностях – на своде и в парусах – стеновых росписей, что позволяет рассматривать в целом композиционную схему икон как своего рода образ храма³. Программа их сближается по общему смыслу с композицией Древа Иессеева⁴: согласно христианской экзегезе, вся история Ветхого Завета является «предуготовлением» Тела Христова; изображение Богородицы с

родителями, пророками и гимнографами может рассматриваться как образ происхождения Богочеловека от Марии, «возросшей от корня Иессева», и одновременно как образ Церкви.

Византийский иконографический канон – единый для православных стран культурный код – является высшей ценностью, означающей конфессиональную (читай – национальную) принадлежность. Для регионов культурно-конфессионального пограничья этот его аспект становится жизненно важным, и неудивительно, что иконописные схемы здесь менялись достаточно редко. Изменения возникали в связи со значимыми переменами в церковной или государственной жизни, с актуализацией богословских идей и могли привноситься, прежде всего, по инициативе церковных иерархов⁵.

Итак, в начале XV в. в галицкой церковной живописи сложился новый, безукоризненный, с богословской точки зрения, вариант иконы Одигитрии, почитавшейся в Византии как залог Небесного заступничества от неверных. Его появление в период ужесточившейся конфессиональной политики католических властей в отношении православного населения русских земель польского государства вряд ли случайно⁶. Иконы Похвалы Богородицы на землях Юго-Западной Руси представляли собой визуальную параллель любимого в Константинополе и православных славянских странах поэтически-торжественного акафистного богослужения. В храмах сел и местечек Перемышльско-Галицкой Руси при отсутствии (в отличие от византийских и югославянских церквей) монументальных росписей⁷ иконы такого типа принимали на себя функции многосоставной фрески, отражавшей важные для православного сознания того времени темы.

Иконографическое творчество галицких русинов оставалось подконтрольным церковной иерархии и ортодоксально настроенной общине, чей охранительный консерватизм способствовал национально-культурному выживанию в ситуации угрозы ее существованию. Для православного галичанина, тем более в изоляции от ведущих религиозных центров, было неоспоримым утверждение, что «изобретение» иконного образа – дело отцов Церкви, живописцам же принадлежит только техническая сторона дела.

Исходя из исторических реалий, можно предположить, что проводником византийско-балканского влияния в культурную жизнь Юго-Западной Руси было окружение главы Западнорусской митрополии Григория Цамблака (ок. 1365 – 1420), плодовитого гимнографа, чья балканская родина – Тырновское царство – в 1393 г. уже была поработана войсками османского султана Баязида I. Основную часть литературного наследия Григория Цамблака (в разные периоды жизни – игумена монастыря Дечаны в Сербии, «пресвитера великой

церкви Молдавской» в Сучаве) составляют похвальные слова на церковные праздники⁸. Предположение, что в разработке богословской программы икон Богородицы, отличающихся догматической полнотенностью и эстетической завершенностью, мог принимать участие крупный церковный деятель православной Юго-Восточной Европы, не кажется беспочвенным. Болгария (о чем свидетельствует антибогомильский собор в Тырнове 1359 г.) и другие европейские страны переживали в середине XIV в. подъем богомильских настроений с их неприятием единства Ветхого и Нового Заветов и примитивным иконоборчеством [1: 93–95]. Следовавший церковно-политической программе соотечественника (и близкого родственника) митрополита Киевского и всея Руси Киприана⁹, Григорий Цамблак мог озаботиться расширением и актуализацией иконографического репертуара окормляемого им региона так же, как несколькими десятилетиями ранее это делал Киприан в отношении столицы Московского княжества¹⁰.

Среди галицких икон «похвальского» типа первой половины XV в. самыми совершенными с художественной точки зрения являются происходящие из городков и сел, входивших в Перемышльскую епархию, – Подгородцы, Болехов, Береги Долишни [5: 1, 2, 5], Новая Весь [26: 83]. Иконы выполнены разными мастерами, способы интерпретации ими византийского наследия Палеологов значительно разнятся, но все их объединяет композиционная выверенность, изысканность ритмов внутреннего рисунка, мастерство санкирного письма, гармония колорита, причем в том специфическом сплаве, который характеризует особенности местного иконописания, связанного с епископской столицей – Перемышлем, и, возможно, указывает на общий прототип.

Рубежом XV и XVI вв. датируют иконы из сел Коростина близ Устрик Долишних [5: 6] и из Панищева [25: 35]. В них, как и в названных выше, в наиболее чистом виде представлена иконография Похвалы Богородицы, какой она сложилась в монументальной живописи Балкан.

Иконы Богородицы Одигитрии с Похвалой из городов Белза [5: 10] и Бусска [2: № 5] первой половины XVI в. – произведения «столничного» уровня профессиональной культуры. При ортодоксальности «похвальского» сюжета их живописную манеру отличают позднеготические и ренессансные влияния, вероятно, воспринятые через соседнюю единоверную Молдавию¹¹. В ковчеге средника в обоих случаях изображена Богоматерь Одигитрия с младенцем и полуфигурами архангелов в верхних углах. С трех сторон – широкие поля с фигурами святых: по бокам помещены пророки (по пояс), на нижнем поле – фигуры песнопевцев (в Белзской иконе – 4, в Бусской – 2), а также родителей Марии – Анны и Иоакима. Гармоническое един-

ство средника и полей подчеркивает ритм элементов композиции: свитки пророков в совокупности образуют спиралью завивающуюся ленту. Подобный художественный прием присутствует в молдавских фресках XVI в., в т. ч. и в сценах прославления Богородицы [21: 84].

Некоторая близость к рассматриваемым иконам (правда, без того же градуса виртуозности) присутствует в образах из церквей Рождества Богородицы в Пидлисах и Ванивке, Св. Параскевы в Повергове и Ясенице [5: 11, 15, 21, 24]. В последнем случае классический «похвальский» извод заметно трансформируется: на месте фигур песнопевцев помещен пророк Илия¹², что открывает новый иконографический вариант, представленный рядом икон (из сел Яблунев, Бусовиско) [5: 34, 36].

Введение ветхозаветного персонажа в смысловой центр композиции имеет параллель в северорусских иконах Похвалы Богородицы того же времени: в центре нижнего регистра появляется Валаам, прорицатель и чародей, выступавший на стороне врагов народа Израиля, в конце жизни – полуслепой калека. Валаама изображают на коленях, полуобнаженным, в состоянии судорожного экстаза. Повинуясь божественной воле, он предсказывает славу Израиля: «Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля» (Чис. 24:17), что связывает его с темой Воплощения. Соседствуя с церемониально предстоящими Богородице пророками, ущербная фигура Валаама вносит в сцену драматический эффект. В галицких иконах в центре композиции нижнего поля иконы не образ юродствующего калеки, а полная сгущенного апокалиптического пафоса фигура сурового пророка Ильи. Воздымаемый им текст: «...поревновах по Господе Боже, ибо сыны Израилевы оставили завет Твой» (3 Царств 19:14) – недвусмысленное предупреждение о недопустимости отвержения истинной веры, актуальное для галицких русинов в смутное время. Этот вариант «похвальской» иконографии связан с творчеством иконописцев, чья стилистика близка произведениям монументальной живописи Молдавии начала XVI в., в то время – «Византии после Византии» [21: 85], и, возможно, именно там следует искать прототипы интересующей нас композиции.

В многочисленных «похвальских» иконах XVI в. важно отметить новый, казалось бы, частный момент трансформации сюжета, ставший в результате показателем становления в среде галичан ренессансного индивидуализма с его особым восприятием православной религиозности, с потребностью личного молитвенного общения с небесными покровителями. Между молитвенно предстоящими фигурами Иоакима и Анны появляется свиток с текстом, акцентирующим главный смысл праздника (добавим, отсутствующего в католическом

церковном календаре). Чаще всего это фрагмент песнопения Иоанна Дамаскина «О Тебе радуется...» (иконы из Чуквы, Повергова, Сколе) [5: 29, 35, 45] или гимн «Достойно есть...», авторство которого приписывается гимнографу Косьме Маюмскому (иконы из сел Новшин, Турье) [5: 43–44]. В некоторых случаях введен текст древнейшей богородичной молитвы «Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево...» (иконы из Потелича, Долины) [5: 29, 49].

Обретая возможность «публиковать» в каноническом образе личную молитву-обращение, заказчики и художники используют ее в мемориальных целях: вводят сведения о жертвователях иконы, об обстоятельствах и времени ее создания и, что для нас особенно ценно, об имени иконописца.

Наиболее ранний пример такого рода – около 1547 г. (дата иконы «Успение Богородицы» того же мастера) Похвала Богородицы из церкви села Смильник [12: 90]. Здесь представлен вотивный текст: «Изволением отца и споспешением сына и свершением Святого Духа исписа сия икона Пречистыя Богоматере рукою многогрешного раба Божия Олексея...»¹³.

Образы икон мастера Алексея¹⁴ близки изображениям одного из художников, работавших в 1535 г. под руководством Тома Сучавского в церкви монастыря Хумор. Считают, что Тома вместе с помощниками украшал многие церкви Молдавии, умело сочетая новшества европейского искусства с традициями православия [7: 29–30].

К середине XVI в. место Перемышля, иконописного центра польского государства, заняли малые ремесленные города. Не священники, а ремесленники, кроме церковной живописи (домашних икон в то время не было) занимавшиеся различными декоративно-художественными работами, определяют облик местного иконописания, демонстрируя демократический вариант национального иконописного стиля. На несколько десятилетий центром галицкой художественной жизни стал Самбор. На возникавшие там образцы определенно ориентированы иконы интересующего нас извода из сел Трушевичи, Поляна, Угерци, Лисковатое, Задильско, Терло [5: 17–18, 22–23, 28, 32].

Самбор, одно время являвшийся резиденцией перемышльского епископа, с монастырем Св. Онуфрия в находящемся поблизости Лаврове, как и некоторые другие галицкие города (например, Львов, Бусск), традиционно были местами пребывания единоверцев из Молдавии. Показательно для нашей темы, что фрески в притворе Лавровской церкви середины XVI в. представляют сюжеты именно акафиста Богородицы, созданные «по образцам молдо-валашского искусства» [11: 349].

Православная Молдавия времен Стефана Великого и его сыновей оставалась хранителем греко-балканского наследия, и процессы ее художественной жизни отражались на развитии галицкого искусства. Несколько десятков икон этого региона представляют явные параллели композиций наружных стенописей церквей Воронца и Сучевиты, Арбора и Хумора.

Стилистические и иконографические сближения галицкой и молдавской живописи следует рассматривать не как элементарное цитирование одной национальной культурой элементов образности другой, а как свидетельство существования единого этнокультурного и конфессионального поля, в котором актуальные политические границы существенной роли не играли (с середины XV в. вплоть до договора 1518 г. под турецкой угрозой Молдавия несколько раз вступала в вассальные отношения с Польшей, частью которой являлась в то время Галицкая земля). Молдавия возникла в результате волошско-руси́нской колонизации на землях Галицкой Руси, и ее православная церковь первое время была подчинена Галицкой митрополии; среди ее подданных было значительное количество руси́нов [16: 109; 19: 112]. Культурно-конфессиональные контакты руси́нов галицких земель и Молдавии упрощались близостью разговорного языка, общим – церковнославянским – оставался язык церковной службы и богослужебных книг, написанных кириллицей. В определенном смысле можно считать, что центр духовной жизни руси́нов галицкой земли, утративших церковную иерархию, переместился в молдавскую столицу: многие десятилетия сучавские митрополиты выполняли роль галицких святителей, поставляя иереев; иереи оттуда везли богато украшенные церковные книги [22: 51–52]. Господари Молдавии не только сочувственно откликались на просьбы галицких руси́нов, присылали деньги, скот, хорошее вино и провизию для церковных праздничных трапез, предметы богослужения, но и ревностно оберегали свое право считаться главными фундаторами строившихся или восстанавливавшихся церквей, воздвигавшихся в них икон. Беспокоились они и о благолепии церковного богослужения, обучении юношей церковному пению [22: 53].

Сходство исторических судеб, скрепленное этнической и языковой общностью, способствовало плодотворным культурным контактам, выработке близких особенностей художественного языка национального религиозного искусства. Но все же в первую очередь динамика художественной культуры галицких земель определялась внутренними социально-культурными импульсами.

Первенство в культурной жизни галицкого региона последней четверти XVI в. переходит к бывшему князю Львову – второму

по величине после столицы, Кракова, городу Речи Посполитой и самому крупному на ее восточнославянских землях. Со Львовом связана подвижническая деятельность Ивана Федорова, издавшего здесь «Апостол» с послесловием – «Повестью» (1573–1574), и «Азбуку» (1574). «Львовский Ренессанс» затронул все стороны духовной жизни галицких русинов в период событий вокруг принятия рядом православных епископов Речи Посполитой в 1596 г. в Бресте унии с римским престолом: ее центральным пунктом было подчинение папе римскому при сохранении восточного (православного) обряда и церковнославянского языка богослужения.

Учитывая широкие международные связи и общественно-культурную активность отстаивавших верность дедовской православной вере горожан-русинов, считают, что именно во Львове совершался переход к новым формам художественного выражения. Сплав «греко-русских» и ренессансных тенденций соответствовал эстетическим установкам православного населения региона в период пробуждения национально-религиозного движения. В мировоззрении львовских русинов эти гуманистические тенденции закреплялись еще и как средство самоутверждения и орудие борьбы с политикой национального унижения.

Ярким образцом такого искусства явилась икона «Похвала Богородицы» из села Рипнев под Львовом. Невосполнимой стала ее практически полная утрата в пожаре 1987 г. Исследователю остается ориентироваться на выполненные в процессе реставрации 1969 г. фотографии.

Основу иконы из Рипнева составляют местные традиции церковного искусства с характерной изобразительной структурой. Отличает ее новое, выстававшее из формировавшегося ренессансного мировосприятия переживание «посюстороннего» бытия. Показателен в этом смысле отказ от нимбов в изображении пророков: отступление от канона позволяет приблизить фигуры к зрителю, демонстрируя вполне земную ориентацию художественных интересов мастера. Несвойственная ранее галицкому искусству эмоциональная наполненность ликов Марии и Младенца обусловлена искренним переживанием содержания сакрального образа, тем, что вызрело в религиозном чувстве самостоятельно мыслящей личности переходного от Средневековья времени, когда изменениям подвергаются все формы соотносительности собственного «я» с миром и вечностью [22: 127].

Посередине нижнего поля Иоаким и Анна демонстрируют развернутый свиток с традиционной молитвой. Ниже помещена авторская сигнатура: «Во Львовъ. Р.Б. АФЧѠ. Феодор», т. е.: «Во Львове, року Божьего 1599. Феодор». Как считал публикатор, «имя Федор, каким

подписался автор иконы, без сомнения, принадлежит Сеньковичу. Об этом также говорит и место выполнения ("Во Львов"), где он жил и работал» [4: 27].

Автограф художника – монограмма на основе славянской вязи, прототипом которой могла служить графика криптографической подписи Франциска Скорины на гравированном портрете из Пражской Библии 1517–1519 гг.¹⁵ В свете современного знания о Федоре Сеньковиче как о широко образованном, влиятельном в среде православных русинов Львова человеке такая визуальная отсылка – дополнительный штрих, характеризующий диапазон его вовлеченности в общеславянские гуманистические процессы. Собственно, само появление в иконе, пусть зашифрованной, но понятной кругу образованных львовян подписи художника, оторвавшейся от средневековой формулы вотивного текста, – явный симптом формирования гуманистических ориентиров.

Можно сказать, что «Похвала Богородицы» 1599 г. Федора Сеньковича завершает двухвековую эволюцию рассматриваемого иконографического типа на галицких землях. Воспринятый как соборный образ молитвы о защите от конфессиональных преследований, служивший духовным оплотом поколений православных галичан, средневековый сюжет в исполнении выдающегося мастера демонстрирует образец переходного искусства, который стал вехой становления искусства Нового времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В Национальном музее Львова их насчитывается 60 [5: 6]. Иконы такого типа имеются в музеях Украины, в Польше и Словакии.

2. Подробнее об этом см. статью С.Г. Суляка [15: 277].

3. Так охарактеризовано аналогичное устройство византийской иконы «Богоматерь на троне с пророками» [24: 180].

4. Композиция сформировалась на Западе, в XIII–XIV вв. распространилась в Византии и на Балканах; в русском искусстве она была малоизвестна [9: 269–271].

5. Новшества в иконописный замысел вносились и богословствующими правителями, например Иваном IV Грозным.

6. В конце XIV в. у православных отобрали соборную церковь в Галиче, в 1412 г. король Владислав II Ягайло лишил кафедрального собора перемышльского епископа [19: 46, 47].

7. Русские художники-монументалисты, в т. ч. перемышльский священник Гайль, в первой четверти XV в. работали по заказам короля в католических храмах Малопольши и Великой Польши [20: 228].

8. В Молдавии создавались фресковые циклы на сюжеты написанного Григорием Цамблаком «Жития» Иоанна Нового, в частности в церкви Св. Георгия монастыря Воронец в 1547 г.

9. Предположение об участии Киприана в сложении богословских программ произведений московского искусства см. в [18: 120–152].

10. Русские митрополиты могли являться и иконописцами, как митрополит Киевский и всея Руси Петр [13: 208–210] и митрополит Московский и всея Руси Макарий [6: 85].

11. Тенденцию восприятия молдавским церковным искусством художественных форм и технических новшеств Запада следует рассматривать как способ противостояния турецкому Востоку.

12. Пророк Илья ранее иногда изображался на боковых полях похвальских икон, но фигура его не выделялась среди остальных пророков.

13. Формула зачина текста на иконе мастера Алексея близко повторяет вотивную надпись 1522 г. в церкви Св. Юрия в Сучаве.

14. В настоящее время их насчитывают шесть [12: 90].

15. О бытовании книг Ф. Скорины в галицко-львовской земле см.: [19: 218–219].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ангелов Д. Богомилство в Болгарии. М.: Иностранная литература, 1954. 136 с.

2. Возницький Б.Г. Олеський замок. Львів: Каменяр, 1978. 143 с.

3. Воробьев К.В. Осада Константинополя 626 года и богослужебная память Субботы акафиста // Genesis: исторические исследования. 2017. № 10. С. 139–151.

4. Вуйчик В. Новознайдений твір Федора Сеньковича // Образотворче мистецтво [Київ]. 1972. № 2. С. 28–29.

5. Гелитович М. Богородиця з Дитям і похвалою (Ікони колекції Національного музею у Львові). Львів: Свічадо, 2005. 167 с.

6. Дробленкова Н.Ф. Макарий, митрополит Московский и всея Руси // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1989. 528 с.

7. Дрэгуц В., Лупан П. Стенная роспись в Молдове XV–XVI вв. Бухарест: Меридиане, 1983. 236 с.

8. Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. М.: Советский художник, 1977. Т. 3. 180 с.

9. Квливидзе Н.В. «Древо Иисусово» // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2008. Т. 16. С. 269–271.

10. Прохоров Г.М. Иллюминированный греческий Акафист Богородице // Древнерусское искусство: Проблемы атрибуции. М.: Наука, 1977. Т. 10. С. 153–174.
11. Рогов А.И. Фрески Лаврова // Византия: Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М.: Наука, 1973. С. 339–351.
12. Сидор О. Икони майстрів Олексія і Дмитрія в колекції Національного музею у Львові // Літопис Національного музею у Львові. Львів: Національний музей у Львові. 2000. № 1 (6). С. 89–152.
13. Собко Н. Петр // Словарь русских художников. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1893. Т. III, вып. 1. Столб. 208–210.
14. Степаненко В.П. Военный аспект культа Богоматери в Византии (IX–XII вв.) // Античная древность и средние века. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2000. Вып. 31. С. 198–221.
15. Суляк С.Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16
16. Суляк С.Г. Русины Карпато-Днестровских земель в молдавской средневековой дипломатике (общий обзор) // Русин. 2016. № 1 (43). С. 95–119. DOI: 10.17223/18572685/43/7
17. Ульянов О.Г. Воплощение тринитарного догмата в иконе «Архангел Михаил с деяниями» из собрания музеев Московского Кремля // Материалы VII–VIII Троицких чтений. Большие Вяземы: Гос. историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина, 2004. С. 120–152.
18. Ульянов О.Г. Влияние Святой горы Афон на особенности почитания Святой Троицы при митрополите Киприане (к 600-летию преставления святителя) // Человек верующий в культуре Древней Руси: материалы междунар. конф., СПбГУ, 5–6 декабря 2005 г. СПб.: Лема, 2005. С. 88–100.
19. Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. СПб.: Изд-во Департамента уделов, 1882. Ч. 1. 226 с.
20. Шамардина Н.В. «Умиление» из Стороневичей (К вопросу о перемышльской школе иконописи) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник РАН. 1990. М.: Круг, 1992. С. 225–234.
21. Шамардина Н.В. Галицкая икона «Похвала Богоматери» // Русская художественная культура 15–16 вв.: материалы и исследования. М.: Гос. истор.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль», 1998. С. 81–91.
22. Шамардина Н.В. Федор Сенькович – художник переходной эпохи. Калининград: Изд-во Калининград. гос. техн. ун-та, 2008. 280 с.
23. Щенникова Л. Царьградская святыня «Богоматерь Одигитрия» и ее почитание в Московской Руси // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. К 100-летию Андрея Николаевича Грабара (1896–1990). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 329–347.
24. Этингоф О.Е. Образ Богоматери. Очерки византийской иконографии XI–XIII вв. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 312 с.
25. Biskupski R. Ikony ze zbiorów Muzeum Historycznego w Sanoku. Warszawa: Krajowa Spółdzielnia Artystyczno-Techniczna, 1991. 136 с.
26. Janocha M. Ikony w Polsce. Od średniowiecza do współczesności. Warszawa: Arkady, 2018. 452 с.

27. Kruk M. Zachodnioruskie ikony Matki Boskiej z Dzieciątkiem w wieku XV i XVI. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagellońskiego, 2000. 372 c.

REFERENCES

1. Angelov, D. (1954) *Bogomil'stvo v Bolgarii*. [Bogomilism in Bulgaria]. Moscow: Inostrannaya literatura.
2. Voznits'ky, B.G. (1978) *Oles'kiy zamok* [Olesko Castle]. Lviv: Kamenyar.
3. Vorobiev, K.V. (2017) *Osada Konstantinopolya 626 goda i bogoslužebnaya pamyat' Subboty akafista* [The siege of Constantinople in 626 and the liturgical memory of the Saturday Akaphist]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya – Genesis: Historical Research*. 10. pp. 139 – 151. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.10.24269
4. Vuytsik, V. (1972) Novoznaydeniy tvir Fedora Sen'kovicha [The newly found work of Fyodor Senkovich]. *Obrazotvorche mistetstvo*. 2. pp. 28 – 29.
5. Gelitovich, M. (2005) *Bogoroditsya z Dityam i pokhvaloyu (Ikoni kolektsii Natsional'nogo muzeyu u L'vovi)* [The Virgin with Child and Praise (Icons from the collection of the National Museum in Lviv)]. Lviv: Svichado.
6. Droblenkova, N.F. (1989) Makariy, mitropolit Moskovskiy i vseya Rusi [Macarius, Metropolitan of Moscow and All Russia] In: Likhachev, D.S. (ed.) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of Scribes and Books of Old Rus]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
7. Dreguts, V. & Lupan, P. (1983) *Stennaya rospis' v Moldove XV–XVI vv.* [Murals in Moldova in the 15th – 16th centuries]. Bucharest: Meridiane.
8. Bank, A.V. & Bessonova, M.A. (1977) *Iskusstvo Vizantii v sobraniyakh SSSR. Katalog vystavki* [Byzantine art in the collections of the USSR. Exhibition catalog]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.
9. Kvividze, N.V. (2007) *Drevo Iessevo* [The tree of Jesse]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Kirill. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 16. Moscow: Pravoslavnaya Entsiklopediya. pp. 269 – 271.
10. Prokhorov, G.M. (1977) *Illuminirovanny grecheskiy Akafist Bogoroditse* [The Illuminated Greek Akathist to the Virgin]. In: Lazarev, V.N. & Podobedova, O.I. (eds) *Drevnerusskoe iskusstvo: Problemy atributsii* [Old Rus Art: Attribution Problems]. Moscow: Nauka. pp. 53 – 174.
11. Rogov, A.I. (1973) *Freski Lavrova* [Lavrov Frescoes]. In: Grashchenkov, V.N. (ed.) *Vizantiya: Yuzhnye slavyane i Drevnyaya Rus'. Zapadnaya Evropa. Iskusstvo i kul'tura* [Byzantium: Southern Slavs and Ancient Russia. Western Europe. Art and culture]. Moscow: Nauka. pp. 339 – 351.
12. Sidor, O. (2000) *Ikoni maystriv Oleksiya i Dimitriya v kolektsii Natsional'nogo muzeyu u L'vovi* [Icons of Oleksiy and Dimitri in the collection of the National Museum in Lviv]. *Litopis Natsional'nogo muzeyu u L'vovi*. 1(6). pp. 89 – 152.
13. Sobko, N. (1893) *Slovar' russkikh khudozhnikov* [Dictionary of Russian Artists]. Vol. 3. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich. Col. 208 – 210.
14. Stepanenko, V.P. (2000) *Voennyi aspekt kul'ta Bogomateri v Vizantii (IX–XII vv.)* [The military aspect of the Virgin cult in Byzantium (the 9th – 12th centuries)]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. 31. pp. 198 – 221.

15. Sulyak, S.G. (2019) On the terminology of Carpathian Rus. *Rusin*. 55. pp. 272–316. (In Russian). DOI: 0.17223/18572685/55/16
16. Sulyak, S.G. (2016) Rusins of the Carpatho-Dniester lands in Moldavian medieval diplomacy (general review). *Rusin*. 43. pp. 95–119. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/43/7
17. Ulyanov, O.G. (2004) Voploshchenie trinitarnogo dogmata v ikone “Arkhangel Mikhail s deyaniyami” iz sobraniya muzeev Moskovskogo Kremlya [The trinitarian dogma in the icon “Archangel Michael with Acts” from the collection of the Moscow Kremlin museums]. In: Ryazanov, A.M. & Drovetskaya, N.I. (eds) *Materialy VII–VIII Troitskikh chteniy* [Trinity Readings 2003–2004]. Bolshiye Vya-zyomy: A.S. Pushkin State Historical and Literary Museum-Preserve. pp. 120–152.
18. Ulyanov, O.G. (2005) [The influence of the Holy Mount Athos on the peculiarities of the veneration of the Holy Trinity under Metropolitan Cyprian (on the 600th anniversary of the presentation of the saint)]. *Chelovek veruyushchiy v kul'ture Drevney Rusi* [Man of Faith in Old Rus Culture]. Proc. of the International Conference. St. Petersburg State University. December 5–6, 2005. St. Petersburg: Lema. pp. 88–100. (In Russian).
19. Chistovich, I. (1882) *Ocherk istorii zapadno-russkoy tserkvi* [Essay on the history of the Western Russian Church]. Part 1. St. Petersburg: Izd-vo Departamenta udelov.
20. Shamardina, N.V. (1992) “Umilenie” iz Storonevichey (K voprosu o peremysl'skoy shkole ikonopisi) [“Tenderness” from Storonevichi (On the Przemyśl School of icon painting)]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya* [Monuments of culture. New Discoveries]. Moscow: Krug”. pp. 225–234.
21. Shamardina, N.V. (1998) Galitskaya ikona “Pokhvala Bogomateri” [Galician icon “Praise of the Virgin)]. In: Sterligov, A.B. et al. (eds) *Russkaya khudozhestvennaya kul'tura 15–16 vv.: materialy i issledovaniya* [Russian Artistic Culture of the 15th – 16th Centuries. Materials and Research]. Moscow: Moskovskiy Kreml'. pp. 81–91.
22. Shamardina, N.V. (2008) *Fedor Sen'kovich – khudozhnik perekhodnoy epokhi* [Fyodor Senkovich – an artist of the transitional era]. Kaliningrad: Kaliningrad State Technical University.
23. Shchennikova, L. (1999) Tsar'gradskaya svyatynya “Bogomater' Odigitriya” i ee pochitanie v Moskovskoy Rusi [Constantinople shrine “Our Lady of Hodegetria” and its veneration in Moscow Russia]. In: Smirnova, E.S. (ed.) *Drevnerusskoe iskusstvo. Vizantiya i Drevnyaya Rus'. K 100-letiyu Andrey Nikolaeovicha Grabara (1896–1990)* [Old Russian art. Byzantium and Old Rus. To the Centennial of Andrei Nikolaevich Grabar (1896–1990)]. St. Petersburg. pp. 329–347
24. Etingof, O.E. (2000) *Obraz Bogomateri. Ocherki vizantiyskoy ikonografii XI–XIII vv.* [The image of the Virgin. Essays on Byzantine iconography of the 11th – 13th centuries]. Moscow: Progress-Traditsiya.
25. Biskupski, R. (1991) *Ikony ze zbiorów Muzeum Historycznego w Sanoku* [Icons from the collections of the Historical Museum in Sanok]. Warsaw: Krajowa Spółdzielnia Artystyczno-Techniczna.

26. Janocha, M. (2018) *Ikony w Polsce. Od średniowiecza do współczesność* [Icons in Poland. From the Middle Ages to the present day]. Warsaw: Arkady.

27. Kruk, M. (2000) *Zachodnioruskie ikony Matki Boskiej z Dzieciątkiem w wieku XV i XVI* [West Russian icons of the Virgin and Child in the 15th and 16th centuries]. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagellońskiego.

Наталья Владимировна Шамардина – доцент, доктор искусствоведения, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма Института рекреации, туризма и физической культуры Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Россия).

Natalia V. Shamardina – Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia).

E-mail: NVOV04@mail.ru

УДК 330.101.8

UDC

DOI: 10.17223/18572685/60/4

РЕФОРМАТОРСКИЕ ИДЕИ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.А. БАЛУГЬЯНСКОГО: К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Е.А. Вахрушева¹, В.В. Руденко²

Институт философии и права УрО РАН
Россия, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

¹ E-mail: snowdrop7j@gmail.com

² E-mail: emikh.valentina@gmail.com

Авторское резюме

Настоящая статья приурочена к 250-летию со дня рождения выдающегося ученого и государственного деятеля русинского происхождения Михаила Андреевича Балугьянского (1769–1847), внесшего весомый вклад в развитие российской гуманитарной науки и системы высшего образования, совершенствование системы государственного управления, разработку ряда важнейших реформ и кодификацию российского законодательства в период царствования Александра I и Николая I. Осуществляются анализ и обобщение ключевых теоретических воззрений М.А. Балугьянского о государстве, праве, экономике и обществе. Делается вывод о корреляции его взглядов с идеями Йозефа Зонненфельса, Адама Смита, физиократов, подчеркивается его приверженность капиталистической модели развития и особо выделяются собственные наработки ученого. Преломление идей М.А. Балугьянского в практической плоскости рассматривается на примере двух разработанных им с учетом особенностей российской реальности того времени проектов реформ – финансов и государственных крестьян как носивших наиболее системный характер и оказавших существенное влияние на разработку последующих проектов реформ. Анализируя указанные проекты реформ и сложности, связанные с их продвижением и реализацией, авторы приходят к выводу, что возможности их осуществления были ограничены историческими условиями российского абсолютистского государства с характерными для него инертными практиками бюрократии и господством дворянско-помещичьего класса. В этой связи утверждается, что идеи

и реформаторская деятельность М.А. Балугьянского носили прогрессивный характер, опережая свое время, и поэтому были успешно актуализированы лишь позднее.

Ключевые слова: М.А. Балугьянский, наука, государство, реформы, план финансов 1810 г., проект реформы государственных крестьян.

M.A. BALUGYANSKY'S REFORMMATIVE IDEAS AND POLITICS: TO THE 250th ANNIVERSARY OF HIS BIRTH

E.A. Vakhrusheva¹, V.V. Rudenko²

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

16 S. Kovalevskaya Street, Ekaterinburg, 620990, Russia

¹ E-mail: snowdrop7j@gmail.com

² E-mail: emikh.valentina@gmail.com

Abstract

This article is dedicated to the 250th anniversary of the birth of Mikhail Andreevich Balugyansky, a prominent scientist and statesman of Rusinian descent (1769–1847), who made a significant contribution to the development of Russian humanities, higher education and public administration by developing a number of important reforms and codification of Russian legislation during the reign of Alexander I and Nicholas I. Having analysed and collated M.A. Balugyansky's theoretical views of the state, law, economy and society, the authors conclude about their correlation with those of Joseph Sonnenfels, Adam Smith, and the Physiocrats. They emphasize M.A. Balugyansky's commitment to the capitalist model of development, which he reinforced with his own insights. M.A. Balugyansky applied his theoretical positions to practice. The article focuses on two of his projects – on finance and on state peasants, which had the systemic nature and exerted a strong impact on the subsequent reformative projects. Analyzing these projects as well as challenges of their promotion, the authors conclude that their implementation was limited by the historical conditions of the Russian absolutist state with its inert bureaucracy and dominant noble landlord class. In this regard, the authors argue that M.A. Balugyansky was a forward-thinker, so it was only later that his progressive ideas and reformative activities could be successfully implemented.

Keywords: M.A. Balugyansky, science, state, reforms, finance plan of 1810, a draft reform of state peasants.

Краткая биография

Балугьянский Михаил Андреевич (26.09.1769–3.04.1847) – экономист, правовед, государственный деятель. Получил философское (Кошицкая академия) и юридическое (Венский университет) образование. В 1797 г. стал доктором права. Карьера началась с должности профессора естественного, публичного и народного универсального права и политики в Гросс-Вардейнской академии в Венгрии. С 1797 г. – профессор Пештского университета. После переезда в Россию в 1803 г. – профессор кафедры политической экономии, затем декан философско-юридического факультета Петербургского педагогического института. В 1819–1821 гг. – первый ректор Петербургского университета. В 1813–1817 гг. преподавал юриспруденцию великим князьям Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу. В 1804–1826 гг. служил в Комиссии составления законов. После преобразования уже при Николае I указанной комиссии во II отделение с. е. и. в. канцелярии (1826 г.) возглавил новую структуру, которой фактически руководил до своей смерти в 1847 г. Ближайший соратник М.М. Сперанского в подготовке Полного собрания законов и Свода законов Российской империи.

26 сентября 2019 г. исполнилось 250 лет со дня рождения Михаила Андреевича Балугьянского (здесь и далее используется употребляемое им самим и отражающее его собственную идентификацию написание фамилии «Балугьянский»; об идентичности М.А. Балугьянского подробно см.: [9]) – выдающегося ученого и государственного деятеля русинского происхождения, внесшего значительный вклад в становление отечественной экономической и юридической науки, институционализацию высшего образования, модернизацию и укрепление российской государственности. Масштаб его деятельности настолько обширен, что вряд ли может быть осмыслен в одной статье. В настоящей работе будет предпринята попытка обобщить его теоретические воззрения на государство, общество, право и экономику и проследить, как они преломились в его практической деятельности в качестве государственного чиновника.

Обращение к профессиональной биографии М.А. Балугьянского, стоявшего у истоков целого ряда реформаторских проектов первой четверти XIX в., ценно, прежде всего, тем, что позволяет пролить свет на механику государственного управления того периода, логику реформ, их внешние ограничения и внутренние противоречия. Не в меньшей степени важность актуализации фигуры Балугьянского обусловлена острой потребностью в эффективной ролевой модели чиновника и государственного деятеля, отсутствие которой является одной из насущных проблем для всего постсоветского пространства. В М.А. Балугьянском воплотилось редкое сочетание кабинетного

ученого и деятельного практика, проекты которого были основаны одновременно на перспективном видении будущего развития российского государства и общества и четком понимании исторических ограничений своей эпохи. Вместе с тем характерными чертами Балугьянского-чиновника были отсутствие сервильности и готовность предлагать и отстаивать решения, идущие вразрез с интересами элит – качества, в которых остро нуждается весь постсоветский чиновничий класс. Все это делает фигуру выдающегося русина М.А. Балугьянского живой, актуальной и интересной для современности.

Вместе с тем переосмысление научного наследия Балугьянского и уточнение его роли в развитии российской государственности значимо еще и потому, что эта фигура является одной из ключевых точек референции для русинской идентичности. Каждый новый штрих к портрету ученого способен повлиять на самоописание русинов как этноса, дополнить и прояснить его коллективный автопортрет.

Масштаб научной деятельности М.А. Балугьянского

Будучи выходцем из Венгерского королевства, находившегося под властью Австрийской империи, М.А. Балугьянский получил философское (Кошицкая академия) и юридическое (Венский университет) образование [16: 132]. Обучаясь в Венском университете, он вращался в кругах передовой молодежи того времени, связанной с масонскими ложами, и ознакомился с трудами Монтескье, Вольтера, Руссо, Гельвеция, Рейналя, Мабли и, конечно, А. Смита, что сыграло значимую роль в формировании убеждений ученого [4: 30]. Большое влияние на него оказали также в тот период естественное право, которому он обучался у профессора Цейлера, немецкое историческое право (Фельше) и римское право (Кубка), а особенно политические науки и финансы, преподававшиеся Й. Зонненфельсом (1732–1817) [8: 89–90]. Карьера Балугьянского-ученого началась с должности профессора естественного, публичного и народного универсального права и политики в Гросс-Вардейнской академии в Венгрии, где он преподавал курс политических наук, полицейское право, финансовое право, коммерцию и делопроизводство. В период пребывания в Гросс-Вардейне (г. Надьвард) Балугьянский был близок к венгерским якобинцам, став членом «Общества свободы и равенства» – организации, выступавшей за ликвидацию крепостного права, республиканское устройство Венгрии и национальную независимость венгерского народа [12: 35–43]. В 1797 г. он получил звание доктора права, защитив диссертацию «О зернохранилищах» на латинском языке [8: 90]. После этого М.А. Балугьянский был приглашен в Пештский университет

на должность профессора, где читал лекции на кафедрах истории, статистики, публичного и народного права, а в 1802 г. стал деканом юридического факультета [15: 187].

После переезда в Россию в 1803 г. в Петербургском педагогическом институте, а затем и в Санкт-Петербургском университете, преобразованном из Педагогического университета, Балугьянский читал политическую экономию, финансы и дипломатику. Туда он был приглашен вместе с двумя другими выдающимися учеными и педагогами русинского происхождения П.Д. Лодием и В.Г. Кукольником по рекомендации И.С. Орлая [16]. Курс лекций М.А. Балугьянского по политэкономии включал в себя широкий круг вопросов, начиная от проблем гражданского устройства, народного богатства и его источников и заканчивая вопросами обращения денег, банковских и торговых операций, а также различных видов торговых сделок. Особенно в своих лекциях он выделял учения физиократов и теорию А. Смита [15: 188]. Зачастую его называют популяризатором идей Смита [18: 129], но в своих лекциях он не ограничивался изложением представлений других мыслителей, а давал им критическую оценку, проявляя себя в качестве самостоятельно мыслящего исследователя. В основе лекций того периода лежали труды Монтескье, Филанжерия, Беккария, Бентама (помимо работ указанных философов) [12: 175]. Педагогическая деятельность М.А. Балугьянского свидетельствует о том, что он имел достаточно широкий круг интересов, которые лежали преимущественно в области политэкономии и права. Небезосновательно отдельные исследователи утверждают, что благодаря Балугьянскому финансовая наука, зародившаяся в Австрии, стала развиваться самостоятельно в России [1: 78]. Действительно, именно он способствовал тому, что идеи его учителя Й. Зонненфельса (основоположника австрийской финансовой школы) стали исследоваться в России.

Багугьянский написал значительное количество трудов. До наших дней полностью дошла серия значимых статей, опубликованных в 1806–1808 гг. в «Статистическом журнале»: три статьи под общим названием «Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем» и четвертая статья «О разделении и обороте богатства». Однако тот факт, что научное наследие М.А. Балугьянского сохранилось лишь частично, затрудняет полноту и объективность его осмысления. Некоторые труды были утрачены (не сохранился обширный теоретический труд в восьми томах по политической экономии и финансам), а отдельные работы не имеют указания авторства в силу того, что были подготовлены Балугьянским во время его службы в Комиссии составления законов. В 40–60-е гг. XX в. исследователи обнаружили несколько рукописей ученого, которые

позволяют составить более полную картину его научных воззрений. В частности, В.М. Штейн в архиве Ленинградского отделения Академии наук СССР нашел тетрадь, содержащую изложение системы экономических воззрений М.А. Балугьянского с подзаголовком «Что должна сделать Россия в государственном хозяйстве и управлении для своего истинного и величайшего благоденствия»; Е.М. Косачевская в отделе письменных источников Государственного исторического музея Москвы обнаружила авторский конспект лекций ученого под заглавием «Основания государственного хозяйства, преподаваемые профессором политических наук Михаилом Балугьянским» [20: 103]. Дополнительным источником сведений о научных идеях М.А. Балугьянского служат высказывания и работы его учеников, сохранивших с ним идейную близость, в частности А.И. Куницына, К.К. Арсеньева, П.А. Плетнева, А.И. Галича.

Научное наследие М.А. Балугьянского достаточно обширно и многогранно. В настоящей статье мы осветим лишь те вопросы, которые непосредственно связаны с реформированием российской государственности в XIX в. и повлияли на государственную деятельность ученого. Среди них – роль государства в развитии экономики, роль сельского хозяйства в развитии экономики страны, свобода труда и роль крестьянства в развитии экономики.

Роль государства в развитии экономики

Основным вопросом, которым задается М.А. Балугьянский в своих лекциях и печатных работах, является роль государства в увеличении благосостояния народа. Эта роль раскрывается им при анализе типологии хозяйственных систем: системы меркантилистов, основанной на богатстве и измеряющей богатство народа в деньгах; системы экономистов, по мнению которых богатство заключается в «необработанных дарах земли», и теории А. Смита, основанной на труде и мене.

Анализируя коммерческую систему, существовавшую в то время в Европе и пропагандировавшуюся меркантилистами, М.А. Балугьянский выступает против цеховой замкнутости и чрезмерной регламентации производственной деятельности – в мануфактурах действует ограничительная система, определяется число мастеров, подмастерьев и учеников; фабрики платят пошлины; фабричные и сельскохозяйственные цены регламентируются государством. Он – сторонник такой системы, при которой «промышленность должна быть свободною», а земледелие «должно почитаемо быть основанием всеобщего благоденствия» [4: 69]. Оценивая результаты применения коммерческой системы в Европе, ученый делает вывод, что она

приводит к нищете, поскольку класс купцов благоденствует за счет других классов. Он осуждает политику меркантилистов, направленную на захват новых рынков и колоний, народы которых принуждаются к повиновению силой, и ссылается на А. Смита, который утверждал, что торговля, вместо того чтобы укрепить союз согласия отдельных государств, стала источником раздора. По мнению Балугьянского, алчные купцы и собственники мануфактур, которых последователи физиократов в тогдашней Европе считали основой процветания наций, не должны быть «владельцами света», и если невозможно лишить их власти, то следует ограничить их, чтобы «они не возмущали спокойствия других» [4: 69–70]. Поэтому государство должно сосредоточиться на внутренней торговле. Прогрессивность коммерческой системы, по мнению ученого, заключается в свержении «ига рабства», что дает возможность беспрепятственно заниматься промыслами и торговлей. Для максимального развития производственных сил следует сделать работника свободным.

Рассматривая систему физиократов, или экономистов, Балугьянский соглашается, что главным правилом государственного хозяйства должна быть свобода во всех родах промышленности и труда, исходя из чего главная задача государства – восстановить «естественную» свободу и «естественный» порядок в обществе, что предполагает, по мнению ученого, прежде всего отмену крепостного права, предоставление всем гражданам возможности свободно выбирать род деятельности и невмешательство государства в экономику [5: 61]. Он дает свою трактовку представлений физиократов (идея Ф. Кенэ) о «производящем» и «потребляющем» классах («от первого государственного чиновника до последнего туеядца» [5: 36]. Ученые также отнесены им к потребляющему классу, хотя их труды и приносят пользу производящему классу [5: 53]. Потребляющий класс живет за счет производящих граждан. Если физиократы включали в состав производящего класса лишь помещиков и откупщиков, считая, что «прочие... крестьяне, как вольные, так и крепостные... суть только поденщики...», М.А. Балугьянский к производящему классу относит помещиков и крестьян-земледельцев, которым он отдает предпочтение, т. к. они «производящие силы земли умножают более, нежели помещики», и делает их участниками при распределении чистой прибыли [12: 55]. Такая градация необходима для определения «разного уровня опеки» со стороны государства за каждым из классов, в т. ч. для целей налогообложения, а также для определения политики государства: «Для государства еще важнее самой численности народа, надлежащая соразмерность между классами производящим и непроизводящим» [5: 60].

Переходя к изложению учения А. Смита, он отмечал, что становлению данной теории способствовали исследования многих мыслителей, в т. ч. Локка, Монтескье, Юма, Стюарта, Бюта [12: 57–58]. М.А. Балугьянский разделял идеи А. Смита о том, что труд – причина всякого богатства [7: 270]. Расточительство высших классов уменьшает количество капиталов для производства, снижает благосостояние народа, государство должно в равной мере поддерживать все отрасли производства [5: 63–65] и обеспечить свободу промышленности. Ученый выступал против казенных мануфактур, за исключением государственных предприятий, работавших на оборону. Государство «не может быть ни хорошим хозяином, ни хорошим предпринимателем» [12: 60]. Само государство не должно осуществлять хозяйственную деятельность. «Государство только как можно менее должно заниматься хозяйством... Возделывание обширных пустых равнин на казенный счет есть бесполезное расточение капитала» [12: 65]. Поэтому основной принцип, поддерживаемый М.А. Балугьянским, – это максимальное невмешательство государства в экономику.

Народ рассматривается ученым в качестве объекта «отеческого попечения» монарха, просвещенного наукой. Верховная власть должна «благоприятствовать народонаселению», создавать стимул для поощрения «земледельца к трудолюбию». Для этого требуются: 1) безопасность собственности; 2) свобода труда; 3) разумная налоговая система. Последняя заключается в отмене подушной подати и ее замене единым поземельным налогом. Взимание налогов «с души» чревато произвольностью его исчисления, произволом определяющего такой налог. Формулирует М.А. Балугьянский и основной принцип установления размера налогов: налог должен быть таким, чтобы он не истощал народного капитала, но обеспечивал государственный доход.

Итак, во главу угла развития экономики ученый ставит свободу труда и свободу капитала. Труд – основа производительных сил и главный источник накопления, капитал – движущая и производящая сила общества. В этой системе государству отводится роль поддержания и развития экономики, обеспечения условий для ее развития.

Роль сельского хозяйства в развитии экономики страны

М.А. Балугьянский считает, что богатство нации формируется в сельскохозяйственном производстве. Он соглашается с мнением экономистов, в первую очередь, с Ф. Кенэ, о первенствующем значении земледелия в развитии экономики страны. Выгода земледелия превосходит выгоду мануфактур. Идея о лидирующей роли сельскохозяй-

зяйственного производства для России того времени была достаточно прогрессивной. Балугьянский пытается слить воедино производство и обращение, синтезировать импонирующие ему идеи меркантилистов, физиократов и А. Смита и дополнить их своими соображениями. Он предлагает систему земледелия, основанную на крестьянском откупе, и выступает против произвольного роста цен и хлебных спекуляций.

Ученый разделяет земледелие на «большое» и «малое». В тех случаях, когда капитал вкладывается в крупные хозяйства непосредственно владельцем или они сдаются на откуп (в аренду) крестьянам, он говорит о «большом» земледелии. Второе – «малое», когда государственные поместья разделены между земледельцами или если частные поместья при восстановлении свободы переданы им в собственность. М.А. Балугьянский полагает, что для России лучше всего подходит сочетание малого и большого земледелия.

Он выделяет три способа обработки земли: при помощи крепостных, вольнонаемных работников и «откупщиков». По его мнению, очевидны преимущества обработки земли через «вольных работников», поскольку плата, ими получаемая, «часто бывает скуднее даже продовольствия крепостных людей», однако она принадлежит им полностью. Обработка земли через «вольных работников» является более эффективной и в конечном счете более выгодной как для свободного крестьянина, так и землевладельца, поскольку М.А. Балугьянский подчеркивает, что при использовании труда свободного крестьянина землевладелец может получить больший доход, нежели при обработке с помощью крепостных, но и народ может иметь свою выгоду в виде капитала или имущества за счет экономии на издержках [6: 39–40].

Однако он явно отдает предпочтение способу обработки помещичьей земли через «откупщиков». Уже в своих ранних печатных работах Балугьянский выступает сторонником возделывания земли свободными крестьянами-арендаторами. «В сем случае помещик есть только хозяин, а возделывание земли своей представляет одному какому-либо крестьянину (с семейством), который собственный свой капитал полагает на возделывание... Государство в лице откупщика имеет капиталиста, который производящие силы земли умножает более, нежели помещик, и через сей способ возделывания преимущественно умножается народное богатство, с земли собираемое» [6: 37–38]. В подкрепление своих рекомендаций он приводит в пример Англию, где земля обрабатывается откупщиками-арендаторами, и поэтому, по его мнению, страна преуспела в развитии земледелия и «народного богатства». Там же, где сельское хозяйство «удалено еще от совершенства», землевладелец уплачивает «работнику своему, если

он из вольных, известную плату, а если крепостной, то одно только необходимо нужное продовольствие» [6: 39–40].

В своей диссертации «О зернохранилищах» М.А. Балугьянский раскрывает руководящую роль государства в регулировании цен на сельскохозяйственные продукты. Накопление богатств на одной стороне приводит к нужде и голоду на другой, что является причиной постоянных кризисов и изменчивости цен на сельскохозяйственные продукты. Он приходит к выводу, что государство должно стремиться к формированию «правильных» цен, создав для этого равновесие между производством и потреблением. Первая задача «властителя» – удерживать правильные цены. Чтобы избежать дороговизны в случае неурожая или искусственного взвинчивания цен скупщиками зерна, а также падения цен при наличии изобилия продуктов, превышающих спрос, правители должны иметь запасы зерна в зернохранилищах.

Ученый предлагает создать много частных небольших зернохранилищ для всеобщего потребления, владельцы которых не злоупотребляли бы и не спекулировали зерном. При этом государству он отводит весьма активную роль в борьбе за равновесие цен. М.А. Балугьянский понимает, что необходимо всячески стимулировать и заинтересовывать частных лиц в строительстве зернохранилищ. Для этого он рекомендует строить дороги, всячески поощрять экспорт сельхозпродуктов снижением пошлин, одновременно государство должно, по его мнению, регулировать экспорт до определенного уровня цен внутри страны. Помимо частных зернохранилищ, ученый предлагает построить специальные зернохранилища в каждом комитате (административно-территориальная единица Венгерского королевства) с запасом зерна, потребного для данной территории на год. При этом закупку зерна он рекомендует производить при падении цен, чтобы в случае увеличения цен на зерно зернохранилища продали свои запасы.

Таким образом, во главу угла развития экономики государства Балугьянский ставит сельскохозяйственное производство. Развивая свой тезис о минимальном вмешательстве государства в экономику, ученый предлагает две основные меры воздействия государства в сфере сельскохозяйственного производства: создание системы земледелия, основанной на крестьянском откупе, и регулирование цен на сельскохозяйственные продукты.

Свобода труда и роль крестьянства в развитии экономики

В качестве основной гарантии свободы «во всех родах промышленности и труда» М.А. Балугьянский видит отмену крепостного права. Он пишет: «Правительству остается возвратить первобытную свободу

и восстановить естественный порядок в обществе», а также следует предоставить производящему классу граждан возможность «следовать побуждениям природы и своей собственной пользе», поскольку «каждый лучше знает, что для него полезнее» [5: 61–62]. Для этого необходимо уничтожить все то, «что служит ему препятствием в деятельности», а именно «все естественные отношения ленной системы и великое угнетение производящего класса; как то: закрепощение, неволя, исключительные привилегии и тому подобное должны быть уничтожены» [5: 62–63]. Ученый считает, что «надлежит предоставить каждому: 1) свободу добывать естественные продукты; 2) свободу обрабатывать оные; 3) свободу торговать оными; 4) свободу в употреблении или иждивении продуктов» [5: 62].

Свободный труд, уверен М.А. Балугьянский, способствует приращению земледелия и повышению производительности. Наемный труд является более производительным, чем труд крепостных. В условиях наемного труда создаются предпосылки для развития сельского хозяйства.

По мнению ученого, «труд не может быть свободен и иметь надлежащей деятельности до тех пор, пока работник будет, так сказать, обязан относительно своей свободы» (цит. по: [12: 64]). Рабство народа имеет также другие следствия: «оно влияет на нравственный характер народов, на его счастье, на накопление капиталов во всех классах граждан». И, следовательно, пагубно для процветания и мощи государства. «Истребление рабства – одно из благих намерений правительства» [12: 64]. Лишь освобожденные крестьяне смогут постепенно накопить капитал, с помощью которого они будут возделывать владельческие поместья, что лежит в основе системы откупа [12: 64].

Обработка земли с помощью крепостных неэффективна: вся земля является собственностью «господина», государство признает лишь помещика «поселянином той земли», «крепостной человек не имеет никакой собственности. Не ему принадлежит дом, в котором он живет; скот, который он содержит; одежда, которую он носит; хлеб, которым он питается; даже и сам он не себе принадлежит» [6: 38–39]. Свобода труда является стимулом для развития экономики.

М.А. Балугьянский подчеркивает особую роль крестьянства в развитии экономики. Ученый выступает за систему крестьянской аренды и накопления капиталов в крестьянских руках, в т. ч. и в мелком крестьянском хозяйстве. В отличие от помещиков, которые, располагая большими доходами с земли, тратят их в значительной части непроизводительно, для крестьян-откупщиков чистая прибыль «служит надежным приращением народного имущества». Поэтому он считает, что «откупщики» составляют важнейший класс в граждан-

ском обществе. Правительство должно иметь особое попечение о его благоденствии.

С самого начала своей научной карьеры в России М.А. Балугьянский пытался адаптировать известный ему европейский опыт к российским реалиям с учетом особенностей экономического развития России первой четверти XIX в. и выработать рекомендации российскому правительству. В частности, он считал необходимым развивать в России земледелие, поскольку, по его мнению, она суть земледельческое государство, предостерегал правительство от экспансии западноевропейских государств, предлагал меры по реорганизации системы управления в России. Шанс попытаться реализовать свои замыслы и идеи в реальность представился ученому, когда он поступил на службу в Комиссию составления законов.

Ключевые вехи профессионального пути М.А. Балугьянского на российской государственной службе

Инициированные Александром I реформы государственного управления потребовали большой концентрации практического опыта и обширных теоретических знаний передовых тенденций организации власти и управления. М.А. Балугьянский, ученый, блестяще осведомленный в вопросах истории государства и права европейских стран и их текущих практик законодательства и управления, как нельзя лучше подходил для разработки проектов соответствующих реформ и поэтому очень скоро был привлечен на государственную службу.

Его профессиональная биография в качестве российского чиновника начинается с должности редактора по государственной экономии Комиссии составления законов. В тот период М.А. Балугьянским, в частности, были разработаны «Основания сей части для применения их к российскому законодательству» [12: 208]. Далее он продолжил работу в комиссии в качестве старшего чиновника и, работая уже под началом М.М. Сперанского, возглавившего ее в 1808 г., был активно вовлечен им в разработку «Плана государственного преобразования» [12: 210]. Позже Балугьянский получил назначение на должность начальника 4-го отделения комиссии, которое занималось законодательной работой в области общественного, полицейского и финансового права. В 1816 г. он стал директором Комиссии погашения долгов [12: 218], созданной для реализации системной реформы финансов. С 1822 по 1825 г. Михаил Андреевич выполнял функции управляющего Комиссией составления законов. В тот период он вел активную работу по совершенствованию кадрового состава комиссии и продолжал разрабатывать проекты положений и других документов

[12: 219–220], среди которых – Положение о помещичьих людях, ссылаемых по воле помещика в Сибирь [12: 238]. После преобразования уже при Николае I Комиссии составления законов во II отделение с. е. и. в. канцелярии (1826 г.) М.А. Балугьянский возглавил новую структуру, которой фактически руководил до своей смерти в 1847 г. Именно во II отделении была выполнена гигантская работа по созданию «Полного собрания законов Российской империи» [20: 103].

Как видно из его профессиональной биографии, М.А. Балугьянский вел активную работу как в качестве управленца и своего рода администратора законотворческой деятельности, так и в качестве непосредственного разработчика законодательных актов, коих им было подготовлено великое множество, включая такие важные документы, как проект «Об учреждении управления в губерниях», «Новое положение проекта учреждения для управления столичных городов» и др. В настоящей статье мы детально рассмотрим его проекты в области финансовой реформы и реформы государственных крестьян, поскольку именно они оказали значительное влияние на концепцию будущих реформ, реализация которых дала огромный толчок в развитии России и изменила ее облик.

Разработка финансовой реформы

Одним из важнейших достижений М.А. Балугьянского на государственном поприще стала разработка финансовых планов 1810 и 1816 гг. Среди тех, кто был причастен к финансовой реформе начала XIX в., он был одним из немногих специалистов-профессионалов в области политической экономии и финансов. Балугьянский обладал глубокими знаниями в этой сфере и пониманием основных тенденций развития экономики и финансов европейских стран, что позволило ему экстраполировать теоретические выводы на российскую почву и подвести под разрабатываемый план финансовой реформы прочную концептуальную основу. О том, что именно М.А. Балугьянский внес ключевой вклад в разработку финансовых планов, историки говорят с уверенностью. Как утверждает Е.М. Косачевская, именно записка М.А. Балугьянского легла в основу финансового плана 1810 г., о чем свидетельствуют множественные повторения тезисов записки в итоговой версии документа, в то время как финансовый план 1816 г. в значительной степени повторял положения плана 1810 г. [12: 216–217].

Состояние финансов Российской империи к началу XIX в., по общему признанию историков, было плачевным. Так, в период с 1801 по 1809 г. дефицит государственного бюджета составлял 50 млн руб.

ежегодно, т.е. расходная часть бюджета превышала доходную на одну треть [14: 77]. Кризис был обусловлен снижением доходов от внешней торговли, вызванным присоединением России к континентальной блокаде, предусмотренным Тильзитским мирным договором 1807 г., ее участием в многочисленных войнах и большими расходами на военные нужды, а также неэффективной системой управления финансами. Несовершенство этой системы состояло, в частности, в плохой организации бюджетно-сметного дела, отсутствии четких правил по составлению бюджетных смет для государственных ведомств и надлежащего контроля за их выполнением, в результате чего сметы составлялись без достаточного обоснования, что часто вело к незапланированным расходам, тяжким бременем ложившимся на государственный бюджет [14: 76–77].

Одной из ключевых составляющих этого кризиса стало стремительное обесценивание рубля. Только с начала по сентябрь 1809 г. бумажные деньги обесценились более чем на 50%, и 100 руб. ассигнациями можно было обменять лишь на 41,7 руб. серебром [19: 174–175]. Катастрофические темпы инфляции в первую очередь были вызваны тем, что в качестве инструмента покрытия дефицита бюджета правительство Александра I активно прибегало к эмиссии бумажных денег. Дискуссии в кругах правящей элиты того периода свидетельствуют об отсутствии четкого понимания взаимосвязи между бумажно-денежной эмиссией и инфляцией, а значит, и о какой-либо оформленной стратегии по использованию эмиссии как финансового инструмента.

В свете названных проблем финансовая реформа, над которой М.А. Балугьянский работал вместе с М.М. Сперанским и под его началом, была призвана обеспечить создание современной сбалансированной системы управления финансами, упорядочивавшей государственные доходы и расходы и обладавшей внутренним единством и логикой. Основополагающими мероприятиями финансового плана Балугьянского-Сперанского должно было стать уменьшение государственных расходов, сокращение бумажно-денежной массы, восстановление ценности ассигнаций и создание монетной системы, основанной на монете «внутреннего независимого достоинства» [10: 93].

Финансовый план получил свое законодательное воплощение в серии указов, среди которых важнейшими были Манифест от 2 февраля 1810 г. «О мерах к уменьшению государственных долгов, о прекращении выпуска в оборот новых сумм ассигнациями и о возвышении некоторых податей и пошлин», Манифест от 20 июня 1810 г. «О новом устройстве монетной системы», Манифест от 29 августа 1810 г. «О новой серебряной и медной монетах».

Манифестом от 2 февраля 1810 г. объявлялось о необходимости приведения расходов в соответствие с доходами и о прекращении выпуска новых ассигнаций. Эти меры были призваны остановить раскручивание маховика инфляции и обеспечить возвращение ассигнациям их номинального достоинства. Наряду с прекращением выпуска бумажных денег в качестве меры по сокращению объема бумажно-денежной массы было организовано погашение ассигнаций, находившихся в обороте. Для этих целей Манифестом от 7 мая 1810 г. была учреждена Государственная комиссия погашения долгов, которая должна была за счет средств, полученных от продажи госимущества и выпуска долговых бумаг, выкупить обесцененные ассигнации и обеспечить их погашение [13: 55]. Манифест от 2 февраля 1810 г. позволил сократить расходную часть бюджета на 20 млн руб. и ужесточил контроль над государственными расходами, в частности, за счет введения обязательного утверждения чрезвычайных расходов вновь созданным Государственным советом [17: 272].

Манифест от 20 июня 1810 г. провозглашал новое устройство монетной системы, устанавливая в качестве главной монетной единицы серебряный рубль, что фактически должно было привести к ликвидации сложившейся в России параллельной денежной системы, при которой «одновременно были в обращении серебряные рубли и ассигнации» [10: 96].

Тем не менее осуществленные на данном этапе мероприятия по стабилизации финансовой системы оказались эффективными лишь частично. Так, лишь на небольшой срок удалось укрепить курс ассигнационного рубля, который с января 1811 г. по сентябрь 1812 г. вырос с 19,8 коп. серебром до 64 коп. серебром, но вновь упал в связи с началом Отечественной войны 1812 г. [17: 278]. В период с 1809 по 1811 г. расходы сверх утвержденных смет удалось сократить втрое, однако они по-прежнему оставались значительными, составляя в 1811 г. 50,4 млн руб. За тот же период удалось сократить бюджетный дефицит до 8,96 % от обыкновенных доходов, в то время как в 1809 г. бюджетный дефицит составлял 105,4 % [19: 180]. Однако правительству так и не удалось ни существенно сократить объем бумажно-денежной массы в стране, ни сколько-нибудь продвинуться в создании новой монетной системы. Наряду с факторами, связанными с неблагоприятной внешнеполитической обстановкой и конъюнктурой внешней торговли, успешной реализации финансового плана Балугьянского-Сперанского 1810 г. препятствовали институциональная инерция и противодействие элит. Государственные ведомства не спешили точно следовать правилам оформления «образцовых смет» (показательным здесь является пример министра финансов Д.А. Гурьева [17: 280], а

порядок выделения чрезвычайных расходов, предполагавший их согласование Государственным советом, зачастую нарушался.

Вместе с тем осуществление плана финансов 1810 г. стало, по сути, первой системной экономической реформой в России. Благодаря усилиям М.А. Балугьянского, который выступил ее идейным вдохновителем и основным разработчиком, она носила комплексный характер, а в ее основу были положены передовые идеи экономической науки своего времени. Необходимость и своевременность мер, им предложенных, подтверждаются тем, что они были вновь актуализированы в 1816 г., когда был подготовлен новый план, разработанный Балугьянским на основе прежнего финансового плана. Сам же автор плана должен был встать во главе его реализации в качестве директора Комиссии погашения долгов [12: 218].

Разработка реформы государственной деревни

Новаторство и прогрессивность взглядов М.А. Балугьянского в полной мере проявились при разработке проекта реформирования государственной деревни. По его смелому замыслу, эта реформа должна была стать первым шагом в осуществлении общего плана по освобождению всех крестьян [12: 226].

В первой четверти XIX в. государственные крестьяне составляли вторую по численности категорию населения России, уступая лишь крепостным крестьянам [3: 3], и, несмотря на наличие у них некоторых имущественных и гражданских прав, правовой статус государственных крестьян отличался от статуса крепостных лишь незначительно и по-прежнему определялся их зависимостью от государства, выступавшего в отношении государственных крестьян феодалом [21]. Так, во-первых, считаясь лично свободными, они, тем не менее, были прикреплены к земле. Как отмечает историк Г.В. Яровой, к началу XIX в. сохранялись строгие правила, ограничивавшие право перехода крестьян на другое место жительства и другие податные состояния, особенно затруднялся переход в купцы и мещане [21: 166–167]. С учетом всех необходимых обязательств, которые надлежало выполнить государственным крестьянам, переход в «гражданство» становился для многих из них непосильной задачей. Во-вторых, земля, на которой они работали, фактически находилась в собственности государства-феодала и в совместном общинном пользовании, что означало отсутствие индивидуальных имущественных прав на пахотную землю. Все это тормозило развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве, закрепляло архаичность социальных и экономических практик в деревне.

Проект реформы государственных крестьян, более известный как проект Гурьева, над которым работал М.А. Балугьянский, должен был существенно изменить гражданско-правовой и имущественный статус государственных крестьян. Одна из ключевых целей проекта Балугьянского состояла в «даровании их сословию твердого гражданского бытия», что, в частности, предполагало их переход в «свободное податное состояние» [12: 166–167]. Согласно замыслу разработчика, государственные крестьяне должны были получить такие важные гражданские права, как право заключать брак по своей воле и усмотрению, право переходить в другие сословия, право на передвижение и свободный выбор занятий.

Вместе с тем, в отличие от многих своих современников, Балугьянский осознавал, что успешное решение крестьянского вопроса не может ограничиваться дарованием этому сословию базовых гражданских прав, и поэтому был убежден в необходимости наделения их правами имущественными, в первую очередь, правами в отношении обрабатываемой ими земли. Он выступил с весьма смелым для своего времени предложением – наделить государственных крестьян правом владеть землей на основе срочного или бессрочного пользования, что должно было обеспечить им «наследственное право владеть, распоряжаться и пользоваться недвижимым имуществом, казне принадлежащим, с обязательством платить за это государству оброк, установленный законом» [12: 231].

Важнейшим эффектом этих преобразований должно было стать разрушение крестьянской общины, против сохранения которой М.А. Балугьянский выступал твердо и открыто, считая общинное право владения пахотными землями с обусловленной им практикой периодического передела земли между членами общины важнейшим препятствием для развития сельского хозяйства. Будущее этой отрасли он видел в развитии индивидуальных фермерских хозяйств по капиталистической модели. Способствовать этому развитию, по замыслу М.А. Балугьянского, должен был также предлагавшийся им запрет на наделение землей крестьян, вновь приписавшихся к мирскому обществу по месту жительства, что должно было обеспечить необходимую для развития капиталистических отношений на селе свободную рабочую силу.

В эту же капиталистическую логику укладывалось его предложение заменить подушную подать поземельным оброком. Такое изменение в системе налогообложения было необходимым и обусловленным экономически. Существовавшая система взимания налогов, где единицей налогообложения являлась ревизская душа, сформировалась в эпоху Петра I [2] и являлась органической частью жесткой

мобилизационной системы управления, направленной на создание конкурентоспособного государства с могущественным военным аппаратом. Финансирование этого аппарата полностью ложилось на плечи податных сословий, а взимание подушной подати было призвано обеспечить повышение эффективности сбора налогов. В начале же XIX в., при неизменной важности поддержания армии и флота в боеспособном состоянии, на первый план вышли задачи экономического развития, в частности сельского хозяйства как главной отрасли аграрной России. Дальновидный М.А. Балугьянский понимал, что отказ от подушной подати и переход к поземельному оброку, взимаемому с тягла с учетом качества и размера земельного участка, будет способствовать более справедливому распределению налогового бремени между крестьянами, что в конечном счете позволит крестьянским хозяйствам развиваться более эффективно.

Таким образом, проект реформы государственных крестьян Балугьянского был направлен на преодоление феодальных пережитков и создание условий для развития капиталистических отношений на селе. Представленный в 1824 г. [12: 224], еще до восстания декабристов, проект этого выдающегося государственного деятеля был действительно прогрессивным. Вместе с тем он был ограничен историческими условиями сословного абсолютистского государства, отстаивавшего интересы дворян-помещиков, и поэтому оставался в системе ценностных координат этого государства. В частности, М.А. Балугьянский сознательно отказался от наделения крестьян правом на полную земельную собственность, ограничившись предложением даровать им право на бессрочное потомственное владение землей, поскольку это могло подорвать господство помещичьего класса. Тем не менее, как известно, этот проект не был претворен в жизнь, однако к нему неизменно обращались при разработке крестьянской реформы в последующие годы, вплоть до отмены крепостного права в 1861 г. Некоторые же идеи русинского юриста значительно опередили свое время и были реализованы только на излете Великих реформ. Так, подушная подать была окончательно упразднена при Александре III 1 января 1887 г. – и то только на территории Европейской России [11: 29].

Андрей Михайлович Балугьянский – выдающийся ученый и деятель из плеяды карпатских русинов, которые в начале XIX в. в России внесли ценнейший вклад в развитие науки, образования и государства в целом. Фундаментальное образование и осведомленность о существовавших в то время теоретических воззрениях и европей-

ских государственно-экономических системах, широкий кругозор и понимание российской действительности позволили ученому адаптировать европейский опыт к российской системе, предложить свою новаторскую модель развития российской государственности и оставить след в истории реформирования России XIX в.

Он считал необходимым преобразовать Россию как земледельческое государство по капиталистическому пути и определял три основных направления такого преобразования: 1) все три производительных класса должны действовать свободно; 2) производительные силы должно умножать; 3) капиталу нужно предоставить свободное обращение. По сути, предложенная М.А. Балугьянским модель представляла собой смешение различных известных на тот момент экономических теорий, а также сочетала в себе признаки феодализма и капитализма. Так, приоритет земледелия над промышленностью провозглашали физиократы, необходимость обеспечения свободы производства и накопления капитала отстаивалась А. Смитом. Вместе с тем ученый выбирал именно те направления, которые, по его мнению, могли бы быть использованы в России, и корректировал их с учетом особенностей Российского государства. Очевидно, меры, им предложенные, носили преждевременный характер и страдали «эклектизмом», но впоследствии многие из них были воплощены в реальность – М.А. Балугьянский действовал на опережение, что лишний раз свидетельствует о его дальновидности и неординарности его мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникеева А.А. Роль финансиста М.А. Балугьянского в общественной жизни России // Страницы истории. 2010. № 20. С. 75–80.
2. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л.: Наука, 1982. 296 с.
3. Ачмизов А.А. Государственные крестьяне в России: трансформация правового статуса, управления и сословного самоуправления (XVIII–XIX вв.) (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2015. 28 с.
4. Балудянский М.А. Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем // Статистический журнал. 1806. Т. I, ч. 1. С. 45–71.
5. Балудянский М.А. О народном богатстве (продолжение) // Статистический журнал. 1806. Т. I, ч. 2. С. 33–71.
6. Балудянский М.А. Статья теоретическая о разделении и обороте // Статистический журнал. 1808. Т. II, ч. 2. С. 1–77.
7. Вархола М. Экономическая система Михаила Балудянского в развитии экономической мысли // Збірник наукових праць Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. 2011. № 17. С. 269–271.

8. Голубка С.М. Балудянский – реформатор и теоретик основных принципов финансово-экономической науки // *Економіка України*. 2012. № 7. С. 89–95.
9. Дронов М.Ю. Михаил Андреевич Балугьянский: «Свой» среди «чужих», «чужой» среди «своих» // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2013. С. 156–164.
10. Дубянский А.Н. Финансовая реформа в России в начале XIX века // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2012. Вып. 2. Сер. 5. С. 91–98.
11. Кириллов А.К. От подушной подати к подоходному налогу: податные реформы капиталистической России и их воплощение в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: Параллель, 2017. 178 с.
12. Косачевская Е.М. М.А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1971. 270 с.
13. Моисеев С.Р. Государственная комиссия погашения долгов // *Деньги и кредит*. 2016. № 9. С. 54–64.
14. Муравьева Л.А. Государственный бюджет России в первой половине XIX века // *Финансы и кредит*. 2010. № 38 (422). С. 76–84.
15. Пасічник Н. Вклад М.А. Балудянского в розвиток фінансово-правової науки і практики управління державним господарством // *Переяславський літопис*. 2018. Вип. 13. С. 186–194.
16. Пашаева Н. Карпаторусские интеллигенты в России в 1-ой половине XIX века: Орлай, Балугьянский, Лодий, Кукольник, Венелин // *Русин*. 2008. № 3–4. С. 129–140.
17. Сивков К.В. Финансы России перед войной 1812 г. // *Отечественная война и русское общество*. М.: Изд-во Т-ва И.Д. Сытина, 1912. Т. II. С. 262–296.
18. Святловский В.В. История экономических идей в России. Пг.: Начатки знаний, 1923. Т. 1. 238 с.
19. Трошин Н.Н. Первый опыт осуществления системной экономической реформы в царской России («План финансов» М.М. Сперанского 1810–1812 гг.) // *Проблемы национальной стратегии*. 2014. № 6 (27). С. 174–189..
20. Тебиев Б.К. Экономические мыслители России. Михаил Андреевич Балугьянский (1769–1847) // *Финансы и кредит*. 2014. № 2. С. 100–109.
21. Яровой Г.В. Государственные крестьяне в законодательстве первой половины XIX века // *Ученые записки (Уральский университет)*. 1967. № 42. Серия историческая. Вып. 2. С. 165–174.

REFERENCES

1. Anikeeva, A.A. (2010) Rol' finansista M.A. Balug'yanskogo v obshchestvennoy zhizni Rossii [The role of the financier M.A. Balugyansky in the public life of Russia]. *Stranitsy istorii*. 20. pp. 75–80.
2. Anisimov, E.V. (1982) *Podatnaya reforma Petra I* [Peter I's tax reform]. Leningrad: Nauka.
3. Achmizov, A.A. (2015) *Gosudarstvennye krest'yane v Rossii: transformatsiya pravovogo statusa, upravleniya i soslovnogo samoupravleniya (XVIII–XIX vv.) (istoriko-pravovoe issledovanie)* [State peasants in Russia: the transformation of

legal status, management and estate self-government (XVIII – XIX centuries) (historical and legal research)]. Abstract of Law Cand. Diss. Kursk.

4. Baludyansky, M.A. (1806) Natsional'noe bogatstvo. Izobrazhenie razlichnykh khozyaystvennykh sistem [National wealth. Various economic systems]. *Statisticheskii zhurnal*. 1(1). pp. 45–71.

5. Baludyansky, M.A. (1806) O narodnom bogatstve (prodolzhenie) [On national wealth (continued)]. *Statisticheskii zhurnal*. 1(2). pp. 33–71.

6. Baludyansky, M.A. (1808) Stat'ya teoreticheskaya o razdelenii i oborote [Theoretical article on separation and turnover]. *Statisticheskii zhurnal*. 2(2). pp. 1–77.

7. Varkhola, M. (2011) Ekonomicheskaya sistema Mikhaila Baludyanskogo v razvitiі ekonomicheskoy mysli [The economic system of Mikhail Baludyansky in the development of economic thought]. *Zbirnik naukovikh prats' Kam'yanets' Podil's'kogo natsional'nogo universitetu imeni Ivana Ogienka*. 17. pp. 269–271.

8. Golubka, S.M. (2012) Baludyanskiy – reformator i teoretik osnovnykh printsipov finansovo-ekonomicheskoy nauki [Baludyansky – a reformer and theorist of the basic principles of financial and economic science]. *Ekonomika Ukraїni*. 7. pp. 89–95.

9. Dronov, M.Yu. (2013) Mikhail Andreevich Balug'yanskiy: “Svoy” sredi “chuzhikh”, “chuzhoy” sredi “svoikh” [Mikhail Andreevich Balugyansky: “One” among “strangers”, “a stranger” among “friends”]. In: Uzeneva, E.S. (ed.) *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii*. Moscow: RAS. pp. 156–164.

10. Dubyansky, A.N. (2012) Financial Reform in Russia at the Beginning of 19th Century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika – St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. 2(5). pp. 91–98. (In Russian).

11. Kirillov, A.K. (2017) *Ot podushnoy podati k podokhodnomu nalogu: podatnye reformy kapitalisticheskoy Rossii i ikh voploshchenie v Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [From per capita tax to income tax: tax reforms of capitalist Russia and their implementation in Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Parallel.

12. Kosachevskaya, E.M. (1971) *M.A. Balug'yanskiy i Peterburgskiy universitet pervoy chetverti XIX veka* [M.A. Balugyan and Petersburg University of the first quarter of the 19th century]. Leningrad: Leningrad State University.

13. Moiseev, S.R. (2016) Gosudarstvennaya komissiya pogasheniya dolgov [State debt repayment commission]. *Den'gi i kredit – Money and Finance*. 9. pp. 54–64.

14. Muravieva, L.A. (2010) The state budget of Russia in the first half of the 19th century. *Finansy i kredit – Finance and Credit*. 38(422). pp. 76–84. (In Russian).

15. Pasichnik, N. (2018) Vklad M.A. Baludyans'kogo v rozvitok finansovo-pravovoi nauki i praktiki upravlinnya derzhavnim gospodarstvom [M.A. Baludyansky's contribution in the development of financial and legal science and practice of sovereign statehood managing]. *Pereyaslavs'kiy litopis*. 13. pp. 186–194.

16. Pashaeva, N. (2008) Karpatorusskie intelligenty v Rossii v 1-oy polovine XIX veka: Orlay, Balug'yanskiy, Lodiy, Kukol'nik, Venelin [Carpathian intellectuals

17. Sivkov, K.V. (1912) *Finansy Rossii pered voynoy 1812 g.* [Russian finance before the War of 1812]. In: Dzhivelegov, A.K., Melgunova, S.P. & Pichet, V.I. (eds) *Otechestvennaya voyna i russkoe obshchestvo* [World War II and Russian Society]. Vol. 2. Moscow: I.D. Sytin. pp. 262–296.

19. Troshin, N.N. (2014) The first experience of implementing the system of economic reform in Tsarist Russia (M. M. Speransky's Financial Plan of 1810–1812). *Problemy natsional'noy strategii*. 6(27). pp. 174–189. (In Russian).

21. Yarovoy, G.V. (1967) Gosudarstvennye krest'yane v zakonodatel'stve pervoy poloviny XIX veka [State peasants in the legislation of the first half of the 19th century]. *Uchenye zapiski (Ural'skiy universitet)*. 42(2). pp. 165–174.

Evgeniya A. Vakhrusheva – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Руденко Валентина Викторовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Россия).

Valentina V. Rudenko – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: emikh.valentina@gmail.com

УДК 94(47)+94(436)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/60/5

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА ДЕ-ВИТТЕ И КАРПАТСКАЯ РУСЬ

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

Имя известного в свое время педагога и историка Елизаветы Ивановны де-Витте (урожденной Аммосовой), к сожалению, оказалось в наше время незаслуженно забыто. Елизавета де-Витте – автор многочисленных научных и научно-популярных трудов. Она была действительным членом Исторического общества Нестора летописца, печаталась в журналах «Чтения в Историческом обществе Нестора летописца», «Русское дело», «Заря», «Русь», «Правдивое слово». Издавала сборники «Книга для чтения в школе и дома». Во втором выпуске опубликовала свой перевод «Слова о полку Игореве», опираясь на перевод Г.П. Павского. Также вышло много ее отдельных научных работ. Она совершила несколько путешествий по зарубежным странам, интересуясь в основном положением славянских народов. Летом 1903 г. Е. де-Витте отправилась в поездку по Австро-Венгрии, посетив Буковину и Галицию.

В ее творческом наследии есть труды, посвященные истории, социально-экономическому, политическому и религиозному положению русинов Австро-Венгрии. Среди них: «Путевые впечатления с историческими очерками. Буковина и Галичина» (1903), «Угро-русы. Прошлое и настоящее. Абсолютизм и конституция» (1907), «Как живет галичанам под конституцией» (1908), «Русско-польский вопрос в Галичине. 1804–1909» (1909), «Австро-Венгрия и ее славянские народы» (1912), «Угороруссы» (1914), «Галицкая Русь в ее прошлом и настоящем» (в соавторстве с Е.Ф. Тураевой-Церетели, 1915). Не обошла вниманием Е. де-Витте и судьбу русинов Холмщины («Холмская Русь», 1909).

Своими работами она внесла вклад в дальнейшее изучение истории русинов и способствовала расширению интереса в России к русинской проблеме как среди широкой общественности, так и в научной среде.

Ключевые слова: Елизавета де-Витте (Аммосова), Карпатская Русь, Австро-Венгрия, Буковина, Галиция, Угорская Русь, Холмская Русь, русины.

ELIZAVETA IVANOVNA DE WITTE AND CARPATHIAN RUS

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

Elizaveta Ivanovna de Witte (nee Ammosova), a famous educator and historian, has been undeservedly forgotten. She was the author of numerous scientific and popular works, a full member of the Historical Society of Nestor the Chronicler, published in numerous journals like *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa, Russkoe delo, Zarya, Rus', Pravdivoe slovo*. She was publishing the collections *Book for Reading at School and at Home*, the second volume of which included her version of *The Word on Igor's Regiment*, based on G.P. Pavsky's translation. E. de Witte made several trips to foreign countries, where she paid much attention to the situation of Slavic peoples. In the summer of 1903, E. de Witte went to Austria-Hungary and visited Bukovina and Galicia. Her creative legacy includes works on the history, socio-economic and religious situation of the Rusins in Austria-Hungary: *Bukovina and Galicia* (1903), *Ugro-Rus. Past and Present. Absolutism and Constitution* (1907), *How Galicians Live under the Constitution* (1908), *The Russian-Polish Question in Galicia. 1804–1909* (1909), *Austria-Hungary and Its Slavic Peoples* (1912), *Galician Rus in Its Past and Present* (co-authored with E.F. Turaeva-Tsereteli, 1915). She was also interested in the Rusins of the Kholmshchyna (*Chełm Land*, 1909). With her works on the history of Carpathian Rus, E. de Witte contributed much to the further studies of the history of Rusins and promoted the interest to this ethnic group in the general public and academic community of Russia.

Keywords: Elizaveta de Witte (Ammosova), Carpathian Rus, Austria-Hungary, Bukovina, Galicia, Ugric Rus, Chełm Land, Rusins.

Елизавета Ивановна де-Витте (де Витте) (21.05.1834 – ок. 1918) родилась в семье коллежского асессора Ивана Петровича Аммосова (1797–1872) и Варвары Дмитриевны, урожденной Свечиной (1807–1871). И.П. Аммосов владел родовым имением в селе Гуторово Курской губернии и в 1835 г. был записан в шестую часть дворянской родословной книги вместе с сыном Дмитрием и дочерьми Анастасией, Софией, Марией, Елизаветой, Наталией и Прасковьей. В

1845 г. родился сын Георгий (Юрий), дальнейших сведений о котором нет [1: 11–12].

В 1851 г. Елизавета закончила Императорское воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт благородных девиц Санкт-Петербурга, 26-й выпуск). В 1856 г. вышла замуж за полковника Михаила Павловича де-Витте [65: 559]. Михаил (17.07.1828 – 16.03.1867) был старшим сыном генерала от инфантерии, члена генерал-аудиториата Военного министерства Павла Яковлевича де-Витте (Девитт) (1796–1864) от первого его брака с Валерий Францевной, урожденной Банцеготти, командиром лейб-гвардии батареей № 5 батареи 3-й гвардейской и гренадерской артиллерийской бригады. У них родились дочери Валерия (1857–1882), Ольга (1859–1879) [1: 12–13] и сын Владимир (1866–1868) [64: 122]. Ее младшая сестра Прасковья (4.05.1839 – 19.11.1916) была замужем за братом Михаила, командиром 3-го гусарского Елисаветградского полка Николаем де-Витте (18.04.1830 – 8.12.1877), и у них родилось двое сыновей – Николай и Аполлон [1: 12–13].

Через год после смерти мужа Елизавете де-Витте предложили должность начальницы вновь открывшейся женской гимназии в Кельцах, административном центре Келецкой губернии Царства Польского. Хотя, овдовев, она готовилась к педагогическому поприщу, но в то время была серьезно больна. Через шесть лет, когда две дочери воспитывались в Смольном институте, а старшая уже заканчивала его, дела Елизаветы Ивановны «расстроились, приходилось думать о приискании работы». В 1874 г. на приеме у герцога П.Г. Ольденбургского, главного начальника женских учебных заведений Ведомства императрицы Марии, ей предложили возглавить женскую гимназию в Астрахани. Перед этим Елизавете посоветовали ознакомиться с работой одной из столичных гимназий, которой в то время руководила знакомая ей выпускница Смольного. Однако назначение не состоялось, т. к. утвердили кандидатуру местного губернатора. Оно произошло только через год при помощи инспектора Смольного института, к которой обратился директор Тифлисской гимназии с просьбой рекомендовать кого-нибудь из бывших выпускниц Смольного на должность начальницы женской гимназии [25: 5–7]. С тех пор началась 22-летняя служба Елизаветы Ивановны [25: 3], с небольшим перерывом с апреля 1878 по 1884 г. За это время она похоронила своих взрослых дочерей и осталась одна [25: 83]. Е.И. де-Витте проработала начальницей женских гимназий (главной надзирательницей) – Тифлисской великой княгини Ольги Федоровны (1875–1878), Ковенской (1885–1897), Киевской Фундуclideanской с пансионом графини Левашевой (1897–1904) [56: 396].

К сожалению, личность Елизаветы де-Витте (Аммосовой) и ее научная деятельность недостаточно изучены. Истории родов Аммосовых и де-Витте немного касался в своих воспоминаниях известный русский генеалог, археограф Л.М. Савёлов (1868–1947), чья мать Анастасия была родной сестрой Елизаветы [56: 13, 15, 53–54, 63–64], о ее родословной вкратце упоминает А.Н. Акиншин [1: 11–13].

Т.И. Чепелевская, называя исследовательницу «травелогом» (от англ. travelogue – повествование о путешествии) и используя наработки итальянской исследовательницы Кристины Куньята, описывает работы Е.И. де-Витте, вышедшие после ее зарубежных путешествий, совершенных во время летних каникул. Летом 1902 г. исследовательница посетила Далмацию, Герцеговину, Боснию и Сербию. Летом 1903 г. – Буковину и Галичину, а также Чехию и Моравию, летом 1903, 1906 и 1907 гг. – Словакию и Угорскую Русь, летом 1907 и 1910 гг. побывала в альпийских землях и в Приморье с Тиестом, населенных словенцами [64].

В 2011–2012 гг. К. Куньята из Università Ca' Foscari Venezia (Италия) написала магистерскую работу «Elizaveta Ivanovna de-Vitte. Uno sguardo al femminile sulle condizioni degli Slavi europei all'inizio del XX secolo» («Елизавета Ивановна де-Витте. Женский взгляд на положение славянских народов в начале XX в.») [66]. В 2018 г. она опубликовала статью «Te Travel Experience of Elizaveta De Vitte and Rebecca West: A Compared Study Between Two Committed Women-Travellers» («Опыт путешествий Елизаветы де-Витте и Ребекки Уэст: сравнительное исследование двух убежденных женщин-путешественниц») [67].

Коснулась биографии Е.И. де-Витте Н. Гаттас в своей статье «Буковина и Галичина» [2: 6]. Описывая в своих статьях деятельность Исторического общества Нестора летописца [52; 53], украинский исследователь М.П. Колесник упоминает о Е.И. де-Витте [52: 54]. Небольшую справку об ученом дает «Энциклопедия "Слова о полку Игореве"» М.А. Федотовой [63].

В 1977 г. Карпаторусское литературное общество (США) выпустило репринт книги Е.И. де-Витте «Путевые впечатления (с ист. очерками). Лето 1903 г. Буковина и Галичина», изданной в 1904 г. в Киеве [49]. Ее очерки «Русско-польский вопрос в Галичине. 1804–1909», «Холмская Русь» и «Угороруссы» увидели свет в сборнике «"Украинская" болезнь русской нации», вышедшем в 2004 г. [62].

В целом же научное и педагогическое наследие Е.И. де-Витте в наше время оказалось невостребованным, вероятно, из-за ее монархических взглядов и приверженности концепции единого русского народа.

Во время пребывания в Ковно (Каунасе) она стала членом Православного Свято-Никольско-Петропавловского братства [64: 122]. Там она издала сборники для чтения в школе и дома для начальной школы (с текстами русских сказок, былин, древнерусских поучений). В «Книге для чтения в школе и дома» (вып. 1–3) Е.И. де-Витте опубликовала «Начальную летопись», жития преподобных Антония и Феодосия Печерских, несколько древнерусских поучений, былины, сказки, духовные стихи, плачи и песни. Во втором выпуске она издала свой перевод «Слова о полку Игореве». В предисловии было указано, что она опиралась на перевод Г.П. Павского и исследования А.А. Потебни и Е.В. Барсова. Перед «Словом» представлен небольшой очерк «Борьба Руси со Степью». Текст «Слова» (древнерусский текст воспроизводится по Потебне) и его перевод публиковались параллельно [63: 99–100]. В Ковно вышел и первый труд ученого по истории славян – «Чтения по истории славян. Балтийские славяне. Хорваты. Сербы. Хорутане. Болгары. Велико-Моравия. Чехия. Польша. Русь», написанный по работам русских славистов [5].

Возглавив Киево-Фундуклеевскую женскую гимназию (1897–1904), Е.И. де-Витте принимает активное участие в деятельности Общества Нестора летописца в Киеве, активно публикуясь в «Чтениях в Историческом обществе Нестора летописца» и выступая с докладами на заседаниях общества [12; 13; 14; 27; 57]. К началу 1898 г. в обществе состояло 21 почетный и 122 действительных членов [3: 12]. С 1879 г. оно начало издавать «Чтения в Историческом обществе Нестора летописца» [4: 34, 36]. 31 января 1898 г. Е.И. де-Витте избрали членом-корреспондентом [50: 105], а 12 декабря 1899 г. – действительным членом Общества Нестора летописца [51: 38; 55: 4; 16].

С 1899 до 1905 г. она являлась членом Дамского совета Киевского Славянского благотворительного общества (позже стала почетным членом); с 1905 г. – член Историко-родословного общества (ИРО) в Москве [64: 123].

В Киеве Е.И. де-Витте стала активно заниматься научной деятельностью, писать исторические работы, путешествовать по землям славян.

В ее творческом наследии значительное место занимают исследования, посвященные истории, социально-экономическому, политическому и религиозному положению русинов Карпатской Руси¹. Среди них: «Путевые впечатления с историческими очерками. Буковина и Галичина. Лето 1903 г.» (1904), «Угро-русы. Прошлое и настоящее. Абсолютизм и конституция» (1907), «Как живет галичанам под конституцией» (1908), «Русско-польский вопрос в Гали-

чине. 1804–1909» (1909), «Путевые впечатления с историческими очерками. Словачина и угро-русы. Лето 1903, 1906 и 1907 годов» (1909), «Австро-Венгрия и ее славянские народы» (1912), «Угросу-сы» (1914), «Галицкая Русь в ее прошлом и настоящем» (в соавторстве с Е.Ф. Тураевой-Церетели, 1915) и т.д. Не обошла вниманием Е.И. де-Витте и судьбу русинов Холмщины («Холмская Русь», 1909) [15; 17; 21; 26; 31; 32; 33; 40; 43; 44; 48; 49, 61].

В своих трудах Е.И. де-Витте называла население Карпатской Руси «русскими», редко применяя этноним «русин». Мы решили не править автора по двум причинам. Во-первых, до революции в России официальной была теория триединого русского народа, которую разделяло большинство великороссов, малороссов, белорусов и русинов (русинов официально причисляли к малороссам). Только в 1917 г. в Австро-Венгрии новый император Карл I официально изменил названия «рутены», «рутенский язык» на «украинцы» и «украинский язык» (Ukrainer, Ukrainisch) [60: 195]. Во-вторых, при изменении может исказиться первоначальный смысл высказываний автора.

Летом 1903 г. Елизавета Ивановна совершила поездку по Буковине и Галичине, входивших в то время в состав Австро-Венгерской империи. О своих впечатлениях во время путешествия она сообщила на общем собрании Киевского славянского благотворительного общества 22 октября 1903 г. (ее выступление вышло в том же году отдельной брошюрой), а следующем году увидела свет монография «Путевые впечатления с историческими очерками. Буковина и Галичина. Лето 1903 г.» [15; 17].

Автор начинает предисловие к этой работе словами: «Продолжая наше путешествие по славянским землям, мы продолжаем издавать и наши “Путевые впечатления”. При этом, задавшись целью не только делиться с читателем непосредственными впечатлениями нашими, но и осведомлять читателей, незнакомых с судьбой славян и с историей стран, нами и описываемых, мы в некоторых местах останавливаемся подолгу на той и другой» [17: 3].

Русское население Буковины, пишет автор, поговору, характеру, одежде и обычаям подразделяется на три группы: подолян, или жителей равнин, гуцулов, жителей гор, и филиппован, великороссов-старообрядцев.

Подоляне и филипповане лицом белые, глаза и волосы светлые или несколько темноватые. Гуцулы смуглы, глаза и волосы черные или очень темные. Подоляне низки ростом, гуцулы высоки и стройны. Филипповане толсты. Характер у гуцулов и подолян мягкий, у филиппован – твердый. Все они добродушны, дружелюбны, госте-

приимны, трудолюбивы, честны и религиозны. Подоляне отличаются деликатностью в речи, никогда не скажут грубого слова [17: 10].

Подоляне-мужчины летом носили длинную, широкую белую полотняную сорочку с широкими, у кисти завороченными рукавами, узкие белые полотняные штаны под сорочкой, поверх сорочки – разноцветный шерстяной пояс, маленький кожушок без рукавов, украшенный сверху сафьяновыми разноцветными ремешками, широкий, длинный черный шерстяной сердак с шерстяными узелками и пуговицами на груди, черевики или чоботы с заостренными или широкими носками, с украшением сверху, соломенную или войлочную шляпу с широкими полями. Зимой мужчины надевали поверх полотняных портков белые или темные узкие шерстяные штаны или лишь до колен доходившие полуштаны, на ноги – чоботы, на голову – овечьи шапки с ушами или без [17: 11].

Одежда женщин-подолянок летом состояла из длинной, узкой полотняной сорочки с рукавами, как у мужской, с разноцветными вышивками на плечах и у кисти, широкой темной шерстяной юбки с двумя пришитыми к ней узкими разноцветными шерстяными поясками для привязывания юбки, маленького кожушка без рукавов, как у мужчин, длинного сердака, как у мужчин, кожаных черевиков или чоботов, белого ручника на голове поверх связанных в клубок волос. Молодицы и девушки носили обыкновенно разноцветные юбки. В праздничные дни девчата вместо ручника надевали венки из мелких стеклянных бус, лент, цветов, павлиньих перьев и т. д. Эти венки назывались карабулями, и их носили девушки, которые уже ходили на танцы с парубками (парнями). Летом девчата надевали на танцы или в церковь вместо кожуха кацавейку (шелковый полукожушок) [17: 11].

Зимой подолянки, кроме кожушков, сердаков и плащей, носили длинные кожухи, которые сверху разукрашены красным сукном, сзади плетеными кожаными шнурками. Девчата и молодницы надевали длинные кожухи, которые сверху еще более разукрашены сукном, вышивками и кожаными шнурками [17: 11–12].

Е.И. де-Витте, описывая русинов Карпатской Руси, использовала не только свои наблюдения, она также изучила работы местных историков и этнографов. В частности, при описании подолян, гуцулов, лемков, бойков она использовала исследования Г.И. Купчанко, в т. ч. и его работу «Наша Родина» [54].

Автор дает характеристику трем основным этническим группам русинов Галичины: лемкам, бойкам и гуцулам.

Русские, живущие на всем хлебоборном пространстве Галичины и занимающиеся преимущественно земледелием, отмечала Е.И. де-

Витте, не имеют особого названия. Только жителей в окрестностях Тернополя и Черткова зовут подолянами. Все русские земледельцы сходны между собой наречием, одеждой и обычаями. Зато у жителей гор – лемков, бойков и гуцулов, живущих в близком соседстве друг с другом, большая разница в наречии, внешнем облике, одежде, нравах и обычаях [17: 33–34].

Лемки жили по обеим сторонам Карпат (Бескид) в Галичине и Угорщине. Галицкие лемки занимали целую полосу в 50 квадратных миль от города Пивничной на р. Попраде. На Лемковщине находятся города Грибов, Горлицы, Жмий-город, Дукля, Римаков, Новотанец, Буковско. За Попродом есть только четыре деревни, населенные лемками: Шляхтово, Яворки, Бела-Вода и Черна-Вода. Земли лемков – большей частью бесплодные горы, где процветает скотоводство.

Лемки говорили с ударением на предпоследнем слоге, как в польском языке. Все они придерживались своей народности и восточного униатского обряда [17: 34].

Лемки как жители гор отличались от русских земледельцев Галичины одеждой. Верхняя их одежда – чуга (длинный плащ) с пелериною на спине, на нижнем рубце которого находятся т. н. торики, т. е. плетеные черно-белые шерстяные нитки, висящие как бахрома. Обыкновенная одежда состояла из прямой верхней одежды из длинноворсового самодельного сукна с фальшивыми рукавами под названием гуня, узких штанов из белого сукна, шляпы с широкими полями, на ногах – керпцы или ходаки (кожаные постолы). Богатые лемки ходили в сапогах.

Женщины носили на голове белые или синие платки, один длинный конец которых спускался вниз. Девушки не повязывали платки, а заплетали волосы в косу. Женская одежда состояла из сподницы или кабата, в будние дни – из синей материи с белыми точками, в праздничные – из белой с цветами. На ногах в будни носили керпцы или ходаки, в праздники – угорские сапоги, черные или желтые сафьяны.

В своих горах лемкам удалось сохранить древнюю простоту народных и религиозных обычаев [17: 35].

Горные соседи лемков – бойки. Они проживали в части Саноцких гор и в Стрейских горах и отличались от лемков одеждой, наречием и нравами. Исследовательница считала, что название бойков происходит от слова «бойкий» («бить») и что «бойко» – это человек пылкого характера. Полки из бойков обыкновенно направлялись австрийскими генералами на самые опасные участки боя и часто несли огромные потери. В горах бойки занимались скотоводством и немного производством деревянных изделий. Они также торговали

привезенными из Венгрии орехами, сливами, виноградом и каштанами [17: 35–36].

Одежда их состояла из обыкновенного шерстяного сердака или короткого бараньего кожуха, черной бараньей шапки или широкой шляпы, на ногах носили ходаки. Женщины одевались так же, сподницы у них шерстяные, на головах белые платки. Они хорошо ездили верхом и курили трубку.

Бойки не пользовались расположением своих соседей. Особенно силен был антагонизм между ними и гуцулами. Причина его неизвестна [17: 36].

Далее на восток и юг жили гуцулы, «русские черногорцы, краса и поэзия Галицкой Руси». Отсюда расходятся их песни «коломыйки» и одноименный танец [17: 36].

Е.И. де-Витте предположила, что название «гуцул» взято из румынского языка и означает «разбойник», т. к. в Коломейских и Буковинских горах, прежде труднодоступных, скрывались шайки опришков, самым знаменитым из которых был Олекса Довбуш [17: 37].

Гуцулы красивы лицом. Волосы и глаза у них чаще черные, лицо с резкими чертами лица. Рост высокий, походка бодрая, движения свободные и смелые.

Гуцулы носили короткий шерстяной черный сердак, красные или голубые широкие штаны, широкий пояс, за поясом – пару пистолетов и нож. Неизменный атрибут – прекрасно сделанный и служивший вместо палицы топорик. Гуцулки, отмечала исследователь, не так красивы, как мужчины. Одежда их была, по ее мнению, тяжелая и безвкусная: сердак, вышитая сорочка и шерстяная обогортка, желтые, красные или черные сапоги [17: 38].

Говоря о Буковине, Е.И. де-Витте, упоминала, что она входила в состав Галицкого княжества до его захвата Польшей в 1340 г., затем на некоторое отошла к Венгрии, а с 1369 г. стала северной частью Молдавского княжества. Договорами от 7 мая 1775 г. и 12 мая 1776 г. была уступлена Австрии Турцией. Исследовательница указала, что на захват Буковины большое влияние оказали военные соображения: она соединяла Галицию с Семиградией (Трансильванией), создавая для Австрии выгодное положение против России и Молдавского и Валашского княжеств. В 1786 г. Буковина была присоединена к Галиции как Черновицкий округ. В 1849 г. стала отдельной провинцией (герцогством) [15: 1–2; 17: 12–13].

После занятия края австрийцами и знакомства с его национальным составом местные чиновники обратили внимание на русское население края (русинов) «как на элемент, более пригодный для государственных целей». В одном из их официальных докладов пи-

салось: «русские в Буковине не так хитры, как румыны, они трудолюбивы и хорошие земледельцы...» [15: 2; 17: 14].

Однако если в первые годы своего правления в Галиции австрийское правительство поддерживало русский элемент как противовес польскому, то в Буковине оно сразу выдвинуло на первое место румын. Сыграло здесь свою роль не только отсутствие значительно-го польского населения, но и то, что, в отличие от галичан-униатов, буковинские русины были близки с русским населением России не только языком, но и верой. Поэтому «Буковина получила сразу немецко-румынскую окраску; в школах долгое время все преподавание происходило на немецком языке». Также австрийское правительство стало приглашать «инородческий элемент: немцев, мадьяр, поляков, евреев» [15: 2–3; 17: 14]. В 1860 г. в Австрии в пользу евреев были изданы законы, признававшие за ними право приобретать (с некоторыми ограничениями) недвижимое имущество. По окончании низшей гимназии, низшей реальной школы, торговой или земледельческой гимназий или при получении офицерского чина в армии можно было купить поместье, без этого дозволялось приобретать иную недвижимость: дома в местечках и городах, хозяйственные заведения в деревнях. Таким образом, было положено начало еврейскому помещичьему сословию в Буковине и Галиции [15: 3; 17: 14–15].

Хотя русины Буковины никогда не знали рабства, народ был «исконно свободен и не знал закрепощения», крестьяне потеряли экономическую гражданскую свободу. Конституционная свобода в Галичине и Буковине «не существует для русского народа». В краевом сейме из 29 депутатов (послов) русское население, составлявшее 2/5 населения, имело 5 послов. В венском парламенте среди 12 послов от Буковины был «всего лишь один русский, да и то зараженный украинофильством» [15: 4–6; 17: 15–16].

Орудием денационализации русского населения служила школа. В народной школе было обязательное обучение детей от 6 до 12 лет, если учитель найдет нужным – до 14 лет, учились мальчики и девочки. Однако не каждая деревня могла иметь такие школы. Над краевыми школами установили государственный надзор, языком обучения был тот, который признавала община (громада). Из-за сепаратистов, которых поддерживали поляки и правительство, в большинстве школ был введен «безобразный язык, который “куется” украинофилами и который не похож ни на малорусский, ни на великорусский, которого чураются сепаратисты. Народ его не понимает, и школьное обучение на нем остается безрезультатным» [15: 6; 17: 17–18].

Из трех черновицких гимназий русскому населению был открыт доступ только в одну, где училось всего 19 русских учеников. Еще хуже положение в Черновицком университете. К примеру, из 600 студентов – 300 евреев, составлявших 2/15 населения края, русских же студентов 50. В то же время «преследуется все русское». Из черновицкой гимназии были исключены 5 русских учеников за то, что они читали Пушкина. Все это показывает «гарантированность» свобод и равноправие, закрепленные в § 19 Конституции Австро-Венгрии² [15: 7; 17: 18].

Общественно-политическая жизнь русского населения в Буковине была слабой и стала активизироваться только после 1860 г. Для поднятия образования среди женщин в Черновцах было создано «Общество русских женщин». Оно заботилось о судьбе девочек из низшего сословия [15: 7–8; 17: 19–20].

В первый день приезда в Черновцы Е.И. де-Витте удалось познакомиться у редактора одной из русских газет с двумя членами депутации от народных веч, известными патриотами протоиереем Дробиком, главой депутации, состоявшей из пяти человек, и молодым крестьянином Меленчуком. Последний прочел свою статью, приготовленную для печати. «Развитый, энергичный, владеющий словом и пером, пламенный патриот, еще молодой Меленчук в своем красивом, расшитом народном костюме производит чарующее впечатление, – вспоминала исследователь. – “Вот вождь народный!” – невольно думаешь, глядя на него и слушая его. В петиции, поданной президенту-немцу, народ заявляет, что он “русский”, а не “рутенский», как называют его австрийское правительство и поляки» [15: 8; 17: 21].

Описывая происхождение этнонима «рутены», Е.И. де-Витте пишет, что «до перехода под власть Австрии русский народ в Галичине называл себя в единственном числе “русин” (это слово встречается у нас и на севере, в чисто великорусских губерниях)». «Немецкие ученые и литераторы стали называть русских, подданных Австрии, “Reussen” или “Russen”. Но вскоре утвердилось за ними название “Ruthenen”. Основание этому термину дали папские буллы и грамоты, выдававшиеся по делам униатов. В них всегда русские, соединенные с римскою церковью, назывались по-латыни “Rutheni”, и это название до того привилось униатской иерархии, что она даже в своих немецких письмах к австрийскому правительству постоянно употребляла этот латинский термин. Австрийское правительство, стремясь германизовать своих подданных и противясь развитию в них национального самосознания, воспользовалось впоследствии этим термином. Приобретенные Австрией “рутены” должны были

прежде всего сознать себя униатами, а не принадлежащими к какой-нибудь народности. Но впоследствии, по “политическим соображениям”, слово “рутены” стало означать особенную народность, отличную от великорусской, и это название распространилось и на русское население Буковины, остававшееся всегда православным. Это наименование должно было ограждать народ от преследований; но украинофилы-сепаратисты, главное гнездо и поприще деятельности которых в Галичине, проникли в последние годы и в Буковину, внеся раздор в общество и семью, где нередко бывает один – русский, другой – украинофил, отец с сыном, брат с братом враги; сепаратисты требуют от народа, чтобы он отрекся от своей народности, своего языка и своей истории, чтобы он заговорил вымышленным ими языком. Вот это-то и побудило вождей народа, патриотов, стать во главе движения, стремящегося укрепить самосознание народное. Отсюда и решение: “Отныне мы будем называться русскими!”» [15: 8–10; 17: 21–22].

На следующий день у редактора она познакомилась с молодым А.Ю. Геровским, одним из тех, кто был исключен из гимназии за чтение Пушкина. Он познакомил Е.И. де-Витте со своей матерью Алексией, дочерью А.И. Добрянского. На следующий день автор отправилась с Алексией в с. Добрыновцы, по пути заехав в г. Садыгура (Садгора), где познакомилась со священником о. Дионисием Кисель-Киселевским. В Добрыновцах они застали батюшку о. Григория Драчинского. Эти священники были «добрыми пастырями своего народа». Характеризуя буковинских священников, Е.И. де-Витте упоминает, что из 144 православных приходов края 50 занимают русские, остальные – румыны. При этом среди русских священников есть примкнувшие к сепаратистам из расчета, другие ничем, кроме карт и вина, не увлекаются. Жены священников в большинстве своем не «добрые матушки», а светские барыни, думающие только о нарядах и выездах [15: 10; 17: 25–27].

Все народности в Буковине имели свои «народные дома», в т. ч. «украинофилы» и раскольники-некрасовцы, населявшие в крае четыре деревни недалеко от Черновиц. Однако Русская народная партия, русский народ в Буковине, несмотря на хлопоты патриотов, такой дом не имели. Трудно приходилось русской партии, не имевшей материальных средств [15: 11; 17: 30].

Говоря о Галичине, исследовательница пишет, что она во второй половине XIV в. досталась польскому королю Казимиру Великому. В этом краю ранее было одно русское население (русское крестьянство, русское мещанство, русские торговые люди, русское духовенство, русские земледельцы – дворяне с боярством). Еще в XVI в. все

крестьянство, а также большая часть мещанства, торговых людей и дворянства были русскими. Теперь же население Восточной Галиции распределяется следующим образом: русского населения – 3 222 864 чел., говорящих по-польски – 3 130 811 чел., по-немецки – 227 тыс. В числе говорящих по-польски и по-немецки большой процент евреев. По словам Е.И. де-Витте, «русское население составляют крестьяне, духовенство и мелкий класс», торговый класс и мещанство – преимущественно евреи, крупное землевладение – в руках евреев и поляков [15: 11–12; 17: 32].

Вся судебная система и административные учреждения в крае находились в руках поляков, а в качестве официального употреблялся польский язык. Земский школьный совет старался вводить польский язык преподавания в русские школы и гимназии, назначал преподавателями людей, не владевших малорусской речью. В результате долгой борьбы удалось получить несколько городских школ и четыре гимназии (на 42 польские) во Львове, Перемышле, Коломые и Тернополе с преподаванием на малорусском языке. Однако, как считала автор, эти учебные заведения скорее наносили вред, чем приносили пользу, т. к. в них польские школьные власти проповедовали *ex cathedra* (с лат. буквально «с кафедры») национальный сепаратизм, вражду и ненависть к русской церкви, русской литературе, к России. В результате значительная часть молодежи выходила оттуда ярыми противниками всего русского [15: 13; 17: 170].

Австрийское правительство и поляки не допускали к выборам в краевой сейм и венский парламент русских депутатов. Из 169 депутатов краевого сейма только 14 были русской народности; в парламенте поляки имели 70 представителей, русские – 8. «Убогое русское население» не имело средств проводить выборную кампанию, в то же время на выборы одного депутата правительство или поляки тратили от 10–15 тыс. гульденов.

Несмотря на это, имевшее подавляющее большинство в 47 уездах русское население пыталось провести своих кандидатов. Однако оно столкнулось с противодействием властей. На выборах 1891 г., когда во главе правительства Галиции стоял граф Бадени, по его приказу уездные начальники (старосты) вызвали на выборы жандармов и войска, арестовали около тысячи русских избирателей, 9 чел. было убито. В итоге провели польских кандидатов. В тех округах, где, несмотря на террор, русские депутаты получили большинство голосов, уездные начальники с «подобранной ими избирательной комиссией совершили подлог, убавив русскому кандидату число голосов и добавив их польскому» [15: 13–14; 17: 168].

В русской Галичине действовал польский избирательный комитет, который занимался исключительно выборами в краевой сейм и парламент. В 1902 г. он расширил свою деятельность, стал постоянным и действовал в 33 уездах из 47 русской Галичины. Согласно инструкции, он следил за религиозным состоянием, образованием, политическими настроениями, общественными движениями, боролся с вредными (т. е. русскими) движениями, пробуждал и укреплял польское национальное сознание и т. д. [15: 14–15; 17: 197–198].

Описывая религиозное положение русинов, Е.И. де-Витте упоминает, что Галицкая Русь в XVIII в. перешла в унию, однако сохранила в своих церквах чистоту восточного обряда и богослужение на церковнославянском языке. В большинстве церквей всех трех епархий (Львовской, Перемышльской, Станиславской) оно совершалось по книгам, изданным в Почаеве, Киеве, Санкт-Петербурге, Москве, а также по книгам, напечатанным во Львове до унии. Это привело к тому, что кардинал Сильвестр, митрополит Галицкий, при посещении церквей своей епархии собственноручно вырывал заглавные листы в церковных книгах, чтобы уничтожить следы их происхождения [15: 20].

Народ сохранял свою приверженность восточному обряду, доказательством чему служили отсутствие сект, готовность даже самых бедных крестьян жертвовать средства на строительство храмов и их украшение, хождение тысяч крестьян на богомолье в Сучаву (Буковина), Почаев и даже в Киев. Иезуиты и поляки давно поняли, что, пока в униатских церквах остается восточный обряд, русское население останется чуждым католицизму и латинской пропаганде и будет склоняться к православию и России. Первые попытки уничтожить восточный обряд были предприняты в 60-х гг. XIX в., когда попытались ввести григорианский календарь вместо юлианского. Благодаря тогдашнему митрополиту Григорию Яхимовичу и о. Иоанну Наумовичу эта затея не удалась.

В 60-е гг. XIX в. началось церковно-обрядовое движение. Его целью была попытка очистить обряд униатской церкви от позднейших католических наслоений и искажений. Как отмечала Е.И. де-Витте, «обрядовцами были достойнейшие и даровитейшие из священников». Первое место среди них занимал о. Иоанн Наумович, соединивший движение церковное с национально-русским. После смерти митрополита Яхимовича в 1863 г. его преемник Спиридон Литвинович ликвидировал обрядовое движение в Галичине и лишил о. Наумовича прихода. После подавления польского восстания российское правительство призвало русских греко-католических священников из Галичины, чтобы ослабить польский элемент в Хол-

мшине и Подлясье. Этим предложением воспользовались многие обрядовцы, чье положение стало невыносимым. В числе переехавших на Холмщину был и генеральный викарий Львовской епархии Михаил Куземский, который стал в 1868 г. епископом Холмской епархии.

Тогда иезуиты и поляки решили заменить галицкое униатское духовенство на более послушное, заодно и разбить старорусскую партию. Воспользовавшись переходом населения крестьян деревни Гнилички в православие в конце 1881 г., в 1882 г. начали судебное дело о государственной измене (процесс Ольги Грабарь) против выдающихся галицко-русских деятелей: о. И. Наумовича, А.И. Добрянского, В.М. Площанского, О.Г. Маркова и др. Их посадили в тюрьму и под шум этого процесса устроили передачу всех базилианских (василианских, Ордена святого Василия Великого) монастырей и их земельных угодий иезуитам. Воспитанные иезуитами базилиане стали вводить в восточный обряд латинскую практику и вести агитацию в пользу национального сепаратизма, распространяя украинофильство, вражду и ненависть к представителям русского направления в Галичине.

17 июля 1882 г., после семинедельного разбирательства, суд вынес приговор: о. Наумович получил восемь месяцев тюремного заключения, В. Площанский – пять месяцев, И. Штундер и О. Залуский – по три месяца. Остальные были освобождены.

Посредством своей латинизаторской политики и политической деятельности правительство и поляки стали выбирать церковных иерархов. Из среды базилиан был избран митрополит граф Андрей Шептицкий, бывший католик, на освободившуюся кафедру в Станиславе выдвинули базилианца Платонида Филаса, удаленного из гимназии за порочную жизнь [15: 21–22; 17: 157, 162–164, 175–177].

Одновременно правительство и поляки стали воспитывать для своих целей и светское духовенство. Галицко-русское духовенство в своей массе заслужило название добрых пастырей и учителей народа. С 1848 г. оно имело уже высшее образование и стало руководителем народа в национальном и политическом отношении. Когда австрийское правительство еще не занималось просвещением крестьян, галицко-русское духовенство основывало школы, в которых крестьянские дети обучались грамоте, и создавало при церквях общества трезвости. Но затем школьное образование перешло под управление земского школьного совета, стремившегося ополечить детей. Священники продолжали основывать в деревнях русские народные читальни и сберегательные кассы. Самые образованные

священнослужители были выпускниками Русской духовной семинарии, основанной в Вене при императрице Марии Терезии. В 1893 г. император издал указ, закрывавший это учебное заведение и определявший фонды, за счет которых содержались воспитанники семинарий, обучавшиеся в Риме. Также правительство приняло меры по закрытию Генеральной духовной семинарии во Львове, где готовились кадры для всех трех галицких епархий и епархиальных семинарий. Таким образом, в Риме стали обучаться священники, воспитанные в римско-католическом духе, из епархиальных семинарий выходили священники без университетского образования, полностью зависимые от своих епископов [15: 23–24].

Касаясь экономического положения населения, Е.И. де-Витте упоминает, что после ликвидации барщины в 1848 г. «крестьянское население Галичины поставлено было в условия бедности». Согласно императорскому указу, за крестьянами закреплялись земли, которыми они владели до отмены крепостничества. В результате 7/9 от всего крестьянства стало безземельным пролетариатом. За полученную землю 728 тыс. крестьян заплатили помещикам более 90 млн гульденов в виде дополнительной земельной подати. Помимо земельных наделов крестьян, сельские общества должны были получить участки для пастбищ и лесов. Помещики старались уменьшить и урезать размеры или прямо отбирали пастбища и леса, находившиеся во владении громад (общин). Крестьяне обращались в суды. В результате из 32 тыс. тяжб с помещиками было выиграно только 2 тыс. Стоили эти тяжбы и потерянные земли 15 млн гульденов. Совершенно ограбленными оказались гуцулы, которые издавна занимались скотоводством и имели обширные пастбища в Карпатах. «Теперь они нищие и толпами уходят на чужбину в поисках заработков, а за последнее время это чудное русское племя стало заметно вымирать». Малоземельность крестьян, недостаток пастбищ и лесов – это одна из причин бедности крестьян. Другая – подати и система обложения податями земельной собственности. По закону 1869 г. поземельное владение должно было само себя облагать податями, причем чистый доход с земли служил основанием для определения податей [15: 24–26]. Образовывались оценочные комиссии, где из 600 членов было только 24 представителей крестьян, в русской Галичине – 8 крестьян и 2 священника, остальные члены происходили из среды крупных помещиков, которые защищали свои интересы. Они оценили свои земли ниже, чем следовало, и бремя податей было переложено на плечи крестьян [17: 141].

Говоря о русинском Возрождении, автор пишет, что до 1848 г. Галицкую Русь представляли лишь «хлопы и попы». Правда,

это не совсем верно, т. к. «русское духовенство было почти поголовно ополячено». По-польски говорили священники дома, на этом же языке читали проповеди. Однако периодически появлялись национальные организации. В 1816 г. в Перемышле возникло «Общество священников». Инициатором его создания выступил каноник перемышльского капитула Иван Могильницкий. Задачей общества было распространение просвещения среди народа. В то время не было никаких учебников, кроме «Букваря», изданного в 1807 г. Ставропигией. В 1829 г. епископ Иоанн Снегурский учредил в Перемышле типографию, каноник Иван Лавровский основал капитульскую библиотеку. Из Перемышля идея возрождения перекинулась во Львов. В 1834 г. во Львовской духовной семинарии Маркиан Шашкевич, Яков Головацкий и Иван Вагилевич создали кружок «Русская троица». Результатом их деятельности явилась изданная в 1837 г. в Будапеште первая галицко-русская книга, напечатанная гражданским шрифтом – «Русалка Днестровая» [15: 27–28; 17: 100–101].

Галицкую Русь случайно для себя открыли Погодин, Шевырев, Кириевский, возвращавшиеся из-за границы в 1835 г. Незадолго до 1848 г. Д. Зубрицкий, Я. Головацкий и И. Вагилевич стали переписываться со славянскими и русскими учеными в Праге, Вене, Варшаве, Киеве, Москве. В 1847 г. появилось 30 сочинений, написанных русскими галичанами, 4 из них – на польском, 4 – на латинском, остальные – на русском языке. К сожалению, общерусская литература из России от Ломоносова до Пушкинской эпохи была недоступна и не оказала влияния на Галицкую Русь [15: 29; 17: 102].

Возрождение 1848 г. русские деятели встретили созданием «Головной русской рады» и газеты «Зоря Галицкая». Польские политики в противовес учредили «Ruskij Sobor» и газету «Dnewnyk Ruskij». Эти и другие действия польских политиков имели одну цель – не допустить организации русского элемента и внести в ряды его раскол. Тогда-то и возникло крылатое выражение: «Натравить русина на русина» (puścić rusina na rusina). Сначала в этом роль играли ополяченные галичане, позже украинофилы, которые усердно ее исполняли под лозунгом «истребления москвофильства» в Галичине. В 1848 г. поляки под предлогом, что «галицко-русское наречие – только разновидность польского языка», пытались перевести письмо на латинский алфавит. Против этого выступили галицко-русские деятели. Между 1850–1860 гг. галицко-русские издания печатались гражданским шрифтом. Однако вскоре все редакции получили предписание употреблять кириллическое письмо. В 1859 г. наместник Галичины граф А. Голуховский предложил устранить кириллицу, заменив ее латинским письмом. Не достигнув цели путем работы

специальной комиссии, он, став вскоре министром внутренних дел Австрийской империи, издал распоряжение, в котором всем учреждениям Галичины предписывалось в русском письме употреблять латинские буквы. Одновременно из Львова шли доносы на русских галичан. Попытка Голуховского провалилась благодаря противодействию русских членов комиссии [15: 31–33; 17: 103–106].

Во время подготовки к польскому восстанию 1863 г. «польские агенты, желавшие втянуть в восстание и галицко-русскую молодежь, стали распространять среди нее мысль малорусского сепаратизма». Львовский купец Дымет привез в то время стихотворения Шевченко. Молодежь, ранее ничего подобного не читавшая, набросилась на них. «Не зная истории России и не имея научной подготовки к пониманию истинного смысла произведений Шевченко, часть галицко-русской молодежи стала мечтать о самостоятельной казацкой Украине... Мода “казакования”, появившаяся во Львове, распространилась по всей Галичине. В провинциальных городах создавались “громады” гимназической молодежи, во Львове – “центральная громада»» [15: 34–35; 17: 106–107].

После поражения польского восстания в Галичину хлынули польские эмигранты, «и все они оказались ярыми украинофилами». В 1863 г. начал выходить орган украинофилов «Мета» («Цель»), который вместе с журналом «Słowo» продолжил дело разъединения галицко-русского общества [15: 36; 17: 114]. Для пропаганды малорусского сепаратизма попытались ввести «кулишовку». Однако, заметив, куда стремятся галицкие украинофилы, П.А. Кулиш написал им письмо, в котором просил не вносить раздора в русскую семью, не превращать литературный сепаратизм в политический. Он угрожал отказаться от фонетического правописания, раз оно служит средством разъединения русского народа [15: 36–37; 17: 114].

В 1890 г. наместник края граф Бадени придумал соглашение поляков и русинов, пообещав разные блага украинофилам, если они откажутся от политического союза с русской партией. На львовском сейме депутат Ю. Романчук огласил программу, в которой выразил все, что требовал Бадени [15: 38; 17: 115].

В 1899 г. украинофильская партия включила в свою повестку образование свободного независимого государства Русь-Украина от Карпат до Кавказа. Пропаганда этой идеи велась в Галичине прямо и тайно. Явная агитация против единства русского народа проводилась в издаваемых газетах «Діло», «Руслан», «Свобода», «Народная часопись», «Воля» и др., в брошюрах.

«Руслан» – газета для галицко-русской интеллигенции – финансировалась Министерством иностранных дел, «Народна часопись»

для крестьян сдержалась за счет подписки, деньги на которую от громад (общин) собирали уездные власти. Пропаганда украинофильства велась при помощи книг, выпускавшихся «Товариществом имени Т. Шевченко», которое ежегодно получало от австрийского правительства пособие в 20 000 крон (10 000 гульденов), и обществом «Просвіта».

Галицкий сейм выделял деньги для украинофильских обществ и редакций: общество «Беседа» во Львове на содержание театра получало 14 500 крон, певческое общество «Боян» во Львове – 600 крон, редакция журнала «Учитель» – 1 000 крон, товарищество «Просвіта» – 6 000 крон, Товарищество имени Т. Шевченко – 8 000 крон, редакция детского журнала «Дзвінок» – 400 крон, издательство книг – 12 000 крон, женское училище в Перемышле – 400 крон, педагогическое общество на издание «Украинско-русской библиотеки» – 600 крон, женская школа во Львове – 3 200 крон, на издание брошюр – 400 крон, на содержание пансионатов для бедной учащейся молодежи – 5 000 крон. Итого 52 100 крон. Сверх этого украинофильские общества получали материальную помощь из России (от украинофилов).

Т. к. украинофильское движение было тесно связано с социализмом, то оно получало поддержку со стороны интернационала, что помогало издавать многочисленные социалистические издания и распространять их среди рабочих и крестьян. Русские общества не получали ниоткуда ни гроша

Благодаря покровительству правительства и поляков украинофильская пропаганда велась в народных школах, гимназиях, во Львовском университете, где кафедру истории Южной Руси получил выпускник Киевского университета М. Грушевский. Также украинофильские идеи распространялись среди малорусского населения России, для чего печатались книги, брошюры, газеты, которые контрабандой ввозились в Россию [15: 39–42; 17: 185–188].

Русское население Галичины – в основном крестьянское – вследствие ущемления своих прав со стороны правительства и поляков надеялось на помощь от России. Делу национального возрождения служила созданная в 1899 г. Русская народная партия, а также другие организации. Так, Ставропигийский институт, образованный в 1788 г. на базе Львовского Успенского братства, имел типографию, которая вела свое начало от печатни Ивана Фёдорова, церковь, церковно-археологический музей, пансион для бедной учащейся молодежи, школу и пансион для псаломщиков, лучший в Галичине церковный хор. Институт выдавал гимназистам и студентам стипендии и пособия, печатал церковные книги и т. д.

«Народный дом» во Львове, основанный на народные пожертвования в 1852 г., содержал публичную библиотеку, имевшую около 80 тыс. томов, музей древностей и искусства, пансион для мужской учащейся молодежи, воспитательное заведение для девочек, выдавал пособия и стипендии учащейся молодежи и т. д. Построил и содержал церковь Преображения Господня.

Литературное национальное общество «Галицко-русская матица», основанное в 1848 г., издавало «Литературный научный сборник» и книги на русском языке.

Общество имени Михаила Качковского, созданное просветителем Галицкой Руси о. Иоанном Наумовичем в 1874 г., занималось просвещением крестьян. Имело около 9 тыс. членов, 2 отделения в провинциальных городах, которые вместе с центральным управлением основывали в деревнях народные читальни, мелочные лавки (крамницы), ссудно-сберегательные кассы, братства трезвости и ссыпи хлеба. Общество издало и распространило около 3 млн поучительных книжек. Годовой взнос – 1 гульден, за который член общества получал 12 книжек религиозного, исторического, сельскохозяйственного и экономического содержания.

Литературно-театральное общество «Муза», основанное в 1893 г., устраивало театральные представления и концерты, на которых играли только русские пьесы и исполняли произведения русских композиторов.

Политическое общество «Русская рада» во Львове занималось выборами в сейм и парламент, защитой политических и национальных прав русских галичан. Им управлял народный совет в составе 18 представителей от всего русского населения Галичины.

В Общество русских студентов «Друг» входили студенты Львовского университета. Кроме того, действовали общество «Русское казино», основанное в 1903 г. «Общество русских журналистов», созданное в 1875 г. «Общество русских дам», содержавшее женский пансион и выдававшее пособия русским девочкам.

Из провинциальных обществ наиболее известны братство св. архистратига Михаила в Коломые, братство св. Николая в Станиславе, Общество крылошан и Народный дом в Саноке, содержавшие пансионы, в которых бедные гимназисты получали бесплатное содержание и воспитание.

Выпускались следующие издания: ежедневная газета «Галичанин», журналы «Русское слово», «Живая мысль», «Русская библиотека», «Страхопуд», «Русская рада», «Посланник», «Сельский господарь», брошюры Общества имени М. Качковского.

Финансированием нужд русского населения и его экономическим развитием занимались «Народная торговля», имевшая 18 отделений и доставлявшая русскому населению и сельским лавкам различные товары, семена, земледельческие орудия, страховое общество «Днестр», ссудные кассы, дававшие крестьянам долгосрочные и дешевые кредиты в 37 деревнях. Самое крупное учреждение – кредитное общество «Защита земли» – ставило целью защиту земли русских крестьян от перехода в чужие руки и выдачу крестьянам ипотечных займов на уплату долгов в банках и ростовщикам, на покупку крестьянами земель у обанкротившихся польских помещиков и т.д. [15: 43–48; 17: 192–196].

В нескольких своих работах Е.И. де-Витте пишет об угрорусах [21; 33; 40; 44]. «Русские той же ветви, как и русские галичане» жили в северо-восточном углу Венгрии, по южному склону Карпат. На севере и востоке соприкасались с русскими галичанами и буковинцами, на юго-востоке – с румынами, на юго-западе – с мадьярами, на западе – со словаками. Ранее это население было многочисленнее и занимало большую территорию [40: 54; 44: 3].

До середины XVI в. они были «вольными людьми, исповедовали православную веру и находились под непосредственным покровительством короля». С конца XIII в. католическое духовенство и венгерские короли стали предпринимать попытки обратить население в католичество. В 1646 г. 63 священника подписали акт унии с Римской церковью (Ужгородская уния) [40: 54; 44: 3].

С 1825 г. в Венгрии усилилась мадьяризация славян. Русская молодежь стала воспитываться в семинариях во враждебном всему русскому духе. В семьях священников русский язык вытеснялся мадьярским. Тяжелым было и экономическое положение: «почти весь угрорусский народ живет в бедности, часто голодает». Положение несколько улучшилось благодаря министру земледелия Дариньи. Его комиссар Эдвард Эган арендовал землю у одного богатого землевладельца, разделил ее между угрорусами, снабдил их скотом лучшей породы, основал для них ссудо-сберегательные кассы, потребительские лавки и т.д., освободил от «нескольких кровопийц и бессовестных чиновников». Однако после его трагической смерти все это прекратилось. Его преемник Иосиф Кази не продолжил начинание [40: 55–56; 44: 4–5].

О тяжелом экономическом положении региона в 1905 г. писал Владимир Гнатюк: «В целом мире нет несчастнее земли как Угорская Русь. В некоторых землях Земплинского комитата остались одни бабы и дети – все мужчины разбрелись по свету за хлебом. В Мармарошском и Мукачевском комитатах народ хочет бежать в

Бразилию, да средств нет на дорогу. Лица мужчин испытые, и одежда их порванная, жалуются на голод. Сборщики податей забирают последнюю корову, последнюю козу, свежесобранное зерно и даже свежесрезанную капусту». «Умиравший народ», – так писали словенские «Народные новины» [40: 56; 44: 5].

Однако планы венгерского правительства ассимилировать с помощью униатской церкви угорусский народ потерпели крушение, и это объясняет его негативное отношение к распространителю православия в Угорской Руси иеромонаху Алексею Каблюку. Каблюк побывал на Афоне, вернулся на родину иеромонахом и начал свою проповедническую деятельность. Венгерская Конституция, как и австрийская, допускала свободу веры и переход из одной религиозной конфессии в другую. Однако в этом случае венгерские власти придумали целый ряд обвинений в адрес иеромонаха и его паствы и предали их суду [40: 57; 44: 6].

Первый процесс прошел в мае 1912 г. (Первый Мармарош-Сигетский процесс). На нем обвиняли 23 православных крестьян. У них были найдены напечатанные в России молитвенники на славянском языке с молитвой за царя. Также их обвиняли в укрывательстве Алексия Кабалюка, хождении на богомолье в Киев и пропаганде против униатской церкви. Как отмечала автор, «в ближайшем будущем предстоит еще ряд таких же процессов» [40: 57–58; 44: 7].

Работа Е.И. де-Витте «Холмская Русь» вышла пятым выпуском серии «Рассказы из русской истории» библиотеки Волинского союза русского народа в 1909 г. В ней автор рассказала об истории присоединения данного региона к Древней Руси, о развитии Холмщины во времена правления русских князей, особенно Даниила Галицкого, о жизни православной Холмщины в составе Речи Посполитой и борьбе населения за свою веру и сохранение народности, о «славе Холма» – его кафедральном соборе и Холмской иконе Божией Матери, о положении униатов и православных Холмщины в составе Российской империи.

После 983 г. Западная Русь, территория между Бугом, Вислой и Саном, вошла в состав Древней Руси. Рекой Владавкой, притоком Буга, и Тысменицей она делилась на северную и южную части. Первая с XI в. стала называться Подляшьем, потому что находилось под большими лесами, южная – Червенской землей, по имени главного города Червена [31: 3].

Забужная Русь, пишет Е.И. де-Витте, была крещена во времена князя Владимира. Здесь было построено много храмов, из них самым замечательным был храм Рождества Богородицы в Холме, воздвигнутый в 1001 г. Дело святого Владимира в Забужье продолжил

его сын Ярослав. Он основал в Подляшье города Дрогичин, Мельник, Брянск и др. После Забужной Русью стали править Ростиславичи, правнуки Ярослава. В конце XI в. она была поделена на отдельные области: Берестейскую, Люблинскую, Холмскую, Червенскую, Бельзскую, Перемышльскую, Требовльскую. В конце XII в. Роман Мстиславович объединил Владимиро-Волинскую землю с Галицкой. Он поставил на Белавинской башне близ Холма двухглавого каменного орла как знак княжеской власти. Его сын Даниил, не любивший Галич из-за своевольного боярства, сделал около 1235 г. столицей Холм, который существовал еще до присоединения этой территории к Руси. Из-за пограничного положения Холма между Польшей и Русью он являлся яблоком постоянного раздора и был razорен в результате войн XI–XII вв. Город был восстановлен Даниилом Галицким примерно в 1235 г., когда тот утвердился на галицком столе. До этого Холм был незначительным поселением, располагавшимся на юго-западном склоне горы [31: 4].

После 1240 г., когда татаро-монголы разрушили Галич, Даниил уже постоянно пребывал в Холме, который сделал столицей Галицко-Волинского княжества [31: 5]. Он был хорошо укреплен, и татаро-монголы не смогли его захватить в 1240 и 1259 гг. Даниил также укрепил город Люблин. После смерти Даниила Галицкого в 1264 г. померкла и слава Холма. Дети и внуки князя разделили княжество на множество удельных. В 1349 г. Галицкая Русь попадала под власть польского короля Казимира. В 1366 г. власть польского короля признал холмский князь Юрий. Окончательно Холмщина вошла в состав Польши в 1462 г. [31: 6].

Подляшье, в отличие от Холмщины, оказалось вначале в составе Великого княжества литовского, русского и жемайтского. Однако после объединения Литвы с Польшей в 1569 г. там тоже началась латинизация [31: 7].

С историей Холма тесно связана и история Холмского кафедрального собора. В городе была учреждена епископия. Построенная святым Владимиром в Холме церковь во имя Пресвятой Богородицы получила название Пречистенского кафедрального собора. Таким образом, Холм стал центром епископства [31: 6]. Даниил Галицкий построил еще несколько церквей – Св. Иоанна Златоуста, Св. бессребреников Космы и Дамиана и восстановил после пожара, вызванного нашествием Батыя, церковь Св. Троицы в предместье города. Во время нашествия Куремсы в 1259 г. холмский собор, как и весь город, сильно пострадал от пожара. В 1260 г. стараниями Даниила Галицкого он был восстановлен. Холмские храмы были богато украшены еще до пожара, в них находились иконы, украшенные дорогими

камнями и золотым бисером. Они были принесены из Киева и Овруча или писаны в самом Холме. Часть колоколов тоже была из Киева, остальные отлили в самом Холме. Город спасся от татарского нашествия в третий раз и среди разрушенных и испепеленных городов Галицко-Волынского княжества стал считаться богоспасаемым градом. Славу ему принесла икона Богоматери, Заступницы Холма [31: 11]. Поэтому неудивительно, что холмский Богородичный собор получал богатые пожертвования от князей и других лиц. Простой люд тысячами стекался в Холм поклониться святыни, особенно много народу было 8 сентября, в день Чудотворной иконы Богоматери [31: 11-12].

Дальнейшая история Холмщины представляет собой борьбу местного населения за сохранение своей этничности и православной веры. В 1417 г. польский король Владислав Ягайло учредил Холмскую латинскую епископию для православного населения края, чтобы наставлять «схизматический народ, живший в окрестностях» [31: 12]. На Брестском соборе 1596 г. в унию перешел холмский епископ Дионисий Збируйский. В первое время православные не чувствовали ее последствий. Епископы вели себя по отношению к верующим сдержанно. В 1617 г. второй униатский холмский епископ Андреевский разрешил учредить в Холме православное братство. После его смерти началось притеснение православных. При 23-летнем правлении епископа Мефодия Терлецкого (1626–1649) у православных не осталось в Холме ни одной церкви [31: 13–14].

После Брестского собора в православии остались только два епископа – львовский Гедеон (умер в 1607 г.) и перемышльский Михаил (умер в 1612 г.). После них на пять епархий (Владимирскую, Луцкую, Холмскую, Львовскую и Перемышльскую) остался только один епископ Иеремия Тиссаровский, занявший львовскую кафедру после Гедеона. Холмщина находилась далеко от своего епископа, поэтому в многих церквях не было священников, прихожане остались без богослужения. Этим воспользовались польское правительство и паны. Многие православные церкви были закрыты или силой обращены в униатские. Народ пробовал сопротивляться этому, но выступления подавлялись войсками [31: 16]. В такой обстановке стали возникать православные братства и монастыри. Но они были бедны и бесправны, подвергались преследованиям властей.

В 1620 г. с ведома константинопольского патриарха иерусалимский патриарх Феофан, возвращавшийся из Москвы после поставления там патриарха Филарета, заехал в Киев и рукоположил в сан митрополита и шесть епископов. Но польское правительство, униатские и католические епископы не признали их законными,

патриарха Феофана называли османским шпионом [31: 16–17]. Под защитой казаков митрополит остался в Киеве, а епископы – в монастырях своих епархий. Холмский епископ Паисий Черкавский жил в Яблочинском Онуфриевском монастыре недалеко от Холма [31: 17–18]. Во время войны с Польшей казаки в 1643 г. захватили Холм и сильно его опустошили. На время кафедральный собор перешел в руки православных. После Збровского договора 1650 г. холмская кафедра возвращалась в ведение митрополита Киевского и вся Руси. Униаты спрятали церковную утварь и святую икону. Митрополит Сильвестр Коссов, прибыв в Холм 31 января 1650 г., 12 февраля потребовал передать православным архиерейский дом, кафедральный собор и остальные три церкви. Икону удалось найти 20 марта 1651 г. [31: 21–23].

После поражения войск Богдана Хмельницкого под Берестечком в 1651 г. Холмская епархия по королевскому рескрипту от 29 июля «вечно оставалась в униатском правлении». Холмские икона и церкви на этот раз были отняты у православных на долгое время. Но полуторагодовое пребывание в Холме православного епископа Дионисия Балабана и его сподвижников-монахов сыграло важную роль в сохранении православия на Холмщине [31: 25].

Во время третьего раздела Польши в 1795 г. часть Холмской Руси по правому берегу Буга до литовской границы отошла к России. Остальная часть Холмщины и седлецкого Подляшья по реке Буг досталась Австрии. После наполеоновских войн по Венскому договору 1815 г. Холмский край перешел к России и вошел в Царство Польское, которое после польского восстания 1863 г. стало Привисленским краем. Эти перемены оказали влияние на церковную и политическую жизнь края [31: 37–38].

После польского восстания 1831 г. началось народно-русское движение в крае и очищение униатского обряда от латинских нововведений. Это движение встретило сильное сопротивление со стороны польских католиков и окатоличенных униатов, которые старались не допустить сближения униатов с православием [31: 38]. Борьба между этими двумя движениями осложнялась прибытием на помощь Русской народной партии священников из Галичины, которые не всегда радушно принимались сторонниками русской партии. Очищение обряда проходило с 1867 по 1875 г. Воссоединение униатов с православной церковью произошло в 1875 г. [31: 38–39, 41].

Холмский кафедральный собор был капитально обновлен на деньги правительства к 1878 г., в третью годовщину воссоединения холмских униатов. В обновленном соборе на первом богослужении присутствовало более 5 тыс. богомольцев из воссоединенных

униатов. В восстановленной Холмской православной епархии в 1879 г. возобновилось холмское Свято-Богородицкое братство. При нем в 1882 г. был создан церковно-археологический музей [31: 39, 42].

После царского указа о свободе вероисповедания от 17 апреля 1905 г. латинские епископы и ксендзы обманом и насилием «принудили многие тысячи из воссоединенных с православием изменить святой православной церкви и принять латинскую ересь» [31: 43].

Е.И. де-Витте печаталась в журналах «Русское дело», «Заря», «Русь», «Правдивое слово». Она была автором книжной серии «Действительность. Административное управление и правовой порядок» (Почаев, 1905–1915. Вып. 1–18), научно-популярных публикаций по русской истории («Чтения по истории славян», 1886; «Равноапостольный князь Владимир Святый», 1888; «Крещение Руси (Летописный рассказ)», 1911; «Княжество Московское», 1912; «Потомки великого князя Ивана Калиты», 1913 и др.), гимназических пособий по древнерусской литературе и фольклору. Часть ее произведений вышла в рамках «Библиотеки Волынского союза русского народа», в т. ч. несколько выпусков серии «Рассказы из русской истории». Также она выпустила мемуары о своей работе в гимназиях «Из воспоминаний начальницы женской гимназии» – весьма ценный источник по истории становления женских гимназий в России. Среди ее наследия, помимо исторических и педагогических, есть политологические и культурологические труды [63: 99].

Мы не ставили целью составить библиографию Е.И. де-Витте. Как понимаем, некоторые ее работы оказались утерянными. Нам удалось найти большинство книг, брошюр и научных статей ученого. Некоторые из них были переизданы при жизни автора [5–49; 61].

В конце XIX – начале XX в. женщины, работавшие в науке, как, впрочем, и педагоги, были редкостью. После семейной трагедии Е.И. де-Витте стала заниматься педагогической деятельностью, внося свой вклад в развитие женского образования в России (тема, тоже оставшаяся вне поля зрения исследователей). Публикацию исторических работ Е.И. де-Витте начала с 1886 г., когда ей было 52 года. Первые свои поездки для изучения славянских народов она совершила в 1903 г. в возрасте 69 лет. Хотя некоторые ранее высказанные ей положения в последующих работах повторялись, в большинстве случаев она их дополняла новыми сведениями.

Труды Елизаветы Ивановны де-Витте по истории, этнографии, социально-экономическому и политическому положению славян, в т. ч. и русинов, не потеряли актуальности и сегодня.

Примечания

1. На наш взгляд, в понятие «Карпатская Русь» следует включать, помимо т. н. Зарубежной Руси, находившейся в составе Австро-Венгрии (Галичина, Буковина, Угорская Русь), и часть территории Галицкой Руси, населенной русинами, находившейся в составе Российской империи. Это север Бессарабии, а также Холмщина и Подляшье [59: 288].

2. Выдержки из «Конституционного закона об общих правах граждан для королевств и областей, представленных в рейхсрате» от 12 декабря 1867 г., касающиеся свободы вероисповедания, образования и равенства и права граждан «поддерживать и культивировать свою национальность и свой язык»:

«14. Всем гарантируется полная свобода вероисповедания и совести. Пользование гражданскими и политическими правами не зависит от религиозного исповедания.

Однако религиозные верования не должны никоим образом нарушать гражданских обязанностей.

Никто не может быть принужден к исполнению какого-либо религиозного акта или к принятию участия в религиозной церемонии, если он не находится под властью лица, получившего на этот счет полномочие от закона.

15. Всякая церковь или религиозная ассоциация, признанная законом, имеет право отправлять богослужения сообща и публично; она регулирует и управляет своими внутренними делами независимо; она владеет и пользуется учреждениями, вкладами и капиталами, переданными в ее руки для целей культа, образования и благотворительности; но она подчиняется, как и всякое общество, законам государства.

16. Последователи религиозного исповедания, не признанного законом, могут отправлять богослужение в частных домах, раз это не противоречит ни законам, ни добрым нравам.

17. Наука и ее преподавание свободны.

Всякий гражданин имеет право основывать учебные или воспитательные заведения и давать в них образование, если он удовлетворяет законным требованиям.

Частное обучение подобным ограничениям не подвергается. Забота о религиозном образовании в школах возлагается на церковь или на ту религиозную общину, к которой принадлежит школа.

Государство имеет право высшего руководства и наблюдения за публичным обучением и воспитанием.

19. Все народы государства, принадлежащие к различным расам,

равны в правах: каждая раса имеет неотъемлемое право поддерживать и культивировать свою национальность и свой язык.

Государство признает за всеми языками, употребляемыми в областях монархии, равное право на употребление в школах и при осуществлении функций и различных актов государственной жизни.

В областях, население которых принадлежит к различным расам, учреждения народного просвещения должны быть организованы таким образом, чтобы каждый, не имея нужды изучать другой язык, имел возможность получить на своем языке необходимые элементы своего образования» [58: 19–20].

ЛИТЕРАТУРА

1. Акиншин А.Н. Леонид Михайлович Савелов: родственные, служебные и общественные связи в Воронежском крае // Генеалогический вестник. Вып. 59. СПб., 2019. С. 11–16.

2. Гаммас Н. Буковина и Галичина // За русское дело. 2017. № 3 (181). С. 6–7.

3. Дашкевич Н.П. Общий очерк основания и деятельности Исторического общества Нестора летописца за истекшие 25 лет его существования // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца (далее – ЧИОНЛ). Кн. 13. 1899. С. 1–16.

4. Дашкевич Н.П. Историческая записка о возникновении и деятельности Исторического общества Нестора летописца по январь 1898 г. // ЧИОНЛ. Кн. 13. 1899. С. 17–98.

5. Де-Вумте Е.И. Чтения по истории славян. Балтийские славяне. Хорваты. Сербы. Хорутане. Болгары. Велико-Моравия. Чехия. Польша. Русь. Сост. по учен. тр. славистов. Ковно: тип. Губ. правл., 1886. 258, IV с.

6. Де-Вумте Е.И. Книга для чтения в школе и дома. Вып. 1. Начальная летопись и жития препод. Антония и Феодосия Печерских с поучениями. С обозначением ударений на словах. СПб.: тип. Ф. Елеонского и К°, 1888. 147, III с.

7. Де-Вумте Е.И. Равноапостольный князь Владимир Святый. Ковно: тип. Губ. правл., 1888. 62 с.

8. Де-Вумте Е.И. Равноапостольный князь Владимир Святый. 2-е изд. СПб.: тип. Ф. Елеонского и К°, 1888. 52 с.

9. Де-Вумте Е.И. Книга для чтения в начальной школе. Год 2-й. Даль, Крылов, из народного творчества и Филарет Московский (письма к родным). С пособием для преподавателей (отдельной книжкой). Ковно: в тип. Губ. правл., 1890. 174, [2] с.

10. Де-Вумте Е.И. Книга для чтения в школе и дома. Вып. 1. Начальная летопись и жития препод. Антония и Феодосия Печерских, первоучители славянские свв. Кирилл и Мефодий и несколько древнерусских поучений. С обозначением ударений на словах. Изд. 2-е, испр. и доп. Ковно: тип. Губ. правления, 1894. 182 с.

11. *Де-Витте Е.И.* Книга для чтения в школе и дома. Вып. 2. Народное творчество: сказки и былины и Слово о полку Игореве, в оригинале и новом переводе. С примечаниями и приложениями. Ковно: в тип. Губ. правл., 1889. 192 с.

12. *Де-Витте Е.И.* Археологическая находка в с. Ласкове Владимиро-Волынского уезда в 1610 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Отдел II. 1900. Кн. 14. С. 85–101

13. *Де-Витте Е.И.* Реляция о встрече и въезде московских послов в Варшаву 8 декабря 1667 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Отдел III. 1900. Кн. 14. С. 3–6.

14. *Де-Витте Е.И.* Древний помянник Киево-Михайловского (Златоверхого) монастыря (XVI–XVII вв.) // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. 1903. Кн. 17. Отдел IV. С. 3–76.

15. *Де-Витте Е.И.* Буковина и Галичина. Лето 1903 г. Сообщение, чит. Е.И. Де-Витте в общем собрании Киевского слав. благотвор. о-ва 22 окт. 1903 г. Киев: тип. И.И. Горбунова, 1903. [2], 49 с.

16. *Де-Витте Е.И.* Путевые впечатления. Далмация, Герцеговина, Босния и Сербия. Лето 1902 г. Киев: тип. М.М. Фиха, 1903. 127 с.

17. *Де-Витте Е.И.* Путевые впечатления с историческими очерками. Буковина и Галичина. Лето 1903 г. Киев: типолитография Т.Г. Мейнандера, 1904. 254 с.

18. *Де-Витте Е.И.* Действительность. Вып. 1. Правовый порядок и административное усмотрение. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1905. 60, [1] с.

19. *Де-Витте Е.И.* Путевые впечатления и исторические очерки. Лето 1903 года. Чехия. Вып. 1. Кременец: тип. Л.Д. Шумского, 1905. [4], III, 204 с.

20. *Де-Витте Е.И.* Действительность. Вып. 3. Хорватия. «Правовый порядок», обеспеченный конституцией. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1907. 47 с.

21. *Де-Витте Е.И.* Действительность. Вып. 4. Угро-руссy. Прошлое и настоящее. Абсолютизм и конституция. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1907. 32, [1] с.

22. *Де-Витте Е.И.* Действительность. Вып. 6. Босния и Герцеговина. Берлинский договор. Культурная миссия Австрии на Балканах. Мюрцштегское соглашение. Кременец: тип. Л.Д. Шумского, 1908. [2], VII, 87 с.

23. *Де-Витте Е.И.* Действительность. Правовый порядок и административное усмотрение. Вып. 1. Мадыяры и словаки. Изд. 2-е, изм. и доп. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1906. 97, [1] с.

24. *Де-Витте Е.И.* Св. первоучители славянские Кирилл и Мефодий и культурная роль их в славянстве и России. СПб.: тип. И.В. Леонтьева, 1908. VIII, 97 с.

25. *Де-Витте Е.И.* Из воспоминаний начальницы женской гимназии. В 3 ч. 1875–1904 г. Ч. 1, 2. Тифлис и К-а. 1875–1897 г. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1908. 188 с.

26. *Де-Витте Е.И.* Как живет галичанам под конституцией. Почаев: тип. Почаево-Усп. лавры, 1908. 16 с.: ил., карт.

27. *Де-Вумте Е.И.* Комментарии к древнейшим памятникам Киево-Печерской лавры и Киево-Златоверхо-Михайловского монастыря // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. 1909. Кн. 21. Приложение. С. 1–16.

28. *Де-Вумте Е.И.* Действительность. Вып. 9. Угро-хорватские отношения с 1102 г. и хорвато-габсбургские с 1527 г. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1909. 106, [1] с.

29. *Де-Вумте Е.И.* Политическая преступность (Из книги Л. Проала, советника апелляционного суда в Париже). Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1909. 21 с.

30. *Де-Вумте Е.И.* Пангерманизм. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1909. 21 с.

31. *Де-Вумте Е.И.* Рассказы из русской истории. Вып. 5. Холмская Русь. Почаев: тип. Почаево-Усп. лавры, 1909. 47 с.: ил.

32. *Де-Вумте Е.И.* Действительность. Вып. 8. Русско-польский вопрос в Галичине. 1804 – 1909. Почаев: Типография Почаево-Успенской лавры, 1909. 88 с.

33. *Де-Вумте Е.И.* Путевые впечатления с историческими очерками. Словачина и угро-русы. Лето 1903, 1906 и 1907 годов. Почаев: Типография Почаево-Успенской лавры, 1909. 227, II с.

34. *Де-Вумте Е.И.* Действительность. Вып. 10. Северная Чехия. Борьба двух народностей. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1910. 54 с.

35. *Де-Вумте Е.И.* Действительность. Вып. 11. Онемечение. Борьба народностей. Моравия. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1911. 162, [1] с.

36. *Де-Вумте Е.И.* Путевые впечатления с историческими очерками. Лето 1907 и 1910 годов. Альпийские земли и Приморье с Триестом. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1911. 158, [2] с.

37. *Де-Вумте Е.И.* Крещение Руси (Летописный рассказ). Почаев: тип. Почаево-Усп. лавры, 1911. 26 с.

38. *Де-Вумте Е.И.* Княжество Московское. Почаев: тип. Почаево-Усп. лавры, 1912. 34 с.: ил.

39. *Де-Вумте Е.И.* Действительность. Вып. 12. Онемечение. Борьба народностей. Силезия. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1912. 115, [1] с.

40. *Де-Вумте Е.И.* Австро-Венгрия и ее славянские народы. Шамордино: тип. Казан. Амврос. жен. пустыни, 1912. 86 с.

41. *Де-Вумте Е.И.* Действительность. Вып. 15. Боевые немецкие союзы и охранные чешские союзы. Шамордино: тип. Казан. Амвросиевской женской пустыни, 1913. 152 с.

42. *Де-Вумте Е.И.* Потомки великого князя Калиты. Почаев: тип. Почаево-Усп. лавры, 1913. 88 с.

43. *Де-Вумте Е.И.* Буковина и Галичина. Шамордино: тип. Казан. Амвросиев. жен. пустыни, 1914. 90 с.

44. *Де-Вумте Е.И.* Угরоруссы. Библиотека Волынского союза русского народа. №№ 16–17. Почаев: тип. Почаево-Успенской лавры, 1914. 34 с.: ил.

45. *Де-Вумте Е.И.* Масонство в Австрии и Германии. Шамордино: тип. Казан. Амвросиев. жен. пустыни, 1914. 74 с.

46. *Де-Витте Е.И.* Культура XIX и XX веков.: Популярный очерк. Шамордино: тип. Казан. Амвросиев. жен. пустыни, 1914. 120 с.
47. *Де-Витте Е.И.* Триест, Приморье, Далмация и Тироль. Шамордино: изд. Е. де-Витте, 1915. 20 с.
48. *Де-Витте Е.И.* Происхождение и развитие украинофильства. Шамордино: изд. Е. де-Витте, 1915. 20 с.
49. *Де-Витте Е.И.* Путевые впечатления (с ист. очерками). Лето 1903 г. Буковина и Галичина. Bridgeport (Conn.): Carpatho-Russ. lit. assoc., 1977. 249, III с.
50. Заседание 31-го января 1898 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Кн. 13. 1899. С. 104–105.
51. Заседание 12-го декабря 1899 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Кн. 14. 1900. С. 32–38.
52. *Колесник М.П.* Історичне товариство Нестора-літописця: основні етапи й напрями діяльності (1872–1931 pp.) // Український історичний журнал. 1989. № 9. С. 50–56.
53. *Колесник М.П.* Історичне товариство Нестора-літописця та його вклад у розвиток історичної науки в Україні // Український історичний журнал. 1995. № 5. С. 28–37.
54. *Купчанко Г.И.* Наша Родина. Иллюстрированный сборник для простонародного чтения. Ведень: Книгопечатня Фридриха Яспера, 1897. 237 с.
55. Отчет о состоянии и деятельности общества с 27 октября 1899 по 27 октября 1900 г.) М.Н. Ясинского. Приложение к отчету за 1899–1900 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Кн. 15. 1901. С. 3–20.
56. *Савёлов Л.М.* Воспоминания / Подгот. текста, предисл., коммент., имен. указатель О.Н. Наумова. М.: Издательство «Старая Басманная», 2015. 488 с.: ил.
57. Сведения о заседаниях Общества Нестора летописца за ноябрь и декабрь 1900 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. 1901. Кн. 15. С. 21–26.
58. Собрание конституционных актов. Вып. 2. Конституции Австрии, Австро-Венгрии, Венгрии, Англии, Соединенных Штатов. Издание В.М. Саблина. М.: Типолитография Русского Товарищества печатного и издательского дела, 1905. [2], 80 с.
59. *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16
60. *Суляк С.Г.* «Свободное слово. Ежемесячный карпато-русский журнал» как важный источник по истории Подкарпатской Руси межвоенного периода // Русин. 2019. № 57. С. 195–229. DOI: 10.17223/18572685/57/12
61. *Тураева-Церетели Е.Ф., Де-Витте Е.И.* Галицкая Русь в ее прошлом и настоящем. М.: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1915. 69 с., 1 л. карт.: ил.
62. «“Украинская” болезнь русской нации» / Составитель серии М.Б. Смолен. М.: Имперская традиция, 2004. 560 с.
63. *Федотова М.А.* Де-Витте Елизавета Ивановна // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». В 5 т. Т. 2. Г–И. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 99–101.
64. *Чепелевская Т.И.* Путевые очерки Е. И. Витте начала XX в.: синтез

художественного и документального // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым / Отв. редактор Н.М. Куренная. М.: ИСЛ РАН, 2018. С. 118–138. DOI: 10.31168/0402-2.7

65. Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764–1914. Т. 3. Пр.: Гос. тип., 1915. 754, IV с. [4], ил., табл.

66. *Cugnata Cristina*. Elizaveta Ivanovna De-Vitte. Uno sguardo al femminile sulla condizione degli Slavi europei all'inizio del XX secolo. Università Ca' Foscari Venezia. Corso di Laurea Magistrale in Lingue e Letterature Europee, Americane e Postcoloniali. Tesi di Laurea. Anno Accademico 2011/2012. URL: <http://dspace.unive.it/handle/10579/2537> (дата обращения: 2.06.2020).

67. *Cugnata Cristina*. Constructing Identities. Te Travel Experience of Elizaveta De Vitte and Rebecca West: A Compared Study Between Two Committed Women-Travellers // International Journal of Euro-Mediterranean Studies. 2018. Vol. 18. № 1. P. 9–28.

REFERENCES

1. Akinshin, A.N. (2019) Leonid Mikhaylovich Savelov: rodstvennye, sluzhebnye i obshchestvennye svyazi v Voronezhskom krae [Leonid Mikhailovich Savelov: family, service and public relations in Voronezh Region]. *Genealogicheskiy vestnik*. 59. St. Petersburg. pp. 11–16.

2. Gattas, N. (2017) Bukovina i Galichina [Bukovina and Galicia]. *Za russkoe delo*. 3 (181). pp. 6–7.

3. Dashkevich, N.P. (1899) Obshchiy ocherk osnovaniya i deyatelnosti Istoricheskogo obshchestva Nestora letopistsa za istekshie 25 let ego sushchestvovaniya [A general outline of the foundation and activities of the Nestor the Chronicler Historical Society over the past 25 years]. *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 13. pp. 1–16.

4. Dashkevich, N.P. (1899) Istoricheskaya zapiska o vozniknovenii i deyatelnosti Istoricheskogo obshchestva Nestora letopistsa po yanvar' 1898 g. [Historical note on the origin and activities of the Nestor the Chronicler Historical Society until January 1898]. *Chteniya v istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 13. pp. 17–98.

5. Witte de, E.I. (1866) *Chteniya po istorii slavyan. Baltiyskie slavyane. Khorvaty. Serby. Khorutane. Bolgary. Veliko-Moraviya. Chekhiya. Pol'sha. Rus'* [Readings on the history of the Slavs. Baltic Slavs. Croats. Serbs. Carantanians. Bulgarians. Great Moravia. Czech Republic. Poland. Russia]. Kovno: Tip. Gub. pravl.

6. Witte de, E.I. (1888a) *Kniga dlya chteniya v shkole i doma* [A Book to Read at School and at Home]. St. Petersburg: Tip. F. Eleonskogo i K.

7. Witte de, E.I. (1888b) *Ravnoapostol'nyy knyaz' Vladimir svyatyy* [Prince St. Vladimir, Equal to the Apostles]. Kovno: Tip. Gubernskogo prav.

8. Witte de, E.I. (1888b) *Ravnoapostol'nyy knyaz' Vladimir svyatyy* [Prince St. Vladimir, Equal to the Apostles]. 2nd ed. St. Petersburg: Tip. F. Eleonskogo i K.

9. Witte de, E.I. (1890) *Kniga dlya chteniya v nachal'noy shkole* [A Book to Read in Elementary School]. Book 2. Kovno: Tip. Gub. pravl.

10. Witte de, E.I. (1894) *Kniga dlya chteniya v shkole i doma* [A Book to Read at School and at Home]. Issue 1. Kovno: Tip. Gub. pravleniya.
11. Witte de, E.I. (1889) *Kniga dlya chteniya v shkole i doma* [A Book to Read at School and at Home]. Issue 2. Kovno: V tip. Gub. pravl.
12. Witte de, E.I. (1900a) Arkheologicheskaya nakhodka v s. Laskove Vladimiro-Volynskogo uyezda v 1610 g. [An archaeological find in Laskovo of Volodymyr-Volynskyi County in 1610]. *Chteniya v istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 14. pp. 85–101
13. Witte de, E.I. (1900b) Relyatsiya o vstreche i v'ezde moskovskikh poslov v Varshavu 8 dekabrya 1667 g. [Relation about the meeting and entry of Moscow ambassadors to Warsaw on December 8, 1667]. *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 14. pp. 3–6.
14. Witte de, E.I. (1903) Drevniy pomyannik Kievo-Mikhaylovskogo (Zlatoverkhogo) monastyrya (XVI–XVII vv.) [The ancient commemoration of the Kiev-Mikhailovsky (Golden-domed) Monastery (the 16th – 17th centuries)]. *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 17. pp. 3–76.
15. Witte de, E.I. (1903a) *Bukovina i Galichina. Leto 1903 g. Soobshchenie, chit. E.I. De-Vitte v obshchem sobranii Kievskogo slav. blagotvor. o-va 22 okt. 1903 g.* [Bukovina and Galicia. The summer of 1903. Message from E.I. de Witte about the general meeting of Kiev Slavic Charity Society. October 22, 1903]. Kiev: Tip. I.I. Gorbunova.
16. Witte de, E.I. (1903b) *Putevye vpechatleniya. Dalmatsiya, Gertsegovina, Bosniya i Serbiya. Leto 1902 g.* [Travel impressions. Dalmatia, Herzegovina, Bosnia and Serbia. The Summer of 1902]. Kiev: Tip. M.M. Fikha.
17. Witte de, E.I. (1904) *Putevye vpechatleniya s istoricheskimi ocherkami. Bukovina i Galichina. Leto 1903 g.* [Travel impressions with historical essays. Bukovina and Galicia. The Summer of 1903]. Kiev: T.G. Meynander.
18. Witte de, E.I. (1905a) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 1. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.
19. Witte de, E.I. (1905b) *Putevye vpechatleniya i istoricheskie ocherki. Leto 1903 goda. Chekhiya* [Travel Impressions and Historical Essays. The Summer of 1903. Czech Republic]. Vol. 1. Kremenets: L.D. Shumsky.
20. Witte de, E.I. (1907a) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 3. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.
21. Witte de, E.I. (1907b) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 4. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.
22. Witte de, E.I. (1908a) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 6. Kremenets: L.D. Shumsky.
23. Witte de, E.I. (1906) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 1. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.
24. Witte de, E.I. (1908b) *Sv. pervouchiteli slavyanskie Kirill i Mefodiy i kul'turnaya rol' ikh v slavyanstve i Rossii* [St. Slavic primary teachers Cyril and Methodius and their cultural role in Slavs and Russia]. St. Petersburg: I.V. Leontiev.
25. Witte de, E.I. (1908c) *Iz vospominaniy nachal'nitsy zhenskoy gimnazii* [From the memoirs of the head of the female gymnasium]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoj lavry.

26. Witte de, E.I. (1908d) *Kak zhivetsya galichanam pod konstitutsiei* [How Galicians live under the constitution]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
27. Witte de, E.I. (1909a) Kommentarii k drevneyshim pamyatnikam Kiev-Pecherskoy lavry i Kiev-Zlatoverkho-Mikhaylovskogo monastyrya [Comments on the most ancient monuments of the Kiev-Pechersk Lavra and the Kiev-Zlatoverkho-Mikhailovsky Monastery]. *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 21. pp. 1–16.
28. Witte de, E.I. (1909b) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 9. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
29. Witte de, E.I. (1909c) *Politicheskaya prestupnost' (Iz knigi L. Proala, sovetnika apellyatsionnogo suda v Parizhe)* [Political crime (From the book of L. Proal, Counselor of the Court of Appeal in Paris)]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
30. Witte de, E.I. (1909d) *Pangermanizm* [Pan-Germanism]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
31. Witte de, E.I. (1909e) *Rasskazy iz russkoy istorii* [Stories from Russian History]. Vol. 5. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
32. Witte de, E.I. (1909f) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 8. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
33. Witte de, E.I. (1909g) *Putevye vpechatleniya s istoricheskimi ocherkami. Slovachina i ugro-russy. Leto 1903, 1906 i 1907 godov*. [Travel Impressions with Historical Essays. Slovakia and Ugro-Russ. Summer 1903, 1906 and 1907]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
34. Witte de, E.I. (1910) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 10. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
35. Witte de, E.I. (1911a) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 11. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
36. Witte de, E.I. (1911b) *Putevye vpechatleniya s istoricheskimi ocherkami. Leto 1907 i 1910 godov. Al'piyskie zemli i Primor'e s Triestom* [Travel impressions with historical essays. The summer of 1907 and 1910. Alpine lands and Primorye with Trieste]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
37. Witte de, E.I. (1911c) *Kreshchenie Rusi (Letopisnyy rasskaz)* [The Christianization of Kievan Rus' (Chronicle story)]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
38. Witte de, E.I. (1912a) *Knyazhestvo Moskovskoe* [The Duchy of Moscow]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
39. Witte de, E.I. (1912b) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 12. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
40. Witte de, E.I. (1912c) *Avstro-Vengriya i ee slavyanskije narody* [Austria-Hungary and its Slavic peoples]. Shamordino: The Convent of St. Ambrose and Our Lady of Kazan.
41. Witte de, E.I. (1913a) *Deystvitel'nost'* [Reality]. Vol. 15. Shamordino: The Convent of St. Ambrose and Our Lady of Kazan.
42. Witte de, E.I. (1913b) *Potomki velikogo knyazya Kality* [Descendants of the Grand Duke Kalita]. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.

43. Witte de, E.I. (1914a) *Bukovina i Galichina* [Bukovina and Galicia]. Shamordino: The Convent of St. Ambrose and Our Lady of Kazan.
44. Witte de, E.I. (1914b) Ugororuss. *Biblioteka Volynskogo sojuza russkogo naroda*. Nr. 16–17. Ugro-Russ. Library of the Volyn Union of the Russian People. Nr. 16–17. Pochaev: Tip. Pochaevo-Uspenskoy lavry.
45. Witte de, E.I. (1914c) *Masonstvo v Avstrii i Germanii* [Freemasonry in Austria and Germany]. Shamordino: The Convent of St. Ambrose and Our Lady of Kazan.
46. Witte de, E.I. (1914d) *Kul'tura XIX i XX vekov: Populyarnyy ocherk* [Culture of the 19th and 20th centuries: A popular essay]. Shamordino: The Convent of St. Ambrose and Our Lady of Kazan.
47. Witte de, E.I. (1915a) *Triest, Primor'e, Dalmatsiya i Tirol'* [Trieste, Primorye, Dalmatia and Tyrol]. Shamordino: E.I. de Witte.
48. Witte de, E.I. (1915b) *Proiskhozhdenie i razvitie ukrainofil'stva* [The origin and development of Ukrainophilia]. Shamordino: E.I. de Witte.
49. Witte de, E.I. (1977) *Putevye vpechatleniya (s ist. ocherkami). Leto 1903 g. Bukovina i Galichina* [Travel impressions (with source essays). The summer of 1903. Bukovina and Galicia]. Bridgeport, Conn.: Carpatho-Russian Literature Association.
50. Anon. (1899) Zasedanie 31-go yanvarya 1898 g. [The meeting on January 31, 1898]. *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 13. pp. 104–105.
51. Anon. (1900) Zasedanie 12-go dekabrya 1899 g. [The meeting on December 12, 1899]. *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 14. pp. 32–38.
52. Kolesnik, M.P. (1989) Istorichne tovaristvo Nestora–litopistsya: osnovniy etapi y napryami diyal'nosti (1872–1931 rr.). *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal*. 9. pp. 50–56.
53. Kolesnik, M. P. (1995) Istorichne tovaristvo Nestora–litopistsya ta yogo vklad u rozvitok istorichnoi nauki v Ukraïni. *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal*. 5. pp. 28–37.
54. Kupchanko, G.I. (1897) *Nasha Rodina. Illjustrirovannyj sbornik dlja prostonarodnogo chitan'ja* [Our Motherland. Illustrated collection for common reading]. Vienna: Friedrich Jasper.
55. Yasinsky, M.N. (1901) Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti obshchestva s 27 oktyabrya 1899 po 27 oktyabrya 1900 g.) M.N. Yasinskogo [M.N. Yasinsky's report on the state and activities of the Society from October 27, 1899 to October 27, 1900]. *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 15. pp. 3–14.
56. Savelov, L.M. (2015) *Vospominaniya* [Memoirs] Moscow: Staraya Basmannaya.
57. Anon. (1901) Svedeniya o zasedaniyakh Obshchestva Nestora–letopistsa za noyabr' i dekab' 1900 g. [Information on the meetings of the Society of Nestor the Chronicler for November and December 1900]. *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 15. pp. 21–26.
58. *Sobranie konstitucionnyh aktov* (1905). Vyp. 2. Konstitucii Avstrii, Avstro-Vengrii, Vengrii, Anglii, Soedinennyh Shtatov [Collection of constitutional acts

(1905). Iss. 2. Constitutions of Austria, Austria-Hungary, Hungary, England, United States]. Publisher: V.M. Sablin. Moscow: Typolithography Russian Partnership of Printing and Publishing Affairs.

59. Sulyak, S.G. (2019). On the Carpathian Rus' Terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

60. Sulyak, S.G. (2019) Journal "Free Word: Carpatho-Russian Monthly" as an important source on the history of Subcarpathian Rus in the inter-war period. *Rusin*. 57. pp. 195–229. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/57/12

61. Turaeva-Tsereteli, E.F. & Witte de, E.I. (1915) *Galitskaya Rus' v ee proshlom i nastoyashchem* [Galician Russia in its past and present]. Moscow: A.A. Levenson.

62. Smolin, M.B. (ed.) (2004) *"Ukrainskaya" bolezni' russkoy natsii* ["Ukrainian disease of the Russian nation]. Moscow: Imperskaya traditsiya.

63. Fedotova, M.A. (1995) De-Vitte Elizaveta Ivanovna [Elizaveta Ivanovna de Witte]. In: Tvorgov, O.V. et al. (eds) *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"* [The Word about Igor's Regiment Encyclopedia]. Vol. 2. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 99–101.

64. Chepelevskaya, T.I. (2018) Putevye ocherki E.I. Vitte nachala XX v.: sintez khudozhestvennogo i dokumental'nogo [Travel essays by E.I. de Witte in the early 20th century: A synthesis of the artistic and documentary]. In: Kurennaya, N.M. (ed.) *Dokument i "dokumental'noe" v slavyanskikh kul'turakh: mezhdru podlinnym i mnimym* [Document and "documentary" in Slavic cultures: Between the genuine and the imaginary]. Moscow: RAS. pp. 118–138. DOI: 10.31168/0402-2.7

65. Cherepnin, N.P. (1915) *Imperatorskoe vospitatel'noe obshchestvo blagorodnykh devits. Istoricheskiy ocherk. 1764–1914* [Imperial educational society of noble maidens. Historical background. 1764–1914]. Vol. 3. Petrograd: Gos. tip.

66. Cugnata, C. (2011/2012) *Elizaveta Ivanovna De-Vitte. Uno sguardo al femminile sulla condizione degli Slavi europei all'inizio del XX secolo*. [Online] Available from: <http://dspace.unive.it/handle/10579/2537> (Accessed: 2th June 2020).

67. Cugnata, C. (2018) Constructing Identities. Te Travel Experience of Elizaveta De Vitte and Rebecca West: A Compared Study Between Two Committed Women-Travellers. *International Journal of Euro-Mediterranean Studies*. 18(1). pp. 9–28.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94(47).084.3

UDC

DOI: 10.17223/18572685/60/6

ПОЧТОВАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ОМСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ УСЛОВИЙ ИХ СОДЕРЖАНИЯ В ПЛЕНУ*

Б.К. Дулатов

Остравский университет

Чешская Республика, 70103, г. Острава, ул. Дворжакова, 7

E-mail: berikdulatov2014@gmail.com

Авторское резюме

На основе изученных архивных материалов проанализировано содержание отчетов представителей военной комиссии по цензуре, которые в результате своей служебной деятельности подвергли систематизации и анализу определенное количество персональной корреспонденции австро-венгерских и германских военнопленных Первой мировой войны. В содержательной части писем солдат и офицеров к своим родным и близким отражены те тяготы плена, с которыми пришлось столкнуться в лагерях на территории Российской империи. Особый научный интерес представляют сведения о повседневной жизни военнопленных, их политические умонастроения, контакты с местным населением, процесс адаптации в специфической социальной среде. Автор постарался установить, как по-разному люди, попавшие в плен, относились к своему положению, к новому социальному статусу, как по-разному переживали сложившуюся ситуацию отдельные представители, указанные в отчете сотрудников военной цензурной комиссии. Письма как источник по изучению прошлого являются одной из граней источников личного происхождения, которые обладают уникальной спецификой. Так, например, при анализе архивных документов довольно часто можно наблюдать различную реакцию военнопленных

* Данная статья была написана в рамках проекта Моравско-Силезского края «Поддержка талантливых аспирантов Остравского университета», финансируемого из бюджета MSK (04544/2017/RRC).

на одно и то же историческое событие. Подобное множество мнений способствует сравнительному сопоставлению и установлению истины. В результате введения в научный оборот новых архивных документов предпринята попытка дополнить уже известные науке данные об условиях содержания военнопленных Первой мировой войны на примере пленных, рассредоточенных в Омском военном округе летом 1917 г.

Ключевые слова: военная цензура, Омский военный округ, австро-венгерские военнопленные, Тюмень, Тобольск, Акмолинск, Петропавловск.

POSTAL CORRESPONDENCE OF AUSTRO-HUNGARIAN AND GERMAN PRISONERS OF WAR OF THE OMSK MILITARY DISTRICT AS A SOURCE FOR STUDYING THE CONDITIONS OF THEIR DETENTION IN CAPTIVITY*

B.K. Dulatov

University of Ostrava

7 Dvořákova, Ostrava, 70103, Czech Republic

E-mail: berikdulatov2014@gmail.com

Abstract

Drawing on the archives, the author analyses the reports of military censorship commission members, whose official function was to systematise and analyse the personal correspondence of Austro-Hungarian and German prisoners of the First World War. The letters of soldiers and officers to their families and friends are reflective of the captivity hardships they had to face in the Russian camps. Of particular scientific interest is the information about their daily life, political stance, contacts with the locals and social adaptation. The author describes different attitudes of the prisoners of war to their conditions and new social status, focusing on a range of emotions of the individual prisoners of war reported about by the military censors. Written personal correspondence is a unique primary source for studying the past. Thus, the

* This article was written in the framework of the project of Moravian-Silesian Region "Support for Talented Graduate Students of the University of Ostrava", funded from the budget of MSK (04544/2017 / RRC).

analysis of archival documents provides the information about different reactions of prisoners of war to the same historical event. Such a variety of opinions contributes to the comparative analysis aimed at establishing the truth. New archival documents introduced by the author into the academic circulation supplement the data about the conditions of prisoners of the First World War, namely those dispersed in the Omsk military district in the summer of 1917.

Keywords: military censorship, Omsk military district, Austro-Hungarian prisoners of war, Tyumen, Tobolsk, Akmolinsk, Petropavlovsk.

В современной российской историографии существуют комплексные работы, посвященные проблеме условий содержания военнопленных чехов, словаков, венгров, австрийских немцев и других граждан Австро-Венгрии в различных лагерях на территории обширных регионов Российской империи. Однако как в научных кругах, так и у широкой общественности, нет и наверняка не может быть однозначного мнения относительно условий нахождения в плену представителей различных национальностей. Определенная часть военнопленных, возможно, стойко переносила невзгоды и тяжести плена благодаря индивидуальным особенностям характера, другие – в силу конфессиональной, культурной или языковой близости с местным населением. Эти люди, несмотря на свой новый социальный статус, старались активно включаться в общественные и политические процессы того времени, обзаводились семьями, пытались использовать свои знания, умения и навыки для пользы общества, с которым вынуждены были контактировать в результате интернирования в глубь страны. В архивных документах, в сохранившейся личной корреспонденции, в мемуарах, дневниках очевидцев тех лет встречаются сведения о том, насколько тяжелым было пребывание в русском плену, что объясняется естественными причинами нахождения в неволе и желанием как можно быстрее обрести свободу.

На наш взгляд, в исторической науке немаловажное значение приобретают такие аспекты нахождения в плену, как характеристика образа мышления военнопленных, их внутренние психологические переживания, процесс ментальной адаптации и принятие своего положения как реального явления. Надеемся, что обнаруженные в архиве отчетные документы сотрудников военной цензурной комиссии смогут дополнить картину условий содержания в плену солдат и офицеров Австро-Венгерской и Германской империй.

Вопросу чешских и словацких военнопленных, равно как и других подданных Габсбургской империи, будь то немцы, австрийцы, поляки, венгры, русины и др., в российской и зарубежной историографии

посвящено большое количество научных трудов. К первой группе можно отнести работу военного корреспондента Н.С. Каржанского, в которой автор в хронологическом порядке изучил проблему взаимоотношений чешских и словацких военнопленных с представителями царского, Временного и большевистского правительств [7]. Еще одним важным источником является труд В.С. Драгомирецкого, где уделяется внимание развитию межславянских отношений и формированию чехословацких военных подразделений [5].

В историографии советского периода высокое место занимает работа А.Х. Клеванского, в которой исследователь осветил положение чехословацких военнопленных, их занятость в плену, численность и место дислокации, политические установки отдельных группировок [8].

Следует отметить исследование М.Д. Савваитовой, где отражены вопросы рекрутизации чехов и словаков в национальные воинские подразделения [16]. Проблеме международного статуса военнопленных Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны, вопросам их обмундирования, питания, санитарного состояния посвящена научная работа С.Н. Васильевой [1].

Условия размещения австро-венгерских военнопленных на территории Западной Сибири, использование их в качестве рабочей силы на промышленных объектах региона и в сельском хозяйстве освещены в научном труде И.А. Еремина, который основывает свои результаты на материалах из государственного архива в Томске [6]. Подобные вопросы отражены и в работе А.И. Остроухова [15]. Условия содержания румынских военнопленных и их использование в качестве рабочей силы рассмотрены в статье Н. Лобко, В. Гузун, В. Власенко [34]. О повседневной истории, жизни и быте украинских военнопленных в лагерях Бессарабии, Румынии, Польши, Германии, Италии, Чехословакии рассказывает И.В. Срибняк [17–20; 31; 32]. Вопросы пребывания русинов на территории Украины и России освещают Н.В. Лобко [10], С.Г. Суляк [23; 24], Б.В. Колесников [9].

Практика взаимодействия местного населения Урала с иностранными пленными раскрыта в монографии Н.В. Суржиковой. В ней особое внимание уделяется политике центральных и местных властей в вопросе урегулирования жизни военнопленных и характерным особенностям использования их в качестве рабочей силы в указанном регионе [25].

В зарубежной историографии следует отметить серию работ В.М. Фика. В частности, в 4-м томе представлены данные о взаимосвязи чешских граждан с военными лидерами, находившимися в Сибири [29]. В исследовании Д. Вахи уделено внимание повседневной

деятельности военнопленных и легионеров, причинам вступления чехов и словаков в легион, формам досуга, особенностям взаимоотношений с местным населением [38; 39].

Особый интерес вызывают публикации И. Заблоудиловой, где она анализирует понятие «плен» в процессе изменения его значения в ходе Первой мировой войны, вскользь останавливаясь на положении чешских военнопленных в России [40]. Еще один чешский исследователь, К. Пихлик, описывает условия, при которых осуществлялось возвращение чешских и словацких военнопленных на родину [36].

Сведения о взаимодействии международного общества Красного Креста с военнопленными в России в период 1914–1918 гг. отражены в публикации Дж. Дэвиса [27]. Проблеме репатриации бывших военнопленных Австро-Венгрии и Германии уделено внимание в исследовательских работах Р. Нахтигалья, Г. Лейденгера и В. Моритца [33; 35].

Определенный научный интерес при изучении жизни и деятельности военнопленных вызывают дневники, воспоминания и мемуары участников тех событий – т. н. источники личного происхождения, которые были опубликованы через много лет после возвращения пленных домой. К примеру, работа О. Юрмана основана на воспоминаниях солдата Австро-Венгерской армии Франтишека Прудила, который после пленения побывал на территории Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока [30].

Интересен по своему содержанию опубликованный дневник бывшего легионера Йозефа Зимы, где подробно освещаются повседневная жизнь и размышления свидетеля событий Первой мировой войны [41]. Аналогичной по контексту является работа известного политика Польши Фелициана Славой-Складовского, который в годы Первой мировой войны состоял на службе в качестве медицинского доктора [37]. Следует отметить книгу Ф. Эммерта, снабженную большим количеством фотодокументов, наглядно демонстрирующих повседневную жизнь солдат Первой мировой, преимущественно чехов и словаков, впоследствии вступивших в легион [28].

Источниками для данной статьи послужили архивные материалы, необходимость использования которых вызвана активно возрастающим интересом историков-исследователей, работающих в хронологических рамках установленного периода. В работе использованы материалы фондов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) и Государственного архива в Тобольске. К примеру, доклад членов делегации международного комитета Красного Креста, посетивших в 1915–1916 гг. лагеря военнопленных как в европейской части Российской империи, так и в Поволжье, на Урале,

в Сибири и Туркестане, подтверждает наличие проблем социально-бытового характера среди военнопленных, в т.ч. жалобы на качество доставок почтовой корреспонденции.

Научный интерес вызвал отчет представителей цензурской комиссии Омского военного округа за июнь-июль 1917 г., в приложении к которому сохранились переведенные на русский язык отрывки из писем австро-венгерских и германских пленных. Письма эти были адресованы как официальным, так и частным лицам.

Методологической основой исследования является историко-описательный метод, а также такие основные принципы научно-исторического познания, как объективность и историзм, системность и конкретность изложения материала. Надеемся, что изучаемая личная корреспонденция, почтово-телеграфные сообщения, материалы военной цензуры, отчеты цензурной комиссии смогут расширить рамки ранее изученных вопросов об условиях содержания военнопленных в контексте повседневности.

Революционные потрясения в феврале 1917 г. активизировали интерес к политической и общественной жизни у австро-венгерских, германских и турецких военнопленных, которые были географически дислоцированы во внутренних губерниях России, на Урале, в Сибири и Средней Азии. Как утверждал А.Х. Клеванский, военнопленные «требовали улучшения своего материального положения, предоставления им гражданских и политических прав» [8: 60]. Представители Временного правительства продолжали вести прежнюю политику по отношению к вражеским пленным, временами даже более суровую. В частности, были усилены охранные функции, во главе стражи назначались офицеры, которые сами недавно вернулись из плена, вводилась процедура клеймения, ужесточались репрессивные меры за отказ от работ, неповиновение или побеги [8: 61].

Мировая общественность всячески старалась привлечь внимание к проблеме положения военнопленных. Определенную роль сыграли такие международные организации, как Комитет Красного Креста. Например, его представители Ф. Тормейер и доктор Ф. Феррьер-младший еще в конце 1915 – начале 1916 г. посетили лагеря военнопленных в России. По окончании своей миссии, вернувшись в Европу, они составили подробнейший доклад об увиденном в этих лагерях [26: 3–4].

Участники данной экспедиции отмечали ряд сложностей, которые тормозили отправку и доставку писем военнопленных, среди которых указываются огромные расстояния, недостаточность числа цензурных учреждений, несовершенства, связанные с регистрацией и учетом пленных на местах, их крайняя разбросанность на террито-

рии империи и частые переводы из одного лагеря в другой. Процесс цензурирования корреспонденции осложнялся из-за разнообразия языков, на которых говорили и писали военнопленные. Достаточно трудной задачей было сформировать штат цензоров, которые знали не только немецкий, английский и французский, но и польский, сербский, чешский, румынский, итальянский языки. Цензурные учреждения находились в Петрограде, Ташкенте и Омске. Очевидно, что данные центры фильтрации почтовых сообщений попросту не справлялись с тем наплывом корреспонденции, который имел место в том или ином регионе. Зачастую сами военнопленные жаловались представителям общественных организаций на недоставление и задержку при доставлении писем [26: 34–35].

В августе 1917 г. председателю Военной цензурной комиссии Омского военного округа был направлен рапорт капитана Павловского и поручика Новосельского. Согласно приказам, эти офицеры провели цензурирование корреспонденции австро-венгерских и германских военнопленных к их родственникам на родину. В целом только за июль они процензурировали 402 036 почтово-телеграфных отправок, в т. ч. 391 464 открытых и 10 582 закрытых. По сведениям цензоров, на основании официальной телеграммы Главного управления Генштаба от 12 июля 1917 г. за № 29152 они просмотрели более миллиона внутренних телеграмм за июнь-июль 1917 г. При этом в цензорском штате состояло 24 цензора и 32 переводчика [2: 7]. Таким образом, объем проведенных работ впечатлял своей грандиозностью. В процессе реализации процедуры цензурирования офицеры градируют всю документацию по ряду характеристик: личного, семейного и делового характера [2: 2]. Параллельно они выделяли направления и содержательную сторону писем по политическим и бытовым мотивам. Соответственно, цензоры актуализировали наличие писем, которые военнопленные отправляли в действующую армию своим солдатам и российским пленным, находившимся в неволе у австро-венгров и германцев. Офицерам удалось провести определенную работу по цензурированию ответных писем, отправленных австро-венгерским и германским военнопленным. На основании осуществленной выборки авторы рапорта выявили основные моменты, которые с определенной частотностью встречались в письмах.

Содержательную часть писем военнопленных как источников по изучению условий содержания и пребывания в плену условно можно разделить на следующие группы: 1) реакция на политические события, военные успехи той или иной воюющей стороны, отношение к русскому населению; 2) противоречивые свидетельства об экономическом положении военнопленных; 3) многочисленные жалобы, сведения

об эмоциональном состоянии пленных; 4) размышления отдельных лиц о желании остаться жить в России.

Прежде всего, остановим внимание на политических составляющих, выявленных в документации. Военнопленные проявляли неподдельный интерес к происходившим в России событиям. Русская революция 1917 г. заставила пленных призадуматься о ее сути и значении для будущего государства. В одном из писем приводится интересное выражение: «Русский народ, привыкший жить под кнутом, недостоин добытой свободы» [2: 12]. Данное выражение – это не попытка задеть чувства русского человека, скорее это мнение одного из многих военнопленных, который отражает личное отношение к результатам и последствиям революции для определенных социальных групп.

Военнопленных впечатляли и успехи германской армии летом 1917 г. В качестве подтверждения высказанного предположения цензоры приводили строчку из письма одного немецкого пленного: «Пожалуй, к зиме Петроград снова станет Петербургом. Во всяком случае, медведь (Россия) опасно заболел и скоро должен умереть» [2: 2].

Составители рапорта озвучивали мысль, что на проблему ведения военных действий военнопленные обращали косвенное внимание. Собственно, пленных интересовали не столько сюжетные аспекты конкретных баталлий, сколько результаты военного противостояния враждебных сторон и их дальнейшая судьба. В некоторых письмах чувствуется обида военнопленных. В частности, в качестве подтверждения коллективного мнения цензоры привели такие слова: «Нас отправили в окопы как парламентариев, а русские не осмыслили братания и поступили с нами как с военнопленными» [2: 2].

Параллельно команда цензоров провела анализ писем, которые отправлялись российским пленным, и ответные сообщения. По мнению аналитиков, почтовая переписка исследуемого хронологического периода кардинально не отличалась от подобной почты раннего периода. Обращалось внимание на следующую эмоциональную фразу русского военнопленного: «Мы можем гордиться, что мы русские. Все народы снимут перед нами шапки» [2: 5]. Таким образом, констатировался факт всеобщей гордости за действия русской армии в военный период. Следует отметить, что весной – летом 1917 г. русская армия по морально-боевым качествам существенно уступала предшествующему периоду 1915–1916 гг.

Цензоры акцентировали внимание на моральном настрое российских военнопленных, которые, по их мнению, политически ориентировались на союз с радикальными движениями: «Из плена агитируют за партию социал-революционеров, уверяя, что в их лагере все социа-

листы-революционеры. Русские военнопленные заявляли следующее: «По приезду домой сами начнем в России войну с богачами» [2: 5].

Возвращаясь к проблеме иностранных военнопленных, следует подчеркнуть, что аналитики отмечали содержательную направленность многих писем, ориентированных на поиски методов завершения войны. Цензоры апеллировали к письмам, в которых отмечался факт проведения интернациональной социалистической конференции в Стокгольме. Ожидания пленных от этой конференции выражались следующим образом: «Многие страдающие протестуют против каких-либо ограничений прав военнопленных; это рабство стало невыносимым, пора кончать кровавую бойню» [2: 2].

В одном из писем на имя австрийского министра иностранных дел Оттокара Чернина пленный офицер отмечал «только справедливым или обменять, или отправить в нейтральные штаты отцов семейств, уже пробывших в плену два года» [2: 3].

В этой же группе научный интерес вызывают письма чешских пленных, в силу близости языка и культуры дружелюбно относившихся к местному населению. Отмечались желание и энтузиазм чехов относительно вступления в добровольческий отряд. Чехи и словаки внимательно следили за событиями, происходившими на их родине. Встречались и такие письма, в эмоциональных строчках которых чешские авторы описывали свое желание сбежать в Чехию и погибнуть на ее территории за национальную свободу.

Следует отметить удовлетворительное отношение военнопленных к надзирающему составу: «...не враги, а братья, и от нас больше не требуют отдания чести». Характерно отметить факт анализа военнопленными в своих письмах поведения русских офицеров. Например, многие были довольны последними, но не завидовали их положению: «Хотя они и на свободе (офицеры), но отказались бы поменяться с ними ролями» [2: 3].

Следующая группа сведений, полученных в результате анализа писем, весьма противоречива и затрагивает экономическое положение и финансовое состояние пленных. На основании проштудированной корреспонденции офицеры-цензоры проанализировали экономическую ситуацию во враждебных России государствах. Экономическое положение неприятельских стран характеризовалось как тяжелое. В качестве подтверждения приводились строки итальянского солдата, который резюмировал ситуацию в этих странах: «Женщины и дети днем и ночью выходят на площади и, рыдая, умоляют дать хлеба для детей» [2: 3]. В рапорте отмечался факт нежелания многих военнопленных принимать посылки и денежные переводы от своих родственников и домочадцев из-за бедственного положения населения

на их этнической родине: «Считаю себя не вправе отнимать что-либо от семьи (и страны), когда все так вздорожало и остро чувствуется недостаток во всем» [2: 3].

Пленные в меру своих возможностей сохраняли заинтересованность в информированности о состоянии семей. В частности, в рапорте говорится о письме австрийского солдата, выражавшего радость по поводу отмены в Австрии хлебных карточек [2: 3].

Цензоры обратили внимание на информативное содержание писем военнопленных, которые оценивали свой социальный статус и имущественное положение в России. Так, цензоры отмечали удовлетворенность квалифицированных рабочих своей заработной платой. Они подчеркивали эмоциональный подъем рабочих вследствие их обеспечения питанием. Вот что они выделяли в письмах: «...молока, яиц, масла никогда столько не видали у себя за столом, как сейчас» [2: 3]. Находившийся в плену в Тюмени офицер Новотный так описывал свое положение: «Моего жалования мне вполне хватает. Пища по качеству и количеству соответствует мирному времени. Словом, время проходит точно как в Чехии, только не хватает обычного занятия» [2: 8]. Таким образом, возникает вопрос относительно условий содержания в плену: зависели ли они от региона и его экономического состояния или же были обусловлены льготами и послаблениями по национальному признаку?

Следует отметить, что находившиеся в плену офицеры и солдаты старались самоорганизоваться в устойчивые коллективы для разрешения повседневных проблем. Например, как это явно видно в одном из писем, в Тюмени функционировал представленный австрийскими фельдфебелями комитет, которым руководил старший врач. На комитет возлагалось заведование продовольственным хозяйством всех военнопленных Тюмени численностью 370 чел. [2: 9].

Наиболее объемными по содержанию являлись жалобы как на материальное положение, так и на эмоциональное состояние военнопленных. В качестве подтверждения цензоры приводили многочисленные выдержки из писем: «С тех пор как новое правительство дало обещание больше заботиться о нас, стало далеко хуже, можно только удивляться, что мы до сих пор не воспользовались веревкой» [2: 4]. Фактически авторы этих строк были склонны к суициду. «Мы обносились и походим на бродяг-оборванцев, а не на солдат великой армии» [2: 4]. «На работах у крестьян помещения первобытны, пища примитивна. Мы работаем с раннего утра до позднего вечера, спим мало, питаемся скудно, а заработной платы не хватает и на табак». Причем жалобы на нехватку курительного табака встречались довольно часто. Например, приводится в рапорте следующая

выдержка: «Табаку нет, курим сушеные листья картофеля» [2: 4]. Некто Фольфган Седлачек, находившийся в плену в Петропавловске (современный город на севере Казахстана), в своем письме Ганне Угейнер в Линц пишет: «Вместо табака курим сушенные картофельные листья» [2: 10]. Обер-лейтенант Шнаубельт, который находился в плену в Акмолинске (ныне г. Нур-Султан, Казахстан), в письме к Анне Шнаубельт в Австрию утверждал буквально следующее: «О, Боже, с курением прямо несчастье, я не выдержу... Теперь я курю уже более недели смесь из соломы, корешков от табачных листьев и фабричные табачные отброски, то есть отброски последнего сорта, в которых мертвые паразиты и кал от кошек и мышей, запах вполне отвечает вышеуказанному составу» [2: 10].

Помимо этого, находившиеся на сельскохозяйственных работах военнопленные отмечали крайнее устаревшее состояние орудий труда. «Да и тяжела работа земледельческими орудиями, которым давно место в музее, а не в поле», – сообщается в одном из писем [2: 4].

Итак, военнопленные высказывали возмущение своим социально-экономическим положением. Их не удовлетворяло буквально все: некачественное питание, низкая заработная плата, дефицит табачных изделий, длительность плена, нерациональный рабочий день. Обращает на себя внимание тот аспект, что психологически многие из них оказались не готовы к длительному заключению и находились в состоянии морального надлома. Следует отметить, что для преодоления подобного состояния многие военнопленные стремились вступить в брак с местными уроженками и создать семью. В определенной мере в данном социальном сюжете проявляется менталитет европейцев-католиков начала XX в., ориентированных на сохранение семейных ценностей и достижение равного с окружающими социального статуса.

Незавидным было и положение военнопленных-офицеров. Так, например, пленные офицеры в сибирском городе Таре отмечали низкое жалование и голод, которому они подвергались. Один из них сравнил свое «сибирское сидение» с ситуацией в пересыльном лагере в Перемышле: «Порцион хлеба урезан, сахара нет. Мы уже давно стали вегетарианцами, а огородничество – наше вынужденное любимое занятие» [2: 4].

Наиболее страшным для многих из них стало моральное опустошение в условиях пребывания в плену. В своих письмах военнопленные офицеры, получившие до войны образование, писали следующее: «От этой жизни здесь забываешь все, что раньше умел и знал. Тупеешь окончательно. Если вернемся домой, то бывать в обществе не в состоянии, нервы крайне расстроены, и мы стали грубы, как звери.

Я арестован как свидетель пощечины, данной нашим товарищем русскому. Тяжело три года в плену, как в клещах, и нет надежды на освобождение. Были случаи, когда, отчаявшись дожидаться мира и возврата на родину, офицеры решались на самоубийство» [2: 4–5]. Австрийский офицер Вальтер Этерф в своем письме к некой Дузи отмечает, что никто, кроме них самих, не в состоянии передать, каково это – быть в плену, их жизнь, мысли, переживания [2: 8].

Военнопленные надеялись на помощь общественных организаций, таких как Красный Крест и другие подобные учреждения. Так, например, военнопленный из Мариинска Натан Эрдели в своем письме в Бюро попечения о военнопленных в Вене к принцессе де Крой выражал благодарность от лица всех находившихся в Мариинске пленных офицеров и сообщал, что у них «нет места каким-либо жалобам» [2: 8]. Вероятно, под принцессой де Крой имелась в виду Изабелла Австрийская (Изабелла фон Круа), которая добровольно возложила на себя обязанности медсестры в годы Первой мировой войны.

Еще одно из таких обществ помощи германским и австрийским военнопленным было расквартировано в китайской провинции Тяньцзинь [2: 4]. По наблюдениям военнопленных, из-за отдаленности от мест заключения оно оказалось не в состоянии их субсидировать в достаточной мере. Поэтому ограниченная ссудная помощь доставлялась только больным. Пленные выступали с критическими замечаниями по поводу некачественной работы российской почты. В одном из писем прозвучало следующее: «Все русские страдают kleptomанией, отсюда понятно расхищение посылок» [2: 5].

Фиксировались жалобы в адрес банков, почтовых служб и других организаций, которые задерживали выплату денежных переводов. Отчаявшиеся военнопленные для обеспечения гарантии доставки своих писем домочадцам предлагали делать надпись «ценное» на количество рублей, без фактического вложения денег [2: 5].

Одним из немногих положительных моментов в жизни заключенных являлось занятие спортом. В одном из писем военнопленного из лагеря в Сретенске в офицерский лагерь в Томске к некому Лови Надору сообщалось об увлечении офицерами спортом и проводимых соревнованиях. Итоги одного из матчей подводились следующим образом: «В футболе, как и во всех других случаях спорта, победителями остались венгры» [2: 9].

Возвращаясь к проблемам военнопленных, следует отметить, что в письмах регистрируются факты издевательств над заключенными со стороны русских конвоиров. Так, в одном из писем из Петропавловска к Ивану Кшемеку в Саратовскую губернию содержится информация о наказаниях со стороны русских: «Ставили нас всех 40 человек на

10 часов с мешками по 1 пуду 28 футам на плечах. Это был песок, и ты можешь представить, как было тяжело и неудобно. Вместо ружья в руки давалась метла, и при всем этом русская отборная брань с утешением нас: "Ничего, австрийская сволочь все выдержит"». Далее в письме сообщается о плохом качестве медицинского обслуживания: «Если заболеет кто из нас, лучше и не показываться врачу, лечить не будет, а стыдить станет сколько угодно: "Не ходил бы в плен, а пришел – так терпи", – вот его рецепт», – пишет автор письма. «Да лучше было бы умереть на поле брани, чем идти к братьям русским "в плен". Не поняли они нас и не поймут никогда», – заключает отправитель [2: 9–10].

Один из авторов подобных писем, некто по фамилии Седлачек, утверждал следующее: «За деньги совершенно ничего получить нельзя». Далее он продолжал: «...кроме тропической жары, ледяных ночей и некультурного замешательства кругом, ничего не встречается» [2: 10].

Тяжесть плена, выражавшаяся в физических перегрузках и напряженном ожидании грядущего обмена, со всей очевидностью нашла эмоциональное отражение в строчках автора из Ялаторовска: «Содержание нашей здешней жизни можно выразить следующими словами: питаемся для того, чтобы спать, и спим для того, чтобы питаться. Наступает апатия и нервное состояние вследствие безработицы», – сообщается в письме [2: 10].

Физические издевательства, низкая материальная обеспеченность, отсутствие стабильной работы и постоянного заработка – все это, возможно, подстегивало пленных к побегам из-под стражи. Так, например, в фондах управления Тобольской уездно-городской советской рабоче-крестьянской милиции сохранилось определенное количество документов – т. н. списки бежавших военнопленных, где указывались их персональные данные и приметы. Начальник разведывательного отделения Омского военного округа весной и летом 1917 г. рассылал распоряжения по поимке бежавших из плена.

В одном из подобных распоряжений, датированных апрелем 1917 г., встречаются сведения о Владимире Вуйчеке, австрийском подданном, русине по национальности, который служил младшим унтер-офицером 4-го артиллерийского полка [3: 60 об.]. В характеристике указывалось, что он католик по вероисповеданию, а также описывались его приметы («среднего роста, говорит порусски») и одежда («пиджак и фуражка черного цвета, фуфайка и штаны защитные, австрийские штиблеты»). Всего в этом списке зафиксировано 37 чел., из которых в графе «национальность» указано 12 австрийцев, 11 чехов, 3 венгра, 3 поляка, 2 румына. Помимо этого,

два человека записаны как «австрийцы, уроженцы Буковины», один как немец, один как цыган, указанный выше – русин, и один человек указан без национальности [3: 60–60 об.].

Некоторые исследователи, занимающиеся историей военнопленных, отмечают ряд характерных закономерностей в деле учета и систематизации пленных по их национальному признаку. Этническая принадлежность и имена самих военнопленных обычно записывались с их собственных слов, и часто венгерские словаки или румыны называли себя или венграми, или русинами, а поляки и словенцы могли назвать себя австрийцами [9: 222; 14: 148]. Следует обратить внимание, что, когда речь идет об австро-венгерских пленных, представители лагерей, ответственные за учет, могли указать подданство вместо национальности. Таким образом, запись «австриец» в личной карточке пленного могла указывать на его гражданство, а по национальности он мог быть представителем одного из этносов, населявших эту империю, будь то австрийский немец, венгр, чех, еврей, румын, цыган, русин и т.д. Вполне вероятно, что в некоторых архивных списках русины могли быть записаны как украинцы, однако такое возможно было в документах, относящихся к периоду после Февральской революции, когда малороссов официально стали называть украинцами. Принадлежность русинов к украинскому народу в качестве субэтноса и их этническая идентичность являются предметом широких научных дискуссий. Существуют мнения об украинской идентичности, «польском проекте» и «русофильском» направлении в вопросе этнической принадлежности русинов [11: 87; 12: 128; 13: 115–117; 21: 198]. Следует отметить, что зачастую персональные данные иностранцев (имена, фамилии, место рождения) при постановке на учет могли быть либо записаны человеком, не владевшим языком военнопленного, либо переписаны с австрийских документов, где зачастую славянские имена и фамилии указаны были в искаженном виде [22: 106].

В сохранившемся списке беглецов, который датирован 21 апреля 1917 г., указано 97 чел., в основной массе зафиксированных как австрийцы – 32, еще у 26 чел. отсутствует запись о национальной принадлежности. Далее следуют венгры – 12 чел., русины – 8, чехи – 7, поляки – 3, словаки – 2, немцы – 2, по одному представителю турков, сербов и цыган. Еще два человека записаны как австрийцы, но с пометкой, что первый, некто по имени Алекса, – уроженец Восточной Галиции, а второй, Иван Лупа, – уроженец Буковины. Данный факт подтверждает мысль о том, что под «австрийцами» имеется в виду подданство, а регион, где они родились, косвенно может указывать на то, что Алекса и Лупа были русинами по национальности. В числе

русинов значатся рядовые 10-го и 24-го пехотных полков Федор Жмурко и Клемент Альбота. Также отмечены Захарий Минделевский, Михаил Лобецкий, Василий Сенчак, Дрогоник Домитро, Юра Куцина, Иоган Сивец [3: 98–100].

Еще в одном подобном списке от 28 апреля 1917 г. среди 93 беглецов фигурируют 41 австриец, 4 немца, 9 русинов, 8 венгров, 6 чехов, 5 поляков, 8 румынов, 2 словака, по одному хорвату, еврею и сербу и еще 7 чел., национальность которых не указана. Среди русинов значатся 22-летний Антон Кодлец, некий Федор 33 лет и Петр 42 лет, фамилии которых из-за плохой сохранности архивного документа не поддаются прочтению. Более полные сведения имеются о Метро Дольни (вероятнее всего, Дмитро Дольний). В частности, известно, что ему было 36 лет и он проходил службу в 35-м ландверном полку, русин по национальности, приверженец греко-католической церкви, на момент побега был одет в шапку и пиджак черного цвета, брюки желтого цвета, обут в австрийские штиблеты. В качестве примет указано, что имеет сухощовое телосложение, среднего роста и говорит по-русски. Также среди русинов значились Михаил Скобель, Ян Кова, Василий Магдалин, Николай Дорош и Винцман Буковский [3: 66–67 об.].

В списке от 6 июля 1917 г. бежавших 108 чел. указаны 41 австриец, 10 венгров, 17 чехов, 8 русинов, 4 немца, 4 словака, 4 поляка, 3 турка, 2 румына, 1 серб, 1 еврей, 1 хорват, у 12 чел. национальность не указана. В частности, из числа русинов зафиксированы младший унтер-офицер 89-го пехотного австрийского полка Петро Стрыданюк, рядовой 41-го пехотного полка Иван Загорюк, рядовой 18-го ландверского полка Дорофей Слеветюк, а также Стефан Самнин, Иван Гушнак, Василий Жидак, Василий Малиновский и Иосиф Ваадурш [3: 101–103].

В списке австрийских военнопленных, составленном в более поздний период, указано, что на территории Тобольской губернии в 1920 г. оставались представители русинов: уроженец Пшеворска Антон Шляхта [4: 155 об.], уроженец Дрогобича Илья Федоров [4: 158 об.], уроженец Самбора Михаил Малецкий [4: 158 об.], уроженец Станиславова (ныне г. Ивано-Франковск) Владимир Вишинский [4: 159 об.] и Иосиф Токач из Унгвара (ныне г. Ужгород) [4: 160 об.].

Объективно установить количественный состав по подобным спискам весьма затруднительная задача, т. к. у многих пленных, как уже было сказано выше, не имелось сведений о национальности, вероятнее всего, иногда вместо национальности составители этих списков чаще указывали подданство. Однако следует отметить частые случаи побега из плена не только среди представителей титульных наций Австро-Венгерской монархии, но и среди представителей славянских народов, населявших территорию этого государства и

являвшихся ее подданными. Мотивом для побега могло быть как тяжелое финансовое положение, так и физическое и психологическое истощение во время нахождения в плену. В письме находившегося в плену в Петропавловске военнопленного офицера Теодора, адресованном Юлии Гладких в Моравию, прослеживаются нравственное и моральное опустошение, апатия и подавленное настроение многих военнопленных: «В часы внутреннего разлада и сомнений грустные мысли встают передо мною вереницей. Уж третий год томимся мы здесь взаперти. Страдаем нравственно и физически. Зачем шальная пуля не убила меня? Или почему тот самый казак, когда я голодный и бессильный отстал от своего отряда, сразу не отделался от меня? Ведь так легко ему было это сделать, вместо того чтобы самому идти пешком в течение нескольких дней и ухаживать за мной, как за родным» [2: 10–11]. В этом письме, равно как и в ряде других, отражаются негативные умонастроения пленных.

Вероятно, большинство военнопленных испытывали подобные чувства под влиянием длительного стресса. Поэтому для скорейшего освобождения из плена представители из их среды пытались оказывать давление на властные структуры путем проведения переговоров. В подтверждение данной мысли приведем отрывок из письма офицера Оскара Немеца из Томска к министру иностранных дел Австро-Венгрии графу Оттокару Чернину, в котором автор ходатайствовал об издании распоряжения о необходимости обмена или отправки в нейтральные страны пребывавших в двухгодичном плену военнопленных – глав семейств: «Мы бродим, как живые трупы. Если Ваше превосходительство не считает это справедливым, то пошлите кого-нибудь на два года в плен, и пусть он сделает Вам доклад» [2: 11].

Французское правительство инициировало подобное распоряжение об обмене пленными. В исследованных письмах военнопленных содержится информация об условиях этого обмена. В одном из обнаруженных писем изложены предполагаемые пункты обмена:

- все солдаты старше 48 лет;
- солдаты старше 40 лет, имеющие трех и более детей;
- те, кто находятся в плену дольше 18 месяцев.

«Офицеры должны быть переведены в какое-либо нейтральное государство. Мы надеемся, что из этого все-таки что-либо получится», – делился своими мыслями автор письма, отправленного из Акмолинска в Венгрию [2: 11].

Таким образом, письма военнопленных отражают их пессимизм, моральное опустошение, разочарование в окружающем мире и страстное желание скорейшего завершения войны. Подобные настроения прослеживаются в письме гражданина О. Гаазе в Германию

к Анне Кертинг: «Здесь все хуже и хуже, пора для них закончить войну. Много свободы – много лени. Граждане целыми днями сидят на улице и заплевывают шелухой от подсолнечных семян прохожих (особый спорт), все тротуары покрыты толстым слоем – ходишь как по ковру» [2: 11–12].

Очень редко все же встречаются письма, в которых авторы заявляли о своем намерении остаться в России. Интересный пример привели цензоры о реакции австрийских солдат на известные постановления Совета молодых женщин в Вене, которые отказались выходить замуж за своих сограждан, попавших в плен. Эмоции австрийских военнопленных характеризовались следующим образом: «Мы буквально хохотали до упада. Пока мы в России – недостатка в женщинах не чувствуем» [2: 4]. Еще более явное желание высказал находившийся в плену в селении Боровом Кокчетавского уезда Вацлав Винш в своем письме к Аничке Веселой в Чехию, где он констатировал благожелательные настроения военнопленных: «...хотели бы остаться здесь навсегда. Часто мне приходит на ум, чтобы и ты приехала сюда» [2: 9].

Таким образом, проблема пребывания австро-венгерских и германских военнопленных в России сохраняет свою актуальность. Письма военнопленных содержат научные данные, необходимые для понимания их духовно-нравственного состояния и внутренних убеждений, политических умонастроений, идеологических установок в условиях плена. Обращение к письменным материалам в определенной мере позволяет смоделировать повседневную жизнь, быт и деятельность военнопленных, прочувствовать их переживания и мысли в реалиях сложившейся ситуации. Архивные письма, отчеты и рапорты представителей цензурной комиссии способствуют пониманию условий жизни солдат и офицеров в плену, информируют о таких аспектах, как состояние здоровья, бодрость или упадок духа, обеспечение питанием, продовольствием, одеждой и товарами первой необходимости.

Помимо этого, отмечаются осведомленность пленников о политической и экономической ситуации в Европе, их надежды на скорейшее освобождение и возвращение на родину. Особняком стоят аспекты, освещающие взаимоотношения с лагерной администрацией и между самими военнопленными, подтверждаются бытовые и межнациональные конфликты, имевшие место в среде данной категории лиц.

Научный интерес также вызывают вопросы, связанные с культурной составляющей пребывания в плену, организацией досуга и спортивных мероприятий.

Рассмотренная нами корреспонденция, наряду с воспоминаниями и мемуарами, является составной частью комплекса исторических источников, называемых источниками личного происхождения.

Последовательное изучение этого вида источников в перспективе должно благотворно сказаться на понимании истории повседневности изучаемого хронологического периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М.: Ред.-изд. центр МГОПУ, 1999. 133 с.
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в Тобольске» (далее ГБУТО ГА в Тобольске). Ф. И-722. Оп. 1. Д. 130. Рапорты председателя Военно-цензурной комиссии Омского военного округа о военной цензуре, об условиях содержания военнопленных. 1917 г.
3. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. Р-272. Оп. 3. Д. 2. Циркуляры начальника разведывательного отделения при Штабе Омского военного округа о розыске бежавших из-под надзора военнопленных. 1917 г.
4. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. Р-272. Оп. 3. Д. 30. Списки беженцев, военнопленных и военнообязанных. 1920 г.
5. *Драгомирецкий В.С.* Чехословаки в России. 1914–1920. Париж; Прага, 1928. 219 с.
6. *Еремин И.А.* Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310, № 1. С. 259–263.
7. *Каржанский Н.С.* Чехословаки в России: По неизданным официальным документам. М.: 1918. 95 с.
8. *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М.: Наука, 1965. 397 с.
9. *Колесников Б.В.* Положение военнопленных русинов и других славян в 1916–1917 гг. (по материалам Камышинского казенного питомника) // Русин. 2018. № 51. С. 291–232. DOI: 10.17223/18572685/51/14
10. *Лобко Н.В.* Военнопленные русины в Лебединском уезде Харьковской губернии в годы Первой мировой войны // Русин. 2019. № 55. С. 149–168. DOI: 10.17223/18572685/55/10
11. *Нам И.В., Наумова Н.И., Зиновьева В.И.* Карпаторусский совет и формирование воинских подразделений карпаторусов в Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) // Русин. 2017. № 49. С. 85–100. DOI: 10.17223/18572685/49/6
12. *Нам И.В., Наумова Н.И.* Историческая память и национально-политическая идентификация русинов. 1914–1920 гг. // Русин. 2015. № 42. С. 126–142. DOI: 10.17223/18572685/42/10
13. *Наумова Н.И.* Проблема единства славян и общественность Сибири в годы гражданской войны. 1918–1919 гг. // Русин. 2019. Т. 58. С. 113–126. DOI: 10.17223/18572685/58/8
14. *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // QUAESTIO ROSSICA. 2014. № 1. С. 142–156.

15. *Остроухов А.И.* Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 185 с.
16. *Савваитова М.Д.* Чешский вопрос в русском общественном мнении в период Первой мировой войны (1914 – октябрь 1917 года): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 20 с.
17. *Срібняк І.В.* Національно-патріотична та спортивно-оздоровча мобілізація вояцтва у таборі інтернованих військ УНР Стшалково (Польща) у 1921–1922 рр.: форми і методи // *Идеология и политика*. 2018. № 2 (10). С. 131–146.
18. *Срібняк І.В.* Повсякдення полонених старшин-українців у таборі Касціно, Італія очима ілюстраторів таборових видань (1919 – перша половина 1920 р.) // *Text and Image: Essential problems in Art history*. 2019. № 2 (8). С. 116–139. DOI: 10.17721/2519-4801.2019.2.07
19. *Срібняк І.В.* Табір полонених вояків-українців Російської армії Раштат, Німеччина у 1916–1917 рр. (Мовою фотодокументів) // *Європейські історичні студії*. 2019. № 14. С. 114–146. DOI: <http://doi.org/10.17721/2524-048X.2019.14.114-146>
20. *Срібняк І.В.* Українці в Бессарабії і Румунії, 1921–1923 рр. (Таборове та позатаборове повсякдення інтернованих вояків армії УНР) // *Русин*. 2017. № 49. С. 122–136. DOI: 10.17223/18572685/49/8
21. *Суляк С.Г.* «Свободное слово. Ежемесячный карпато-русский журнал» как важный источник по истории Подкарпатской Руси межвоенного периода // *Русин*. 2019. № 57. С. 195–229. DOI: 10.17223/18572685/57/12
22. *Суляк С.Г.* Русины Бессарабии в XIX – начале XX в.: к проблеме численности // *Русин*. 2015. № 1 (39). С. 95–115. DOI: 10.17223/18572685/39/7
23. *Суляк С.Г.* Русины в воспоминаниях участников Великой войны // *Русин*. 2016. № 2 (44). С. 73–92. DOI: 10.17223/18572685/44/6
24. *Суляк С.Г.* Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // *Русин*. 2006. № 1 (3). С. 46–65.
25. *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 426 с.
26. ЦГИА – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 427. Доклад Ф. Тормейера и доктора Ф. Феррьера-младшего (членов делегации Международного комитета Красного Креста) об их посещении лагерей военнопленных в России (октябрь 1915 г. – февраль 1916 г.).
27. *Davis Gerald H.* National Red Cross societies and prisoners of war in Russia, 1914–1918 // *Journal of Contemporary History*. 1993. Vol. 28, № 1. P. 31–52. DOI: 10.1177/002200949302800103
28. *Emmert Frantisek.* Českoslovenští legionáři za první světové války. Praha: Mladá fronta, 2014. 120 p.
29. *Fic Victor Miroslav.* Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918. IV.díl. Brno: Stilus Press, 2014. 512 p.
30. *Jurman Olin.* Legionářská odysea. Z Čech až do Vladivostoku. Praha: Brána, 2016. 176 p.
31. *Krotofil M., Sribnyak I., Sribniak M.* Activity of the UNR Military and Sanitary

Mission on prisoners of war affairs in Germany (1919) // SKHID. 2019. № 4 (162). P. 47–52. DOI: 10.21847/1728-9343.2019.4(162).177252

32. *Krotofil M., Sribnyak I.* Activity of schools and educational courses for soldiers of the Ukrainian Galician Army interned in Czechoslovakia as a form of their socialization (1919–1920) // SKHID. 2018. № 6 (158). P. 58–62. DOI: [https://doi.org/10.21847/1728-9343.2018.6\(158\).154914](https://doi.org/10.21847/1728-9343.2018.6(158).154914)

33. *Leidinger Hannes, Moritz Verena.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien: Böhlau Verlag/Wien, 2003. 754 s.

34. *Lobko N., Guzun V., Vlasenko V.* Romanian prisoners of war Lebedin county of Kharkiv province during World War I // *Analele Universității din Craiova. Istorie.* Anul XXII. 2017. № 2 (32). P. 53–66.

35. *Nachtigal R.* The Repatriation and Reception of Returning Prisoners of War, 1918–22 // *Immigrants & Minorities.* 2008. Vol. 26, is. 1–2. P. 157–184.

36. *Pichlik Karel.* K otázce navrátilců y ruského zajetí. // *Historie a vojenství.* 1962. Vol. 1. P. 92–98.

37. *Składkowski Felicjan Stawoj.* Moja służba w Brygadzie. Pamiętnik polowy. Warszawa: Bellona, 1936. 432 p.

38. *Vácha D.* Bratrstvo. Vřední a dramatické dny řeskoslovenských legií v Rusku 1914–1918. Praha: Nakladatelství EPOCHA, 2015. 336 p.

39. *Vácha D.* Ostrovy v bouři. Každodenní život řeskoslovenských legií v ruské občanské válce (1918–1920). Praha: Nakladatelství EPOCHA, 2016. 440 p.

40. *Zabloudilova J.* V ruském zajetí: Organizace zajatých řechů a Slováků v Rusku (1914–1918). Praha: EPOCHa, 2018. 264 p.

41. *Zima Josef.* Zima v Rusku. Zápisky řeského legionáře. Praha: Omnibooks, 2013. 104 p.

REFERENCES

1. *Vasilieva, S.N. (1999) Voennoplennyye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Prisoners of war in Germany, Austria-Hungary and Russia during the First World War]. Moscow: Moscow State Open Pedagogical University.

2. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GA v Tobol'ske). (1917a) *Raporty predsedatelya Voennno-tsenzurnoy komissii Omskogo voennogo okruga o voennoy tsenzure, ob usloviyakh soderzhaniya voennoplennykh* [Reports of the Chairman of the Military Censorship Commission of the Omsk Military District on military censorship, detention conditions of prisoners of war]. Fund I-722. List 1. File 130.

3. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GA v Tobol'ske). (1917b) *Tsirkulyary nachal'nika razvedyvatel'nogo otdeleniya pri Shtabe Omskogo voennogo okruga o rozyske bezhavshikh iz-pod nadzora voennoplennykh* [Circulars of the head of the intelligence department at the Headquarters of the Omsk Military District on the search for prisoners of war who have escaped from surveillance]. Fund R-272. List 3. File 2.

4. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GA v Tobol'ske). (1920) *Spiski bezhen-tsev, voennoplennykh i voennoobyazannykh. 1920 g.* [Lists of refugees, prisoners of war and persons liable for military service]. Fund R-272. List 3. File 30.

5. Dragomiretsky, V.S. (1928) *Chekhoslovaki v Rossii* [Czech and Slovaks in Russia. 1914–1920]. Paris; Prague: [s.n].

6. Eremin, I.A. (2007) *Voennoplennyye Pervoy mirovoy voyny v Zapadnoy Sibiri* [Prisoners of World War I in West Siberia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 310(1). pp. 259–263.

7. Karzhansky, N.S. (1918) *Chekhoslovaki v Rossii: Po neizdannym ofitsial'nym dokumentam* [Czech and Slovaks in Russia: According to unpublished official documents]. Moscow: Zmiy.

8. Klevansky, A.Kh. (1965) *Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodannyy korpus: Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniya v Rossii (1914–1922 gg.)* [Czechoslovak internationalists and the sold corps: Czechoslovak political organizations and military formations in Russia (1914–1922)]. Moscow: Nauka.

9. Kolesnikov, B.V. (2018) The situation of Rusin and other Slavic prisoners of war in 1916–1917 (a case study of Kamyshin State Forest Nursery). *Rusin*. 1. pp. 291–232. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/51/14

10. Lobko, N.V. (2019) Rusin prisoners of war in the Lebedin district of Kharkov province during World War I. *Rusin*. 55. pp. 149–168. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/10

11. Nam, I.V., Naumova, N.I. & Zinovyeva, V.I. (2017) The Carpatho-Russian Council and the formation of the Carpatho-Russian military units in Siberia during the Civil War (1918–1919). *Rusin*. 49. pp. 85–100. (In Russian). DOI: 10.17223 / 18572685/49/6

12. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2015) Historical memory and the national and political identification of Rusins in 1914–1920. *Rusin*. 42. pp. 126–142. (In Russian). DOI: 10.17223 / 18572685/42/10

13. Naumova, N.I. (2019) Slav unity and Siberian society during the Civil War. 1918–1919. *Rusin*. 58. pp. 113–126. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/58/8

14. Nachtigal, R. (2014) Prisoners of War in Russia during World War I. *QUAESTIO ROSSICA*. 1. pp. 142–156. (In Russian). DOI: 10.15826/qr.2014.1.028

15. Ostroukhov, A.I. (2011) *Voennoplennyye chekhi i slovaki v Rossii perioda Pervoy mirovoy voyny* [Czech and Slovakian prisoners of war in Russia during the First World War]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

16. Savvaitova, M.D. (1993) *Cheshskiy vopros v russkom obshchestvennom mnenii v period Pervoy mirovoy voyny (1914 – oktyabr' 1917 goda)* [The Czech question in Russian public opinion during the First World War (1914 – October 1917)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

17. Sribnyak, I.V. (2018) National-patriotic and sports-health mobilization of the army in the UNR internment camp in Strzalkow (Poland) in 1921–1922: forms and methods. *Ideologiya i politika – Ideology and politics*. 2(10). pp. 131–146. (In Ukrainian).

18. Sribnyak, I.V. (2019) Visualization of the Daily Life of Prisoner Ukrainian

Officers in the Camp of Cassino (Italy) Through the Eyes of Illustrators of the Camp Editions, 1919 – first half of 1920. *Text and Image: Essential Problems in Art History*. 2(8). pp. 116–139. (In Ukrainian). DOI: 10.17721/2519-4801.2019.2.07

19. Sribnyak, I.V. (2019) The Camp for Ukrainian Prisoners of War of the Russian Army in Rastatt, Germany (1916–1918) according to photo-documents. *European Historical Studies*. 14. pp. 114–146. (In Ukrainian). DOI: <http://doi.org/10.17721/2524-048X.2019.14.114-146>

20. Sribnyak, I.V. (2017) Ukrainians in Bessarabia and Romania in 1921–23 (Everyday Life of the UPA Interned Soldiers Inside and Outside the Camp). *Rusin*. 49. pp. 122–136. (In Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/49/8

21. Sulyak, S.G. (2019) Journal “Free Word: Carpatho-Russian Monthly” as an important source on the history of Subcarpathian Rus in the inter-war period. *Rusin*. 57. pp. 195–229. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/57/12

22. Sulyak, S.G. (2015) The Rusins of Bessarabia in the 19th – beginning of the 20th Centuries: The Question of Numbers. *Rusin*. 1(39). pp. 95–115. (In Russian). DOI 10.17223/18572685/39/7

23. Sulyak, S.G. (2016) Rusins in the memoirs of the participants of the Great War. *Rusin*. 2(44). pp. 73–92. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/44/6

24. Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i russkoy smuty [Rusins during WWI and the Russian Troubles]. *Rusin*. 1 (3). pp. 46–65. (In Russian).

25. Surzhikova, N.V. (2014) *Voennyi plen v rossiyskoy provintsii (1914–1922 gg.)* [Military captivity in the Russian province (1914–1922)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

26. The Central State Historical Archive of St. Petersburg (CGIA). (1915–1916) *Doklad F. Tormeyera i doktora F. Ferrera-mladshego (chlenov delegatsii Mezhdunarodnogo komiteta Krasnogo Kresta) ob ikh poseshchenii lagerey voennoplennykh v Rossii (oktyabr' 1915 g. – fevral' 1916 g.)* [Report by F. Tormeyer and Dr. F. Ferrier, Jr. (members of the delegation of the Red Cross International Committee) about their visit to the prisoner of war camps in Russia]. Fund 1629. List 1. File 427.

27. Davis, G.H. (1993) National Red Cross societies and prisoners of war in Russia, 1914–1918. *Journal of Contemporary History*. 28(1). pp. 31–52. DOI: 10.1177/002200949302800103

28. Emmert, F. (2014) *Českoslovenští legionáři za první světové války* [Czechoslovak legionaries during the First World War]. Prague: Mladá fronta.

29. Fic, V.M. (2014) *Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918* [Czechoslovak Legion in Russia and the struggle for Czechoslovakia 1914–1918]. Brno: Stilus Press.

30. Jurman, O. (2016) *Legionářská odysea. Z Čech až do Vladivostoku* [Legionary Odyssey. From Bohemia to Vladivostok]. Prague: Brána.

31. Krotofil, M., Sribnyak, I. & Sribniak, M. (2019) Activity of the UNR Military and Sanitary Mission on prisoners of war affairs in Germany (1919). *SKHID*. 4(162). pp. 47–52. DOI: 10.21847/1728-9343.2019.4(162).177252

32. Krotofil, M. & Sribnyak, I. (2018) Activity of schools and educational

courses for soldiers of the Ukrainian Galician Army interned in Czechoslovakia as a form of their socialization (1919–1920). *SKHID*. 6(158). pp. 58–62. DOI: [https://doi.org/10.21847/1728-9343.2018.6\(158\).154914](https://doi.org/10.21847/1728-9343.2018.6(158).154914)

33. Leidinger, H. & Moritz, V. (2003) *Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920* [Captivity, Revolution, Homecoming: The Importance of Prisoner of War Problems for the History of Communism in Central and Eastern Europe 1917–1920]. Vienna: Böhlau Verlag/Wien.

34. Lobko, N., Guzun, V. & Vlasenko, V. (2017) Romanian prisoners of war in Lebedin county of Kharkiv Province during World War I. *Analele Universității din Craiova. Istorie*. 2(32). pp. 53–66.

35. Nachtigal, R. (2008) The Repatriation and Reception of Returning Prisoners of War, 1918–1922. *Immigrants & Minorities*. 26(1–2). pp. 157–184. DOI: 10.1080/02619280802442662

36. Pichlik, K. (1962) K otázce navrátilců y ruského zajetí. *Historie a vojenství*. 1. pp. 92–98.

37. Składkowski, F.S. (1936) *Moja służba w Brygadzie. Pamiętnik polowy* [My service at the Brigade. Field diary]. Warsaw: Bellona.

38. Vácha, D. (2016) *Ostrovny v bouři. Každodenní život československých legií v ruské občanské válce (1918–1920)* [Islands in storm. Everyday Life of the Czechoslovak Legions in the Russian Civil War (1918–1920)]. Prague: Epoque.

39. Vácha, D. (2015) *Bratrstvo. Všední a dramatické dny československých legií v Rusku 1914–1918* [Brotherhood. Everyday and dramatic days of Czechoslovak legions in Russia 1914–1918]. Prague: Epoque.

40. Zabloudilova, J. (2018) *V ruském zajetí: Organizace zajatých Čechů a Slováků v Rusku (1914–1918)* [In Russian captivity: Organization of captured Czechs and Slovaks in Russia (1914–1918)]. Prague: Epoque.

41. Zima, J. (2013) *Zima v Rusku. Zápisky českého legionáře* [Winter in Russia. Czech Legionnaire Notes]. Prague: Omnibooks.

Дулатов Берик Кайратович – магистр истории, докторант кафедры экономической и социальной истории философского факультета Остравского университета (Чешская Республика).

Berik K. Dulatov – University of Ostrava (Czech Republic).

E-mail: berikdulatov2014@gmail.com

УДК 37(091)(477)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/60/7

РОЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ В РАЗВИТИИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ШКОЛЬНОГО ДЕЛА В ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ

О.Б. Петренко

Ровненский государственный гуманитарный университет

Украина, 33028, г. Ровно, ул. С. Бандеры, 12

E-mail: o.b.petrenko@gmail.com

Авторское резюме

В статье проанализирована роль педагогических журналов в развитии полиэтнического образования и школьного дела в Подкарпатской Руси (1919–1939 гг.). Доказано, что инициаторами издания педагогической периодики в исследуемый период в основном были школьный отдел Гражданской управы Подкарпатской Руси, Учительское товарищество Подкарпатской Руси, Педагогическое общество Подкарпатской Руси, народовецкое педагогическое общество «Учительская община». Выяснено, что образовательные ориентиры изданий в значительной мере зависели не только от государственной политики, но и от идеологии общественных организаций, финансировавших то или иное издание, от позиции главных редакторов изданий. Педагогические журналы «Учитель», «Народная школа», «Подкарпатска Русь», «Учительский голос», «Наша школа», «Веночек для подкарпатских деток», «Наш родный край», «Пчолка» актуализировали просветительно-воспитательные проблемы, выполняя при этом важную информативную функцию, пропагандируя гуманистические, нравственно-духовные, полиэтнические и демократические ценности образования. Практически каждое издание содержало рубрики, посвященные условиям и критериям поликультурного, национально-патриотического, духовного, физического воспитания. Публикации раскрывали конкретные вопросы образования и воспитания, учебно-методические принципы образования, хронику культурно-просветительного развития региона и т. п. Проведенный анализ свидетельствует, что характерной особенностью отдельных педагогических изданий Подкарпатской Руси было

их многоязычие: публикации предоставлялись в подавляющем большинстве двумя или тремя языками – русинским, чешским и венгерским, что делало их доступными широкому кругу читателей, способствовало налаживанию своеобразного диалога культур между представителями разных этносов, проживавших в регионе.

Ключевые слова: полиэтническое образование, педагогические журналы, школьное дело, Подкарпатская Русь, Закарпатье.

THE ROLE OF PEDAGOGICAL JOURNALS IN THE DEVELOPMENT OF MULTI-ETHNIC EDUCATION AND SCHOOLING IN SUBCARPATHIAN RUS

O.B. Petrenko

Rivne State University of Humanities
12 S. Bandera Street, Rivne, 33028, Ukraine
E-mail: o.b.petrenko@gmail.com

Abstract

The article analyzes the role of pedagogical journals in the development of multi-ethnic education and schooling in Subcarpathian Rus (1919–1939). It has been proved that the pedagogical periodicals during the period under study were mainly initiated by the school department of the Civil Administration of Subcarpathian Rus, the Teachers' Association of Subcarpathian Rus, the Pedagogical Society of Subcarpathian Rus, the Ukrainophile pedagogical society "Teacher Community". It has been found out that the educational guidelines of publications depended not only on the state policy, but also on the ideology of public organizations that financed a particular journal as well as on the position of the chief editors. The pedagogical journals *Uchitel*, *Narodnaya Shkola*, *Podkarpatska Rus*, *Uchitelskii Holos*, *Nasha Shkola*, *Venochek dlia podkarpatskikh detok*, *Nash rodnyy kray*, *Pcholka* raised educational problems, fulfilling this important informative function, promoting the humanistic, moral, spiritual, multi-ethnic and democratic values of education. Almost every journal contained rubrics on the conditions and criteria of multicultural, national-patriotic, spiritual, and physical education. The articles discussed specific issues of education and upbringing, educational and methodological principles of education, a chronicle of the cultural and educational development of the region, etc. The specificity of educational journals in Subcarpathian

Rus was their multilingualism: the overwhelming majority of articles were published in two or three languages – Rusinian, Czech and Hungarian, which made them accessible to a wide range of readers, facilitated the dialogue of cultures between representatives of different ethnic groups in the region.

Keywords: multi-ethnic education, pedagogical journals, schooling, Subcarpathian Rus, Transcarpathia.

В течение столетий на территории Украины живут разные народы, которые в сложном процессе взаимодействия или противостояния, в конфликтах или компромиссах создают уникальную полиэтническую палитру ее современного социокультурного пространства. В условиях поликультурного государства полиэтническое образование как никогда призвано содействовать целостности, соборности Украины. При этом важно, чтобы объединение ее разных этносов и регионов ради национального возрождения, развития и усовершенствования суверенного правового государства и гражданского общества осуществлялось именно на базе демократических ценностей [3: 2].

Проживая в полиэтнической среде, люди, естественно, сталкиваются с культурным разнообразием, предусматривающим наличие палитры мировоззренческих взглядов и ценностных убеждений, что актуализирует полиэтническое образование и вопросы изучения его развития в историко-педагогической ретроспективе. Особенно актуальна такая ретроспектива, по нашему убеждению, для многонационального Закарпатья как полиэтнического региона, который последние сто пятьдесят лет находился в составе разных государств, сохранив при этом свое этническое разнообразие. Согласно информации Департамента образования и науки Закарпатской ОДА, в 2018 г. из 668 школ региона 118 обеспечивают права нацменьшинств (17,7 %). Для них открыты воскресные школы с ромским, еврейским, польским и русинским языками обучения [15].

В контексте проблемы нашего исследования особенно важным считаем тот факт, что в Закарпатье сегодня зарегистрировано 827 общественных организаций, деятельность 81 связана с национальными меньшинствами. Эти организации выпускают 353 печатных и онлайн издания. Причем среди них одновременно на украинском и русском языках выходит 53 издания, на украинском и венгерском – 16, на украинском и ромском языках – 3 издания [15].

Естественно, эти цифры не отображают полную картину состояния полиэтнического образования в регионе, но вполне могут дать общее представление о реальном присутствии меньшинств в социокультурном пространстве области, акцентировать внимание на особенностях

меньшинств и необходимости в современных условиях поликультурности осуществлять процесс подготовки индивида к политической, экономической и социальной реальности, в которой используются языковые и культурные ресурсы, формируется межкультурное взаимопонимание, т. е. осуществляется полиэтническое образование.

Особенно ценным в контексте заявленной проблемы считаем ретроспективный анализ чехословацкого периода в истории Закарпатья (1919–1939 гг.). Включение региона, согласно Сен-Жерменскому мирному соглашению, в состав Чехословацкой Республики под официальным названием «Подкарпатская Русь» в сентябре 1919 г. создало качественно новые условия для развития образования и культуры всех национальностей, населявших Закарпатье: чехов, словаков, русинов-украинцев, немцев, венгров, румын, поляков, евреев и др. [20]. Чехословацкое правительство в Подкарпатскую Русь больше вкладывало средств, чем изымало: только с 1919 по 1933 г. государственные инвестиции на развитие Закарпатья составляли около 1,6 млрд крон, что содействовало значительному оживлению экономической и социально-культурной жизни в крае [28: 115].

Чехословацкий период в истории образования Закарпатья характеризуют масштабные реформы, усовершенствование подготовки педагогических кадров, разработка методик преподавания в начальной школе и т. п. Правительство Чехословацкой Республики, учитывая, что среди восточнославянского населения Подкарпатской Руси наличествовали различные варианты национальной идентичности, действовало довольно мягко: осуществляло определенные новации и проводило большую работу с целью повышения образовательного уровня населения региона, демонстрировало в целом благосклонное отношение к общественному движению, что обусловило издание более сотни периодических изданий в регионе.

По утверждению современных исследователей (В. Габор, С. Лобода, С. Суляк), именно в тот период региональная печать выросла не только количественно, но и качественно [8; 14; 23]. Если за время австро-венгерского господства в Закарпатье насчитывалось всего 17 периодических изданий, в т. ч. 4 – на венгерском языке, то в 1923 г. их было уже 35, а в 1938 г. – 126 печатных изданий на разных языках, в т. ч. на украинском, русском и русинском [8: 2]. По состоянию на 1928 г. «имеем у нас часописей (шоденных, тыждневых и месячных): 22 мадярские, 10 руських, т. е. русинских, 10 русских, т. е. великорусских, 5 еврейских, 4 чешских, 2 украинские, 2 чешско-руськие, 1 чешско-руськая, 1 русско-мадярская, 1 русько-мадярская, 1 мадярьско-руско-чешская. Всех вместе 59. Это все точно позбирано, не надо сомневаться», – писал журнал «Подкарпатская Русь» [19]. Например, только в 1938–1939 гг.

в Подкарпатской Руси издавалось 75 газет (4 ежедневных, 27 еженедельных), 42 журнала, календари и альманахи национально-политического направления. По количеству периодических печатных изданий Закарпатье опережало Чехию и Словакию [10].

В развитии полиэтнического образования и школьного дела в тот период большую роль сыграли педагогические издания, количество которых в Подкарпатской Руси было довольно значительным [13]. Поскольку полиэтническое Закарпатье характеризовалось билингвизмом населения, обусловленным географическим положением края и его пребыванием в составе разных государств, характерной особенностью большинства педагогических изданий Подкарпатской Руси было их многоязычие: публикации предоставлялись в подавляющем большинстве на двух или трех языках – русинском, чешском и венгерском, что делало материалы доступными широкому кругу читателей, в т. ч. и учителей.

Периодические педагогические издания, распространявшие приказы и распоряжения Министерства образования и краевого правительства среди педагогических работников, сыграли особую роль в формировании национального идеала, культурных стереотипов, полиэтнического образования края, ключевым понятием которого является культура как общечеловеческое явление, как способ помощи личности в преодолении пути от усвоения этнической, национальной культуры к осознанию общности интересов народов в их стремлении к прогрессу через культурное развитие [4].

Одним из наиболее популярных в тот период был журнал **«Учитель»** (1920–1936) – печатный официальный орган школьного отдела Гражданской управы Подкарпатской Руси, адресованный сугубо профессиональной учительской аудитории. Его основная задача заключалась в объединении прогрессивной интеллигенции края в деле развития новой школы: «Най учительство будет сознательно своей задаче под ту важную переломную волну и помнит, что в школе наша будущность. Най наш орган сплотит все силы, что хотят искренне работать для своего шкільництва и будет символом всех устремлений молодой генерации в молодой Подкарпатской Руси» [16: 2]. Редактором журнала в первые годы были И. Панкевич, С. Бочек, позже – Й. Пешина и Ю. Ревай. Журнал издавался на руськом (русинском), чешском и мадярском языках. Во вступительной статье к первому номеру педагогического журнала «Учитель» известный педагог, директор учительской семинарии А. Волошин писал: «Вѣрую, что и народъ в короткой часъ просвѣтитъся къ поэтому чтобы упознавъ большую важность своѣ школы, и не будет такъ холодно относиться къ школѣ, как к теперѣ!» [7: 4].

В 1921 г. вице-губернатор Подкарпатской Руси Йозеф Пешек издал и разослал во все школы приказ, которым в обязанности каждого учителя включалось чтение журнала «Учитель» [29].

На его страницах активно освещались проблемы развития образования на территории Подкарпатской Руси, возрождения духовных ценностей народа, воспитания молодого поколения в любви к родному краю, развития гражданского общества, в частности функционирования общественных педагогических обществ. Важной особенностью издания была его отстраненность от языковых дискуссий: языковые вопросы на страницах издания рассматривались только в контексте методики преподавания, а не в политической плоскости.

Основными рубриками журнала были следующие: «Статьи юбилейные и памятные» (посвящались выдающимся событиям в жизни края, памяти известных общественных и культурно-образовательных деятелей); «Вихованє и научованє» (рассматривались вопросы содержания начального образования вообще и отдельных учебных предметов); «Из чужого школьництва» (изучение опыта зарубежной педагогики, организация школьного дела в Польше, Австрии, Румынии, внедрение педагогических идей М. Монтессори, С. Русовой, Г. Кершенштайнера и др.); «Педагогическое движение» (статистические сведения об организации педагогических кружков, проведение учительских конференций, съездов, участие учителей в народно-просветительской деятельности и т. п.); «Литература и рецензии» (публикация художественных произведений, эссе, фрагментов учебников, рецензий и т. п.) [7; 12; 16; 18].

На страницах журнала печатали свои труды выдающиеся деятели края, в т. ч. руководители учительских организаций, педагоги, работники и служащие образовательных учреждений. Среди активных корреспондентов были основатели и члены Педагогического общества Подкарпатской Руси Ф. Агий, А. Алиськевич, Ю. Боршош-Кумьятский, А. Волошин, А. Маркуш, И. Панкевич, П. Яцко [1; 7; 18]. В рубрике «Вихованє и научованє» освещались вопросы дидактики, психологии, методики преподавания предметов, например публикации известного педагога, журналиста, этнографа Александра Маркуша – составителя учебников для учеников начальных классов «Родное слово» (1923), «Зорница» (1924), «Новой Европой» (1925), «По родному краю» (1926) [13].

Важную роль сыграл журнал «Учитель» в подготовке будущего образовательного форума Подкарпатской Руси, опубликовав призыв «ко всѣхъ учительвъ присылать свои рефераты на темы поданѣ въ програмѣ» [12: 15]. Накануне конгресса в редакционной статье журнала «Учитель» Иван Панкевич писал, что это событие еще раз показало понимание учительством Подкарпатской Руси задач,

решения которых требует от них новое время. А чтобы основания новой страны были крепкими, «должны быть сильнѣ въ будовѣ своеѣ власноѣ школы съ котороѣ мае выйти новый народъ, новая любящая своѣй народъ интеллигенцѣя: священство, урядники, лыкарѣ» [18: 7]. В итоге на страницах журнала были изложены десять заповедей учителю, провозглашенные на I съезде Педагогического общества Подкарпатской Руси (1925 г.) [13: 46].

За годы существования журнала «Учитель» публикации в нем были направлены на создание программы демократизации школы, предусматривавшей формирование атмосферы доверия, гуманных отношений между воспитанниками и педагогами, гармонично развитой личности ученика, обобщение опыта просветительно-воспитательной деятельности в условиях полиэтнического региона.

В тот же период Учительским товариществом Подкарпатской Руси издавался журнал **«Народная школа»** (1920–1939, с 1939 по 1944 – «Народна школа») [2: 169]. В редколлегии журнала в разные годы работали В. Анталовский, М. Василенко, А. Кутлан, В. Шпеник, В. Юричков и др. [2].

Интересны и весьма красноречивы, на наш взгляд, обнаруженные Г. Шикиткой документы из архивного фонда 1039 – «Учительское товарищество Подкарпатской Руси» Государственного архива Закарпатской области, в частности письма в редакцию издания, просьбы редакции к правительству о выделении субсидий на издание журнала и позитивное решение по этому вопросу [26]. Анализ архивных документов свидетельствует, что одним из эффективных источников финансирования «Народной школы» были членские взносы, позволявшие организации покрывать расходы, связанные с изданием журнала. Для сбора средств избирался «центральный казначей», каждый год принимавший взносы и отчеты от районных отделений товарищества. В первичных ячейках этим вопросом занимались «сборщики», тщательно записывавшие в «приемную книгу» выполнение каждым действительным членом товарищества своих уставных обязанностей [17].

Необходимо заметить, что журнал «Народная школа», стоявший на русофильских позициях, в начале 20-х гг. включился в борьбу с формированием украинской интеллигенции, распространением украинской национально-патриотической идеологии среди населения Подкарпатской Руси. Об этом в журнале «Учитель» в статье «Из живота учительскоѣ организаціѣ» писал С. Бочек, отмечая, что редактор «Народной школы» Василий Юричков занимает одностороннюю позицию, не прислушивается к установкам учительства края, а бездумно и хаотически подвергает критике язык «Панкевича и Бирчака»,

которым говорят «400 тысяч русинов под Карпатами, а почти тем самым языком 40 миллионов русинов за Карпатами» [22: 137–138].

Позже, в середине 30-х гг., редколлегия журнала, учитывая «сложное время национально-культурной и языковой конфликтности» украинофилов и русофилов, просила корреспондентов журнала приобщиться к последовательной и коллективной работе «без любых личных обид и нападений на коллег» с противоположными идеологическими позициями [21: 2–3].

Несмотря на участие в языковой дискуссии, на своеобразное видение национального самоопределения закарпатцев, журнал «Народная школа» систематически рассматривал вопросы развития образования и воспитания в Закарпатье, учебно-методические принципы образования, в каждом номере широко освещал хронику культурно-просветительного развития региона. На страницах журнала печатались образовательные документы, объявления, обзоры зарубежной педагогической мысли, статьи научного и методического характера. Среди них И. Лизак «Устранение национальной неграмотности», А. Дехтерев «Детские игры», Г. Козьма «Обращение к учителям», М. Вейсь «Задачи образцового учителя», Ю. Марина «Работа трех лет» и др. [26].

Главной особенностью «Народной школы» была смена официальных языков издания: в 1920–1935 гг. он издавался на русском языке; в 1935–1939 гг. – на венгерском; в 1939–1944 гг. – опять на русском, при этом в 1941–1942 гг. (при редакторе Андрее Кутлане) журнал был двуязычным, предлагал синхронный перевод текстов на венгерский и русинский языки, что, считаем, способствовало развитию поликультурности в регионе.

В развитии полиэтнического образования и школьного дела важное место принадлежало Педагогическому обществу Подкарпатской Руси, которое издавало журнал «**Подкарпатска Русь**» (1923–1936), посвященный познанию родного края, организации педагогического процесса в начальной школе [2]. Журнал был основан в 1923 г. в Праге и выходил ежеквартально в частном издательстве два года. Первым редактором был И. Панкевич, под его руководством в Праге вышло пять номеров журнала [11: 111].

В январе 1925 г., когда был утвержден устав Педагогического общества Подкарпатской Руси, оно сделалось официальным издателем журнала. Главным редактором стал П. Яцко, а ответственным редактором – А. Штефан, будущий министр образования и глава сейма Карпатской Украины [11]. 23 января 1925 г. председатель общества А. Волошин в передовой статье «Наша задача» отмечал, что журнал «Подкарпатска Русь» и до этого времени имел замечательные задачи:

знакомить читателей с жемчужинами «русского края», рассказывать о быте народа, формируя основы самосознания и народного сознания. Но теперь он будет заниматься «вопросами зреформованья школы, и в той роботѣ будемся руководити интересами народа и поглядами модерноѣ педагогикѣ, котра от несвѣдомоѣ, примусовоѣ роботы школы веде к символоньѣ, обдуманьѣ, свѣдомой роботѣ» [5: 2]. А. Волошин убеждал: для того чтобы учить и воспитывать ребенка, нужно хорошо его знать, и констатировал, что до этого времени никто не занимался «русским ребенком» как предметом исследования его природных способностей. Также в статье педагог отмечал: чтобы будущее принесло воскресение народа на всех нивах народной жизни, «надо по́днести дѣло выхованя, зреформувати школу... узнать наш народ, его потребности, родной край, его природнѣ скарбы» [5: 1].

Таким образом, обучение и воспитание подрастающего поколения в народном духе стало приоритетной задачей журнала. Для решения поставленной задачи объединились лучшие педагоги края, творческая интеллигенция, государственные служащие патриотической ориентации. Их имена представлены уже на страницах первого номера педагогического журнала, где указано, что для его подготовки Педагогическое общество пригласило наилучших работников «на поли науковѣм як и на поли нашего школьництва» [27: 1].

Для привлечения широкого круга активных граждан к деятельности в организации членам Педагогического общества делали существенные скидки на собственные издания учебников, пособий, периодики: например, стоимость годовой подписки журнала «Подкарпатска Русь» на 1925 г. для них составляла всего лишь 10 крон [6: 16]. Практически в каждом номере журнала помещались статьи, объявления с призывами становиться членами Педагогического общества. Такая систематическая работа по вовлечению педагогов, родителей, активных граждан в деятельность организации и распространение журнала, по мнению редакции, содействовала общему просвещению и широкому формированию моральных устоев в обществе. Журнал «Подкарпатска Русь» способствовал не только воспитанию подрастающего поколения, но и полиэтническому образованию широких масс населения, содействовал значительному росту авторитета школы и учителя, развитию школьного дела, подъему народной культуры «русского народа».

Экономический кризис в Европе в 30-х гг. XX в. отразился и на деятельности Педагогического общества Подкарпатской Руси, которое, не получая государственной поддержки, на свои мизерные финансы смогло на протяжении 1933–1936 гг. выпустить всего три номера журнала «Подкарпатска Русь»; в 1937 г. он уже не издавался. Но в годы своего существования украинофильский по содержанию журнал

«Подкарпатска Русь» значительно влиял на воспитание молодого поколения в любви к родному краю, на решение проблем в отрасли полиэтнического образования и построения демократического поликультурного государства.

Значительная роль в развитии полиэтнического образования и школьного дела в Подкарпатской Руси принадлежала также народовецкому педагогическому обществу «Учительская община» (1929 г.) и его печатным органам «Учительский голос» и «Наша школа». Членами общества (и, соответственно, читателями его печатных изданий) было около 2 тыс. представителей новой учительской генерации [11].

Первый номер **«Учительского голоса»** (1930–1939) был издан в Мукачеве в апреле 1930 г. В программной статье главный редактор А. Полянский отмечал, что издание будет воспитывать национальное сознание и любовь к родному языку [24: 1]. В 1937 г. главным редактором стал известный педагог и писатель Андрей Ворон, активно поддерживавший украинофильские идеи. «Учительский голос» одним из первых в Закарпатье перешел на украинский литературный язык с фонетическим правописанием, что содействовало формированию вокруг общества национально сознательной интеллигенции, а материалы, которые печатались в журнале, были вместе «с произведениями лучших закарпатских писателей образцом и учебником языка для украинского учительства» [11: 99].

Специфическая роль в развитии полиэтнического образования на Закарпатье принадлежала изданию **«Наша школа»** (1935–1938), главным редактором которого был Иван Васко. Народовецкое педагогическое общество «Учительская община» организовывало подписку для школ края [2]. Тематика представленных в журнале материалов носила образовательный характер, а его особенностью была бескомпромиссность в языковых и национальных вопросах. Журнал «Наша школа» отстаивал право народа на родной язык, содействовал утверждению украинского языка в регионе. Именно на страницах «Нашей школы» наиболее остро освещался вопрос о целесообразности перехода школьного образования на фонетическое правописание, поднятый в статьях Ф. Агия и А. Макаренко.

Издания Народовецкого педагогического общества «Учительский голос» и «Наша школа» сыграли важную роль в формировании национального сознания, утверждении литературного украинского языка в поликультурном Закарпатье.

В контексте изучения роли педагогической прессы в развитии полиэтнического образования и школьного дела в Подкарпатской Руси требуют анализа также и издания для детей и молодежи, которые, благодаря высокому профессионализму и толерантности издателей,

внедряли в практику передовые педагогические технологии. Именно эти издания стали своеобразным методическим подспорьем учителям, поскольку проблема обеспеченности учебниками и книгами на родном языке решалась медленно, а периодические издания были популярными и доступными практически каждому учителю и ученикам региона.

Иллюстрированная газета **«Веночек для подкарпатских деток»** (1920–1938, с перерывом в 1922–1924 гг.) была первым изданием для детей младшего школьного возраста Закарпатья на родном языке. Ее редакторы – И. Панкевич, позже Я. Розвода и А. Маркуш. Цель газеты состояла в том, чтобы «разбудить интерес детей к обучению и пробудить славянские чувства» [13]. Кроме художественных произведений, здесь печаталось много познавательных материалов об известных деятелях литературы. Интересной была рубрика, в которой печатались игры, например игра «Развивать веночек» [9]. Газета – ценный источник изучения быта закарпатского ребенка, поскольку содержит множество полевых материалов: эти материалы по призыву редакции присылали сами читатели. Сначала она выпускалась обществом «Просвита» в Ужгороде и выходила дважды в неделю, позже «Веночек» издавался в Тячеве; после перерыва А. Маркуш возобновил выпуск газеты как приложение к журналу «Наш родный край». С февраля 1927 г. «Веночек» стал своеобразным журналом в журнале.

В свою очередь издание для молодежи Подкарпатской Руси **«Наш родный край»** (1922–1939), редактором которого стал А. Маркуш, а ответственным издателем Е. Егорецкий, основывалось на началах краеведения и этнопедагогике. Концепция была сформулирована так: «Учить школьников чествовать свое родное, совместно работать для добра народа и для добра государства [25: 74]. Публикации в журнале обеспечивали «непосредственную национализацию педагогических средств воспитания», формирование своеобразной программы морально-этического воспитания – любви к Родине, уважения к человеку, трудолюбия, умеренности и т. п. Внедряя передовые образовательные идеи в практику образования и воспитания подрастающего поколения, авторы журнала широко использовали жанры фольклора – пословицы, поверья, песни, сказки, заговоры, реализуя принципы народной педагогики [11: 24–25].

Редактор А. Маркуш, издававший журнал за собственные деньги, отмечал, что он «не имеет целей зарбковых, но лишь самая виховуюча цель и успех лежит издавателям на мысли...» [25: 75]. Цена журнала была очень низкой; главная идея заключалась в том, чтобы как можно больше читателей могли узнать о Подкарпатской Руси, ее природе, истории, поэзии и т. д. Полиэтничность Подкарпатской Руси

ставила перед издателями еще одну непростую задачу: формирование культуры межнациональных отношений. Читатель имел возможность познакомиться с особенностями языка, быта, обычаев, традиций тех народов, которые его непосредственно окружали: русинов, украинцев, русских, чехов, словаков, немцев, венгров, евреев, волохов, цыган и др.

О популярности журнала можно судить и по его тиражу: после шести лет деятельности «Наш родный край» имел около 2 тыс. подписчиков из шести школьных округов и планировал вскоре удвоить эту цифру.

Иллюстрированный ежемесячник для молодежи, семей и народа «Пчѳлка» (1922–1932) (шеф-редактор А. Волошин, администратор П. Кукуруза) начал выходить в 1922/1923 учебном году под эгидой «Просвиты». Первый год ежемесячник издавался как приложение к журналу «Подкарпатське пчолярство». Тематика помещенных статей, сообщений, художественных текстов сначала носила сугубо природоведческий характер, публикации были посвящены ремеслу пчеловодства, воспитывали любовь ко всему живому. Природоведческий характер издания раскрыт в концепции, напечатанной в первом номере 1924 г. на титульной странице журнала: «1. Статьи и заметки по науке природоведения. 2. Интересные явления природы, изобретения, открытия, приключения. 3. Загадки, ребусы, шарады. 4. Советы учителям и родственникам» [25: 71].

Со временем профиль журнала «Пчѳлка» был переориентирован с природоведческого на общепедагогический: в издании активно публиковались материалы по истории, культуре и природе Закарпатья. Главными его целями стали утверждение в душах детей гражданской позиции, воспитание их патриотами, пропаганда общечеловеческих полиэтнических ценностей. В конце 1920-х гг. основные задачи журнала были сформулированы так: «Служить нашему народу и молодежи путеводной звездой на тернистом пути к повышению культурного уровня, привить в душе каждого красивые человеколюбивые чувства и научить превыше всего любить свой народ и свой родной край!» [25: 71]. В журнале значительно возросло количество авторов, среди которых – опытные учителя-практики, писатели, ученые: А. Маркуш, А. Ворон, Б. Заклинский, В. Гренджа-Донской, Л. Демьян, Г. Подгорянка, С. Русова, С. Черкасенко, М. Творидло, Й. Бокшай и др. Страницы издания предлагали разноплановые дидактические материалы, художественные произведения Т. Шевченко, Г. Шашкевича, И. Франко, С. Руданского, Б. Лепкого и др. В 1930-е гг. журнал приобрел особенную популярность. В 1932 г. задача редакции, с учетом педагогического и просветительского характера издания, была определена таким образом: «...превратить "Пчѳлку" в наилучший журнал для молодого

поколения, который бы отвечал требованиям современной научно-педагогической мысли» [25: 71]. Тематические страницы журнала были подчинены реализации основных направлений воспитания: национально-патриотического, морального, эстетического, экологического, физического, трудового.

Особого внимания в контексте проблемы нашего исследования заслуживает рубрика «Педагогічні бесіди з родичами і учителями», в которой помещались материалы методического характера, ставшие хорошим подспорьем и родителям, и учителям в деле поликультурного воспитания детей.

Деятельность издателей журнала была высоко оценена как педагогами, так и общественностью. В 1928 г. Школьное надзирательство в Мукачево отмечало: «Учительский состав проштудировал и признал "Пчолку" за наилучшую новинку для школьной молодежи. Сіє свідчить о значении єї в воспитании любви к читаня, к познанию истории, литературы» [25: 73].

О популярности издания можно судить по его тиражам: в 1925 г., после трех лет издания, журнал «Пчолка» выписывали 1 500 чел., в 1927 г. – 2 500, в 1931 г. тираж составлял 5 тыс. экземпляров. Общий тираж журнала составил 300 тыс. экземпляров [25: 75].

Проанализированные издания для детей и молодежи не только мотивировали учащихся к собиранию и исследованию краеведческого материала, фольклора, к созданию собственных литературных произведений, но и содействовали развитию полиэтнического образования и школьного дела в Подкарпатской Руси и формированию этно- и поликультурности подрастающего поколения. Исходя из того, что содержание воспитания молодежи предполагало освоение учащимися общекультурных и общественных ценностей, формирование социально значимых качеств личности, логичным считаем тот факт, что в содержании региональной периодики особое внимание уделялось вопросам поликультурности, ценностного отношения личности к среде, в которой она живет и развивается.

Проведенный анализ дает возможность утверждать, что Закарпатский регион в чехословацкий период, по сравнению с украинскими землями, которые находились под Республикой Польша и королевской Румынией, был в сравнительно лучшем политическом и социально-культурном положении, поскольку правительство Чехословацкой Республики, учитывая различные варианты национальной идентичности в полиэтническом регионе, осуществляло определенные новации и проводило большую работу для повышения образовательного уровня населения Подкарпатской Руси, что обусловило появление более сотни периодических изданий.

Инициаторами выпуска педагогической периодики в основном были педагогические общества: школьный отдел Гражданской управы Подкарпатской Руси, Учительское товарищество Подкарпатской Руси, Педагогическое общество Подкарпатской Руси, народовецкое педагогическое общество «Учительская община». Образовательные ориентиры в значительной мере зависели не только от государственной политики, но и от идеологии общественных организаций, их финансировавших, а также от общественных и педагогических деятелей, стоявших во главе изданий.

Поскольку полиэтническая закарпатская среда характеризовалась билингвизмом населения, характерной особенностью большинства педагогических изданий Подкарпатской Руси было их многоязычие: публикации предоставлялись в подавляющем большинстве на двух или трех языках, что делало их доступными широкому кругу читателей, в т. ч. и учителям, и способствовало налаживанию свое-образного диалога культур.

Педагогические журналы, проанализированные нами, – «Учитель», «Народная школа», «Подкарпатска Русь», «Учительский голос», «Наша школа», «Веночек для подкарпатских деток», «Наш родный край», «Пчёлка» – актуализировали просветительно-воспитательные проблемы, выполняя при этом важную информативную функцию, пропагандируя гуманистические, нравственно-духовные, полиэтнические и демократические ценности. Практически каждое издание содержало рубрики, посвященные условиям и критериям поликультурного, национально-патриотического, духовного, физического воспитания. Публикации раскрывали конкретные вопросы образования и воспитания, учебно-методические принципы образования, хронику культурно-просветительного развития региона и т. п.

При этом анализ значительного количества педагогической прессы, издававшейся одновременно на трех или двух языках, дает возможность утверждать, что политика чешской власти в целом была довольно лояльной и не подавляла национальных прав жителей Закарпатья, создавая условия для диалога культур. Подкарпатская Русь, получившая автономию в рамках Чехословацкой Республики, стала площадкой для воплощения национальных устремлений представителей разных этносов и культур, проживавших в регионе.

Педагогические издания указанного периода – своеобразный индикатор уровня развития науки и образования. Анализ их содержания свидетельствует о том, что в первой трети XX в. на территории Подкарпатской Руси были созданы удовлетворительные условия для развития полиэтнического образования и школьного дела, для образовательного и поликультурного развития местного населения.

Поэтому, учитывая специфику полиэтнического Закарпатского региона, одной из важных задач современной историко-педагогической науки считаем изучение и творческое использование положительного опыта предыдущих периодов в плане укрепления исторически-традиционной атмосферы межэтнического согласия, толерантности и высокого уровня взаимопонимания между представителями разных национальных групп, сохранения национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агій Ф.* Потреба нової школи // *Учитель.* 1927. Ч. 6–7. С. 15–16.
2. *Алмашій М.* Русинська педагогічна енциклопедія. Ужгород: Карпатська Вежа, 2005. 304 с.
3. *Бех І., Чорна К.* Програма українського патріотичного виховання дітей та учнівської молоді // *Гірська школа Українських Карпат.* 2015. № 12–13. С. 26–37.
4. *Болгаріна В., Лощенова І.* Культура і полікультурна освіта // *Шлях освіти.* 2002. № 1. С. 2–6.
5. *Волошин А.* Наша задача // *Подкарпатська Русь.* 1925. Річник II. Ч. 1. С. 1–2.
6. *Волошин А., Ревай Ю.* Вписуйтеся в члени «Педагогічного Товариства» // *Подкарпатська Русь.* 1925. Річник II. Ч. 1. С. 16.
7. *Волошинь А.* Братя і сестри! Учитель і учительниця // *Учитель.* 1920. Річник I. Число 1 і 2. 10 лютого (лютого). С. 3–4.
8. *Габор В.* Закарпатська україномовна преса 20–30-х років XX століття у контексті національного відродження краю: автореф. дис. ... канд. філ. наук. Київ, 1997. 20 с.
9. Гра «Розвивати вінок» (веснянка) // *Віночок для підкарпатських діточок.* Квітень, 1921. № 4.
10. До 80-річчя проголошення незалежності Карпатської України URL: <https://uinp.gov.ua/informaciyni-materialy/zhurnalistam/ nezalezhnosti-karpatskoyi-ukrayiny> (дата звернення: 25.11.2019).
11. *Добош І.* Історія української журналістики Закарпаття 20–30-х років XX ст. Івано-Франківськ, 1995. 128 с.
12. Конгрес педагогічний // *Учитель.* 1920. Річник I. Число 3. 10 марта (сухий). С. 15.
13. *Кухта М.І.* Роль педагогічної преси Закарпаття (20–30-ті роки XX ст.) у формуванні виховного національного ідеалу. Ужгород, 1997. 52 с.
14. *Лобода С.* Преса Закарпаття як складова педагогічної періодичної преси України 1900–1930-х рр. XX ст. // *Історико-педагогічний альманах.* 2007. Вип. 1. С. 40–49.
15. Національні меншини Закарпаття: більшому – більше, меншому – менше. URL: <http://uchoose.info/natsionalni-menshyny-zakarpattya-bilshomu-bilshe-menshomu-menshe> (дата звернення: 27.11.2019).

16. Одъ выдавництва // Учитель. 1920. Рѣчник I. Число 1 и 2. 10 февраля (лютого). С. 1–2.
17. Організаційна частина // Народная Школа. 1936/37. № 3. С. 13–15.
18. Паськевичъ И. Задачи учительства и школы на Подкарпатской Руси. Кѣлька слѣвъ съ приводу учительского конгресса // Учитель. 1920. Рѣчник I. Число 4. 10 апрѣля (цвѣтня). С. 5–7.
19. Подкарпатська Русь у свѣтлі статистици на виставці сучасної культури в Берні // Подкарпатська Русь. 1928. № 6. С. 127–128.
20. Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Издательство В. Падеяка, 2001. 432 с.
21. Президіумъ УТПР и ред. ком. «Народной Школы» // Народная школа. 1935. № 3. С. 2–3.
22. С. Б. Из живота учительской организаціи // Учитель. 1923. Рѣчник IV. Число 7–8. 31 октября. С. 137–139.
23. Суляк С.Г. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.
24. Учительський голос. Мукачевѣ, 1930. Ч. 1. С. 1.
25. Химинець В., Стричак П., Качур Б., Талапканич М. Освіта Закарпаття. Ужгород: Карпати, 2009. 464 с.
26. Шукітка Г.М. Освітньо-просвітницька діяльність крайових педагогічних товариств Закарпаття (1919–1944 рр.): дис.... канд. пед. наук. Київ, 2017. 237 с.
27. Ширѣта нашу часопись з рук до рук // Подкарпатская Русь. 1925. Рѣчник II. Ч. 1. С. 1.
28. Nevyhoštěný J. Finansem na Podkarpatské Rusi. Praha: Naše vojsko, 2002. 204 s.
29. Pešek J. Kulturní poměry a osvětová práce v Podkarpatské Rusi. Užhorod: Ždímal a Vetešník, 1921. 68 s.

REFERENCES

1. Agiy, F. (1927) Potreba novoy shkoli [The need for a new school]. *Uchitel'*. 6–7. pp. 15–16.
2. Almashy, M. (2005) *Rusins'ka pedagogichna entsiklopediya* [The Rusin Pedagogical Encyclopedia] Uzhhorod: Karpats'ka Vezha.
3. Bekh, I. & Chorna, K. (2015) Programa ukrains'kogo patriotichnogo vikhovannya ditey ta uchnivs'koï molodi [Ukrainian Patriotic Education Program for Children and Student Youth]. *Girs'ka shkola Ukrain's'kikh Karpat*. 12–13. pp. 26–37.
4. Bolgarina, V. & Loshchenova, I. (2002) Kul'tura i polikul'turna osvita [Culture and multicultural education]. *Shlyakh osviti*. 1. pp. 2–6.
5. Voloshin, A. (1925) Nasha zadacha [Our task]. *Podkarpatska Rus'*. 1. pp. 1–2.
6. Voloshin, A. & Revay, Yu. (1925). Vpisuytesya v chleny "Pedagogichnogo Tovaristva" [Enroll in Members of the "Teaching Society"]. *Podkarpatska Rus'*. 2(1). pp. 16.

7. Voloshin, A. (1920) Bratya i sestry! Uchitele i uchitel'nitse [Brothers and sisters! Teachers!]. *Uchitel'*. 10th February. pp. 3–4.
8. Gabor, V. (1997) *Zakarpats'ka ukraïnomovna presa 20–30-kh rokiv XX stolittya u konteksti natsional'nogo vidrodzhennya krayu* [Transcarpathian Ukrainian-language press of the 1920–30s in the context of national revival of the region]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kyiv.
9. Anon. (1921) Gra "Rozvivati vinok" (vesnyanka) [The game "Unlay a Wreath" (Mayfly)]. *Vinochok dlia pidkarpatskykh ditochok*. 4.
10. Ukraine. (n.d.) *Do 80-richchya progoloshennya nezalezhnoti Karpats'koï Ukraïni* [To the 80th Anniversary of the Declaration of Independence of Carpathian Ukraine]. [Online] Available from: <https://uinp.gov.ua/informaciyini-materialy/zhurnalistam/nezalezhnosti-karpatskoyi-ukrayiny> (Accessed: 25th November 2019).
11. Dobosh, I. (1995) *Istoriya ukraïns'koï zhurnalistiki Zakarpattya 20–30-kh rokiv XX st.* [History of Ukrainian journalism in Transcarpathia in the 1920–30s]. Ivano-Frankivsk: [s.n.].
12. *Uchitel'*. (1920) Kongres" pedagogichnyy [The pedagogical congress]. 10th March. p. 15.
13. Kukhta, M. I. (1997) *Rol' pedagogichnoï presi Zakarpattya (20–30-ti roki XX st.) u formuvanni vikhovnogo natsional'nogo idealu* [The role of the pedagogical press of Transcarpathia (the 1920–30s) in formation of educational national ideal]. Uzhhorod: [s.n.].
14. Loboda, S. (2007) Presa Zakarpattya yak skladova pedagogichnoï periodichnoï presi Ukraïni 1900–1930-kh rr. XX st. [Transcarpathian press as a component of pedagogical periodical of Ukraine in 1900–1930s]. *Istoriiko-pedagogichniy al'manakh*. 1. pp. 40–49.
15. Uchoose.info. (n.d.) *Natsional'ni menshini Zakarpattya: bil'shomu – bil'she, menshomu – menshe* [National minorities of Transcarpathia: more to the bigger, less to the smaller]. [Online] Available from: <http://uchoose.info/natsionalni-menshyny-zakarpattya-bilshomu-bilshhe-menshomu-menshe/> (Accessed: 27th November 2019).
16. *Uchitel'*. (1920) Od" vydavnitstva [From the publishing house]. 10th February. pp. 1–2.
17. Anon. (1936/37) Organizatsionnaya chast' [The organizational part]. *Narodnaya Shkola*. 3. pp. 13–15.
18. Pankevich, I. (1920) Zadachi uchitel'stva i shkoly na Podkarpatskôy Rusi. Kôl'ka slôv" s" privodu uchitel'skogo konf'resa [Teaching and school goals in Subcarpathian Rus. A few words about the Teacher Congress]. *Uchitel'*. 10th April. pp. 5–7.
19. Anon. (1928) Podkarpats'ka Rus' u svitli statistiki na vistavtsi suchasnoï kul'turi v Berni [Subcarpathian Rus in the light of statistics at the exhibition of contemporary culture in Bern]. *Podkarpats'ka Rus'*. 6. pp. 127–128.
20. Pop, I. (2001) *Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi* [Encyclopedia of Subcarpathian Rus] Uzhhorod: V. Padyak.
21. Anon. (1935) Prezidium UTPR i red. kom. "Narodnoy Shkoly" [Presidium of UTPR and Red. Com. of "Narodnaya Shkola"]. *Narodnaya Shkola*. 3. pp. 2–3.

22. S. B. (1923) Iz zhivota uchitel'skoe organizatsie [From the abdomen of a teacher's organization]. *Uchitel'*. 31st October. pp. 137–139.
23. Sulyak, S.G. (2007) Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in history: past and present]. *Rusin*. 4(10). pp. 29–56
24. *Uchitel's'kiy golos*. (1930). 1. p. 1.
25. Khiminets, V., Strichak, P., Kachur, B. & Talapkanich, M. (2009) *Osvita Zakarpattya* [Transcarpathia education]. Uzhhorod: Karpati.
26. Shykitka, H.M. (2017) *Osvitn'o-prosvitnits'ka diyal'nist' krayovikh pedagogichnikh tovaristv Zakarpattya (1919–1944 rr.)* [Educational and enlightenment activities of Transcarpathian regional pedagogical societies (1919–1944)]. Pedagogical Cand. Diss. Kyiv.
27. Anon. (1925) Shirot' nashu chasopis' z ruk do ruk [We spread our journal from hand to hand]. *Podkarpatska Rus'*. 1. p. 1.
28. Nevyhoštěný, J. (2002) *Finansem na Podkarpatské Rusi* [Finance in the Carpathian Rus]. Prague: Naše vojsko.
29. Pešek, J. (1921) *Kulturní poměry a osvětová práce v Podkarpatské Rusi* [Cultural conditions and educational work in Carpathian Rus]. Uzhhorod: Ždímal a Vetešník.

Петренко Оксана Борисовна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и методики воспитания Ровненского государственного гуманитарного университета (Украина).

Oksana B. Petrenko – Rivne State University of Humanities (Ukraine).

E-mail: oksana.petrenko@rshu.edu.ua

УДК 821.161.2' 282.2.09(477.87)"15"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/60/8

РЕНЕСАНСНІ ВПЛИВИ В РУСИНСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ ЗАКАРПАТТЯ XVI ст.

О.М. Сліпушко¹, О.С. Лісовська²

Київський національний університет ім. Т. Шевченка
Україна, 01601, м. Київ, бул. Тараса Шевченка, 14

¹ E-mail: oksana-slipushko@ukr.net

² E-mail: shchelkunova2017@ukr.net

Авторське резюме

У статті проаналізовано специфіку виявів ренесансних впливів у літературі Закарпаття XVI ст. Наголошується, що входження земель Русі до складу Литви, Угорщини, Австро-Угорщини, Трансільванії, Польщі робило Прикарпаття і Закарпаття доступними для панєвропейських впливів, зумовлювало синтез автентичної традиції з домінуючими ідеями західного Відродження. Визначальним для закарпатського письменства XVI ст. був вплив угорської культури. В епоху Ренесансу в закарпатській культурі сформувалося поняття «руськості» – якості, що зберігала ідентичність русинів у контекстах різних чужоземних держав. Русинська література Закарпаття була заснована на синтезі гуцульської, бойківської, лемківської культурних традицій. Наголошується на діяльності письменників Павла Русина і Севастьяна Кленовича, творчість яких пов'язана з закарпатською русинською літературою, що втілювала ідеї європейського Відродження. Їх художня спадщина – суттєвий внесок у розвиток ренесансної русинської літератури.

Ключові слова: Ренесанс, Відродження, русинська література Закарпаття, гуманізм, угорські впливи, Павло Русин, Севастьян Кленович.

РЕНЕССАНСНЫЕ ВЛИЯНИЯ В РУСИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЗАКАРПАТЬЯ XVI в.

О.Н. Слипушко¹, О.С. Лисовская²

Киевский национальный университет им. Т. Шевченко

Украина, 01601, г. Киев, бул. Тараса Шевченко, 14

¹ E-mail: oksana-slipushko@ukr.net

² E-mail: shchelkunova2017@ukr.net

Авторское резюме

В статье исследуются особенности проявления ренессансных влияний в литературе Закарпатья XVI в. Подчеркивается, что вхождение земель Руси в состав Литвы, Венгрии, Австро-Венгрии, Трансильвании, Польши делало Прикарпатье и Закарпатье доступными для панъевропейских влияний, обуславливало синтез аутентичной традиции с доминировавшими идеями западного Возрождения. Определяющим для закарпатской письменности было влияние венгерской культуры. В эпоху Ренессанса в закарпатской культуре сформировалось понятие «руськости» – качества, которое сохраняло идентичность русинов в контекстах разных чужеземных государств. Русинская литература Закарпатья основывалась на синтезе гуцульской, бойковской, лемковской культурных традиций. Акцентируется влияние на деятельности писателей Павла Русина и Севастяна Кленовича, творчество которых связано с закарпатской русинской литературой, которая представляла идеи европейского Возрождения. Их художественное наследие – значительный вклад в развитие ренессансной русинской литературы.

Ключевые слова: Ренессанс, Возрождение, русинская литература Закарпатья, гуманизм, венгерские влияния, Павел Русин, Севастян Кленович.

RENAISSANCE INFLUENCES IN THE RUSIN LITERATURE OF TRANSCARPATHIA IN THE 16TH CENTURY

O.M. Slipushko¹, O.S. Lisovskaia²

Taras Shevchenko National University of Kyiv,
14 Taras Shevchenko Boulevard, Kyiv, 01601, Ukraine

¹ E-mail: oksana-slipushko@ukr.net

² E-mail: shchelkunova2017@ukr.net

Abstract

The article examines the specificity of the Renaissance influences on the Transcarpathian literature in the 16th century. The authors emphasise that the entry of Russian lands into Lithuania, Hungary, Austria-Hungary, Transylvania, and Poland made Outer *Subcarpathia* and Transcarpathia accessible to pan-European influences, which conditioned the synthesis of the authentic tradition with the dominant ideas of Western Renaissance. The influence of Hungarian culture was decisive for Transcarpathian literature. During the Renaissance, the Transcarpathian culture developed the concept of “Russianness” – a quality that preserved the Rusinian identity in the contexts of different foreign states. Rusinian literature of Transcarpathia was a synthesis of Hutsul, Boyko, and Lemko cultural traditions. The authors focus on the writings of Pavel Rusin and Sevastyan Klenovich, whose works were connected with the Transcarpathian Rusinian literature, with its ideas of the European Renaissance. Their artistic heritage is a significant contribution to the development of Renaissance Rusinian literature.

Keywords: Renaissance, Rusinian literature of Transcarpathia, humanism, Hungarian influences, Pavel Rusin, Sevastyan Klenovich.

Культурно-історична епоха Ренесансу в Європі тривала з 20-х рр. XV ст. до початку XVII ст. Вона стала історичним початком «Нового часу», кардинальною зміною середньовічного світогляду, добою формування нових світоглядних засад. Відродження почалося зі звернення до античної спадщини, уваги до людської особистості, її емоцій і внутрішнього світу, зближення мистецтва і природи. Український Ренесанс був специфічним, що зумовлювалося відсутністю власної держави, маючи часто спорадичний характер, не виявляючись масштабно, як це було в Європі, не охоплюючи всіх культурних сфер. Кожна країна і нація переживали добу Відродження по-своєму, але

для всіх домінуючою світоглядною категорією був гуманізм. Як зазначає О.Ф. Лосєв, Ренесанс був не в якійсь одній країні, а в усіх країнах (ідеться про Європу. – О.С., О.Л.), і кожна переживала свій ренесанс по-своєму хронологічно й по суті [4: 51]. На думку І.М. Голеніщева-Кутузова, від берегів Адріатики до Балтики, від Праги до Вільно в XV–XVII ст. відбувався процес засвоєння й асиміляції гуманістичних ідей, не менш значний, ніж у Західній Європі [1: 258]. В усій європейській літературі Ренесансу поширеними були реалістичні тенденції, які трансформувалися в ренесансний реалізм і ренесансний класицизм. Латинська мова виконувала роль мови наднаціональної «республіки вчених». Освіта базувалася на гуманістичній моделі як визначальній для західноєвропейських навчальних закладів. Ренесанс проголосив переорієнтацію з теоцентризму на антропоцентризм. Щастя й самореалізація людини бачаться головними в її бутті, спостерігається усвідомлення особистості як визначальної цінності, наголошується на розвитку наук незалежно від релігії. Це був перехід від «studium divinum» до «studium humanum». Вагома характеристика загальноєвропейської літератури – взаємозв'язок між різними національними письменствами. Фактично вся тогочасна Західна і Центральна Європа розвивалась у культурно-духовних взаємозв'язках. Входження у цей час руських земель до складу Литви, Угорщини, Австро-Угорщини, Трансильванії, Польщі робило їх доступними для панєвропейських впливів, приносило нові мистецькі тенденції в літературний обіг.

Визначальною рисою руського культурного простору XVI–XVII ст. став його «поліморфізм», тобто багатомовність, багатоконфесійність, багатоконтекстуальність, а також наявність асиміляційних впливів, їх синтез із вітчизняною традицією. Як наголошує Н.М. Яковенко, «до середини XVI ст. Русь, Руська земля та поняття *русин* (уже не як політонім, а як еттонім) і в Польському королівстві, й у Великому князівстві Литовському не знають конкуренції, звично окреслюючи давньоруську територію та її населення» [13: 11–12]. Цим терміном позначають мешканців як Прикарпаття, так і Закарпаття. Таким чином, поняття *руський* і *русинський* у цей час фактично вживаються на позначення традиції, що постала на основі давньоруської, києворуської. Важливе значення для сприйняття Русі-України в тогочасній Європі, зокрема тієї частини, яку традиційно називали Західною, мали назви, які застосовувала Папська канцелярія. В документах глави Римської церкви «усталився специфічний понятійний дуалізм: саму країну називали *Russia*, а її мешканців-русинів – *Rutheni*. Слова *Ruthenus* і *русин* перегукуються фонетично, а це ідеально відповідало орієнтації середньовічної географії на античну традицію, з якої обиралися схожі за звучанням назви країн та народів і прикладалися до нових реалій» [13: 12].

Загалом назв Русі-України в цей час було дві – *Ruthenia* та *Roxolania*. Н. Яковенко пише, що «дилема вибору назв, по суті, являла собою дилему двох версій “руськості”. Ясно, що обидві версії були цілком лояльними стосовно політичної батьківщини – Речі Посполитої, але, дещо спрощуючи, “роксоланську” версію можна ототожнити з толерантним ставленням до всього польського, а її оминання – з нехиттю до Польщі» [13: 18]. Загалом у XVI ст. термін «роксолани» переважно використовували представники католицької Русі, русини-католики. Назва «Роксоланія» ідентифікувалася тоді з тими землями, які належали до складу Русі, починаючи від часів Володимира Великого, тобто фактично на момент хрещення держави. Литовські та білоруські території бачилися окремо й визначалися назвою Литва чи Біла Русь. Наприклад, українсько-польський письменник Севастян Кленович у своїй поемі «Роксоланія» (1584) межі Русі, тобто Роксоланії, визначає землями Київщини, Поділля, Галичини, Волині. Тобто зі слів *Русь*, *руський* еволюціонували слова *Україна*, *український* на позначення тих же самих територій. Водночас паралельно «з розповсюдженням “роксоланської” версії руської ідентичності набуває обертів контрпропозиція – з виразним “антилатинським” (й антипольським) підтекстом. Її маніфестом стає наголошування “грецьких” витоків Русі» [13: 19]. Ця традиція була близькою до Закарпаття, де свято шанувалися православні основи. Тут на стару візантійсько-руську традицію нашаровувалися європейські впливи, адаптовані до православної ренесансної культури, і творилося русинське ренесансне письменство. Русинське письменство доби Ренесансу формувалося на основі старої православної традиції Закарпаття та європейських католицьких впливів.

Загалом «поліформізм» руського культурного простору XVI ст. був головною рисою у структурі межової ідентичності русько-української літератури Ренесансу. Він представлений синтезом автентичних руських традицій і європейських впливів, конфесійного плюралізму, активних крос-культурних зв'язків. Усе це формувало специфіку українського літературного ландшафту. У ході «примірки імен», яка перетворила аморфну Русь на «територію з історією», нюанси «історичної пам'яті» перекодовувалися по-різному залежно від індивідуально/групового вибору, проте інтеграційна функція самої «пам'яті» від цього не меншала, бо ж опонентам уперше йшлося про одне й те саме – про «нашу» землю та «наше спільне» минуле [13: 43].

Цілком по-різному виявлявся Ренесанс у літературі Прикарпаття і Закарпаття. Перша за рахунок межування з Польщею та входження до її складу репрезентувала масштабну латиномовну русько-польську літературу. Натомість друга була зближена з Угорщиною, Австро-Угор-

щиною, Трансільванією, тому ренесансні тенденції виявлялися в ній опосередковано та зумовлювалися місцевою художньою специфікою. І.Я. Франко писав, що карпаторуське письменство «виявило до певної міри свою окрему фізіономію і повинно зайняти своє місце в загальній конструкції нашої літературної історії як один із її добре обрисованих типів» [9: 209–210]. Письменство часів Відродження об'єднувало православний Схід і католицький Захід. Синтез різних цивілізаційно-культурних впливів, протистояння та водночас обмін і впливи Сходу і Заходу визначали його специфіку й інтегрованість у культурно-літературний простір Європи. Закарпаття межувало з культурами угорців, румун, чехів, словаків, поляків, створюючи на межі з ними свою культурно-національну ідентичність – русинську.

Визначальним для закарпатського письменства був вплив угорської культури. Певний час Закарпаття перебувало у складі Королівства Руського на чолі з Левом I – чоловіком дочки Бели IV Констанції. То ж впливи Угорщини залишалися домінуючими. Це були часи формування русинів на рівні етнічному. О.І. Павлович у статті «Русь одна» 1866 р. наголосив: «Мы в Угорщине, Галичине, Буковине, Украине и пр. живущие русские принадлежим з одной величайшей семье, которой все члены называют себя русскими» [8: 2]. Дослідник визначив «руськість» як ту якість, яка зберігала ідентичність русинів у контекстах різних чужоземних держав, починаючи від найдавніших часів. Ця руськість зумовлювала і єдність русинів Галичини і Закарпаття. Хоч русини жили в різних державах, але вроджене почуття руськості зберігалося як їх характерна риса. Правомірно писав О.В. Мишанич, що «протягом XIV–XVIII ст. у Карпатах витворився особливий тип руської культури, що у науковій літературі одержав назву карпаторуської. Три етнічні різновиди цієї культури – гуцульська, бойківська і лемківська – створюють єдине ціле» [5: 105–106]. Цей синтез – головна риса ренесансного стилю за Закарпаття.

1526 р. угорські війська отримали поразку під Могачем, у результаті чого частина Угорщини відійшла під владу Османської імперії, Пряшівщина й Ужгород – Австрії, схід – Трансільванії. Протягом усієї доби Ренесансу Закарпаття було у такому політичному складі. Визначальним вектором тогочасного духовного життя стало прагнення зберігати православну віру як втілення руськості, поваги до традиції. 1491 р. датується перша документальна згадка про православну єпархію в місті Мукачеві. Найдавніші закарпатські писемні пам'ятки Ренесансу належать до XVI ст., зокрема «Королівське Євангеліє» і «Мукачівський псалтир». У цей час поширеними на теренах Закарпаття були мінеї, тріоди, прологи, богословсько-полемічні трактати. Видатною пам'яткою є «Послание ко св. отцем горы Афонской от пра-

вославной віры Россійской и земли угорской христіан». Популярними були учительні Євангелія та збірники, до складу яких включали різні оповідання. На теренах Закарпаття поряд із рукописними книгами побутували також друковані видання Ш.С. Фіоля, Ф.Л. Скорини, привезені з Венеції книги. Була тут і «Острозька Біблія» 1581 р., надрукована І. Федоровим. Друкована книга як одне з найвидатніших відкриттів Ренесансу стає здобутком і закарпатського письменства. Також саме на цих землях було здійснено запис однієї з найдавніших українських народних пісень «Штефан воєвода», включеної до складу «Чеської граматики» Яна Благослова (1571). Твір став загальним надбанням книжної літератури, де увага була звернена до людської особистості. Закарпатська література XVI ст. була представлена й церковно-релігійними пам'ятками. Переважна більшість рукописних книг, які побутували тут, переписувалися галицькими вчителями і церковними діячами.

Славнозвісний мукачівський рукописний «Октоїх» датується 1621 р., тобто часами пізнього Ренесансу. Його переписав «раб божий и недостойный Іоан Григорович, дяк із Сколего» [12: 14]. Бачимо прояви розвиненого ренесансного мислення – прагнення автора наголосити на своїй особистості, виокремити себе, акцентувати на власній заслугі у творенні книги. Переписувач іншої пам'ятки цього часу – «Служебника» – зауважив, що ця книга переписана «Мафеем Мигалевичом, ієреєм Колодницьким, от Рускои землі, а краины Волынской, на тот час мешкаючи в селі Колодном..., бо єм писал у великом фрасунку, скитаючися в чужих сторонах. Року божого 1652» [12: 14]. Як бачимо, закарпатські переписувачі мислили себе співтворцями книги, акцентувати увагу на своєму внескові у благородну і богоугодну справу поширення книжності.

Популярною на тогочасних закарпатських землях була переробка пісні-балади про козака і Кулину на духовну пісню, надрукована 1625 р. у польській друкованій брошурі. Незабаром виник духовний вірш за її зразком, що зберігся у збірнику XVII ст. «Ключ» під назвою «Піснь грішних людей и танец пекелный, описаный через Єкклісіяста, як будут грішнии у пеклі співати и сами на себе нарікати і горко плакати, без престани волати». Це вже була суто ренесансна пісня, коли в центрі сюжету зображено образи чоловіка і жінки, їх почуття і переживання. О. Мишанич наголошує, що «Піснь грішних людей» «належить до типу покаючих пісень, які в епоху середньовіччя були надзвичайно поширені по всій Європі і в зв'язку з масовими покаюницькими рухами у XIV–XV ст. могли переходити і до східних слов'ян. Закарпатський автор склав і свою покаюнну пісню, побудовану на апокрифічних мотивах, використавши при цьому форму популярної

української пісні про козака й Кулину» [6: 124]. Закарпатський автор модернізував пісню, сповнив її світоглядними засадами нової доби Відродження. Це твір більше ренесансний, ніж середньовічний. До світогляду Середніх віків тут належить тільки мотив, що у творі звучить у душі прагнень і почуттів нової доби – європейського Ренесансу, адаптованого до місцевої закарпатської специфіки русинів.

Входячи до складу Угорщини в часи Ренесансу, Закарпаття, як наголошує О. Мишанич, з XVI ст. «розділило долю всього угорського народу, який потрапив у залежність від Туреччини та Австрії. Більша частина Закарпаття – його центральні та східні райони – ввійшла до складу Трансільванського князівства... Західна частина краю, зокрема й Ужгород, підпали під владу Габсбургів» [6: 129]. Населення краю берегло народну православну віру. Державною і літературною мовою Угорщини була латинь, як і по всій Європі в добу Відродження. Проте на терени Закарпаття латинська мова фактично не проникла. Тут у культурному розвитку переважали богословська освіта й церковно-релігійні справи. Будучи частиною Угорського королівства і Габсбурзької імперії, що територіально перебували в самому центрі Європи, Закарпаття у XVI ст. належало переважно до середньо- і західноєвропейського культурно-політичного контексту. Дійшли сюди і реформаційні рухи XVI–XVII ст. Угорська шляхта була переважно на боці Реформації, в опозиції до католицизму. Домінували протестантські рухи. На Західному Закарпатті у складі Австрії побутувала ідея унії. Найбільш масштабне поширення унії відбувається на території Мукачівської єпархії.

М. Лелекач пише, що у XVI ст. література Закарпаття була «цілком під впливом Востока», всі відомі пам'ятки доби були занесені чи переписані зі старих болгарських або київських рукописів [2: 8]. Далі поширюється вплив Європи, на зміну приходить «багатство нових всеєвропейських ідей і культурних напрямів», «западноєвропейський літературний вплив» [2: 135]. Фактично давня література Закарпаття побутувала в рукописному варіанті, поширюючись серед широких верств народу. Її ідейно-тематичний спектр визначався двома головними векторами: боротьбою за стару, тобто принесену з Візантії християнську віру, що виявлялася у протистоянні з чужоземним поневоленням, та зв'язком із русинами на Схід від Карпат. На Закарпаття проникали ідеї з ренесансної Європи, зокрема, й через представників її молоді, яка їздила туди навчатися. Г. Нудьга визначив домінуючу роль українських студентів, які навчалися в університетах тогочасної Європи, у справі поширення ренесансних ідей в Русі-Україні, наголошуючи на їх місії ідейних промоторів прогресивних думок і впливів [7]. Культурний світогляд Закарпаття синтезував місцеву

православну традицію з католицькими ренесансними надбаннями, котрі адаптувалися до місцевого контексту завдяки творчим пошукам і відкриттям студентів-мислителів.

Знаковою для доби Відродження була і діяльність ренесансних митців, життя і творчість яких були пов'язані з теренами Прикарпаття і Польщі. Хоч вони були католиками, проте не забували рідної руської землі та неодмінно підкреслювали своє «руське» походження. Творцями літератури Ренесансу були вихідці з України, які послідовно наголошували на своєму етнічному походженні. Вони вважали себе причетними до загальноєвропейського простору, його поетичного Парнасу. Представники «католицької Русі» мали «доволі високу національну конфесійно-етнічну свідомість» [3: 350]. На думку В. Д. Литвинова, «до "католицької Русі" ми зараховуємо представників католицького віросповідання, які були національно свідомі, наполегливо ідентифікували себе українцями, декларували своє "руське походження". Свідченням цього може бути, наприклад, те, що багато з них підписували свої твори, додаючи до прізвища виразне означення – назву свого народу» [3: 350]. Зокрема, це С. Оріховський-Роксолан, Іван Туробінський-Рутенець, Павло Кросненський-Рутенець, Павло Русин, Георгій Тичинський-Рутенець, Григорій Чуй-Самборський Рутенець. Визначальна риса їх творчого світогляду – руський патріотизм.

Павло Русин із Кросна (Кросненський) (бл. 1470–1517 рр.) – українсько-польський поет гуманістичного спрямування. Народився він у містечку Кросно, що недалеко від Перемишля. Ця територія була заселена лемками, що вплинуло на формування світогляду майбутнього митця. Існують гіпотези, що Павло Русин Кросненський і магістр вільних мистецтв Павло Процлер – одна і та ж особа. Натомість О.В. Шевчук це заперечує [10: 125], адже Павло Русин із Кросна постійно підкреслює своє саме руське походження, це є визначальним у його світоглядній системі. Прихильником руського походження поета був і І. Голенищев-Кутузов. Павло Русин, пов'язаний із кількома країнами, викладав у Краківському і Віденському університетах, учителював на теренах Угорщини, до якої виявляв дуже великий пієтет. І. Голенищев-Кутузов наголошував: «О его преподавательской деятельности с похвалой отозвался английский гуманист Леонард Кокс, также краковский профессор. Несколько лет Павел из Кросна провел в Венгрии, где имел учеников. В 1512 г. издал впервые стихи знаменитого хорватско-венгерского поэта Яна Паннония. В предисловии магистр Павел писал, что Ян Панноний ничем не уступает латинским поэтам древности» [1: 12]. Серед найвидатніших учнів Павла Русина варто назвати поетів Яна Вислоцького, Яна Дантишека, Яна Паннонія.

І. Голенищев-Кутузов наголосив, що Павла Русина Кросненського «слід тут считати першим гуманістическим поетом України» [1: 13].

Павло Русин писав латинською мовою. Його збірка віршів «Пісні» побачила світ 1509 р. у Відні. Саме Павло Кросненський став фундатором культури і світогляду Відродження в Україні, митцем, який адресував свої ренесансні твори русинам Закарпаття, інтегрованим до складу Угорщини. Він прагнув донести до закарпатських земель на помезжів'ї з Угорщиною ренесансні ідеї, прийнятні цьому культурно-літературному регіону. Творчість Павла Русина представляє ренесансно-гуманістичне осмислення тези про здатність людської особистості дорівнятися до богів виключно завдяки індивідуальним зусиллям – доброчесності, освіченості, доблесті, знанням історії. Саме слово *русин* автор вважав «словом солодким», тобто акцентування уваги на етнічності, національності, приналежності до певного (руського) народу було для його світогляду визначальним.

Життя і діяльність Павла Русина пов'язані з Польщею, але він її не прославляв. Натомість його творчість перейнята особливо глибоким і щирим пієтетом до Угорщини, насамперед інтегрованих до її складу закарпатських земель. Сам поет також прожив тут кілька років. Звідси був родом його улюблений учень Севастіян Маді (йому присвячено вірш «Севастіяну Маді, благородному угорському юнакові»). Коли влітку 1508 р. у Кракові почалася епідемія, Павло Русин вирушив до Угорщини. За допомогою Севастіяна Маді влаштувався на посаду вчителя. Сам автор вважав ці роки кращими, оскільки почувався у цих краях дуже комфортно. В. Шевчук характеризує творчість поета Павла Русина з Кросна як таку, що «належить до Раннього Ренесансу, коли мистецтво ще не порвало з традиціями Середньовіччя, не ставило принципу секуляризації як рушійного та значною мірою ще лишалось у колі тем релігійних; водночас воно значно розширювало свій репертуар на теми світські, побудовані на наслідуванні античних зразків та поетики» [10: 126]. Переважна більшість віршів у збірці Павла Русина «Пісні» є духовною поезією. Автор оспівує біблійних осіб, свята, подає зразки віршованих молитов. У його творчості спостерігається певне протиставлення античної тематики та християнської. Водночас він гармонійно поєднує ці два художні вектори, репрезентуючи їх власне художнє бачення. Панегіричні твори Павла Русина написані у жанрі елегій та од. Він створив образ просвіченого, мудрого, справедливго, миролюбного правителя. У своїй медитаційно-дидактичній поезії митець зображує роздуми про поезію, книги, мистецтво. Для нього поезія – це «дар богів» (вірш «Похвала поезії»), який він дуже цінує. Глибокий патріотичний зв'язок Павла Русина з Руссю концентрується у слові *русин*, яке він послідовно додає до свого імені.

Так він засвідчує свою етнічно-національну приналежність, показуючи, таким чином, і специфіку свого художнього світогляду. Павло Русин виступає прихильником високої поезії, сповненої вченості.

Пієтет до Угорщини та інтегрованих до її складу закарпатських земель Павло Русин виразив через свого улюбленого учня угорця Севастіяна Маді. Фактично він сприймає Угорщину як Вітчизну, бо до її складу входять і русинські землі. Відтак, автор вважає себе і свого учня, по суті, співвітчизниками, що для Павла Русина є дуже важливим. Адже Батьківщина сприймається ним як мати, і саме материнське прізвище *Русин* додає до свого імені. Поезія Павла Кросненського «До Севастіяна Маді, щоб він, коли залишить Польщу і повернеться до рідного краю, привітав свою Батьківщину таким віршем» перейнята любов'ю автора до Угорщини – Вітчизни, матері свого учня. Він пише до Угорщини слова вдячності від імені С. Маді, а отже і до тих закарпатських русинських земель, які входили до її складу: «Здрастуй, мій краю! Ти милий владиці зористого неба! Здрастуй, о земле, ущерть повна багатства й добра!... Здрастуй, о земле моя, мила для вчених людей!» [11: 40]. Приналежність до однієї Вітчизни – це те, що особливо єднає вчителя й учня. І Павло Русин зізнається, що «Її слава йде по світові. Завжди я прагнув побачить дорогу свою матір, Завжди про долю твою вдень і вночі турбувався. Зараз спішу, годувальнице мила, до тебе вернутись» [11: 41]. Павло Русин і сам мріє потрапити до Угорщини, тобто до русинських земель, і просить: «Мамо, прийми ти свого сина, благаю тебе» [11: 41]. Ця земля йому близька і рідна, адже там жило багато русинів, приналежним до яких вважав себе і Павло Кросненський. Основою такої світоглядної риси була особиста дружба з Севастіяном Маді, а також пієтет митця до русинських земель і Угорщини як їх покровительки. Тому, даруючи вірш учневі, автор висловлює і власні почуття щодо цієї країни.

Українсько-польський письменник Павло Русин є представником загальноєвропейської ренесансної інтелігенції. В його світогляді й творчості яскраво вимальовуються риси русинської етнічної приналежності, на яких він постійно наголошує. Митець представляє т. зв. Республіку гуманістів – наднаціональний феномен, який уособлює своєрідний культурний європейський союз доби Ренесансу. Павло Русин одним із перших у Європі представив своїми творами інтерес до справжньої науки, захоплення нею. На його глибоке переконання, вона таїть у собі «світлий образ правди святої». Місією науки Павло Кросненський вважав служіння правді, справедливості, істині, а також народові, який її розвиває. Через новий спалах епідемії Павло Русин вкотре залишив Краків восени 1517 р. Помер він у Старому Сончі в листопаді 1517 р., мандруючи до Угорщини. За іншими даними, Павло

Кросненський помер 1517 р. на Лемківщині в Сяноці чи Санчі. Павло Русин підписувався традиційно як Paulus Ruthenus Crosnensis. Його постать належить до когорти видатних представників європейського гуманізму і Відродження. Спадщина митця представлена щирим і неприхованим інтересом до Угорщини і, відповідно, закарпатських земель у її складі. Своїми творами вчений намагався донести ідеї гуманізму до цього культурно-літературного регіону, засвідчуючи, таким чином, інтегрованість до європейського гуманістичного простору з його пошаною до русинів і поцінуванням їх письменства. Себе Павло Кросненський також вважав безпосередньо причетним до угорських земель і закарпатського письменства.

Подібні світоглядні тенденції виявляємо і у творчості Севастьяна Фабіана Кленовича (бл. 1545–1602 рр.) – українсько-польського поета. Місія поеми «Роксоланія» (1584) – прославлення Русі-України, історичних і культурних традицій русів, краси природи, різноманітних багатств, міст, сіл, звичаїв, легенд. Автор закликає: «Музи, співайте про русів» [11: 238]. Роксолани – плем'я сарматського походження, котре жило у Північному Причорномор'ї у II ст. до н.е – IV ст. н.е. У свій час Севастьян Кленович називав роксоланами русів, мешканців Русі-України, зокрема Прикарпатської та Закарпатської. Яскраво вираженим є глибоке духовне споріднення автора з землею, яку він оспівує і прославляє. Поема сповнена цікавих і символічних екскурсів у руську історію, які свідчать про те, що автор міг читати якусь редакцію літопису «Повість врем'яних літ». Севастьян Кленович щиро вболіває за те, що історію його Вітчизни – Русі – мало знають у Європі. Натомість автор наголошує, що це дуже древня земля: «від прадідів Русь свою назву виводить, Русів нащадки усі всюди признали її» [11: 242]. Міркування про історичне минуле і тогочасне сучасне Русі свідчать, що пише людина, яка народилася тут і вважає цю землю Вітчизною, захоплюючись її красою, використовуючи русинські народні легенди та перекази.

Севастьян возвеличував русько-українські міста та їх мешканців за те, що вони шанували і берегли звичаї предків. Він створив панегірики найбільшим руським містам і репрезентував геополітичні обшири Русі. Насамперед, він писав про Львів, який «скрізь відомий, святий, руського роду краса» [11: 270]. Київ підносить як столицю Київської Русі, родоначальницю держави: «Києва славний, могутня столице князів древньоруських» [11: 274]. Захоплено автор пише про Луцьк, який сучасники називали «Римом Волині», оскільки там було дуже багато сакральних будівель. Він наголошує: «Хто б поминув тебе, Луцьку, що гідний камен геліконських» [11: 276]. Це був центр, із якого культурні хвилі активно котилися на терени Прикарпаття і Закарпат-

тя. Кленович правомірно наголошує на ролі світського і духовного центру Луцька у тогочасному житті Русі. Згадує Севастян Кленович і місто Бузьк (сучасне Буськ), яке було колонізоване і католизоване, проте зберігало сильні православні традиції. Пише Кленович і про старовинне місто Сокаль на Львівщині, яке довго входило до складу Литовського князівства, а впливи Угорщини зумовили традиційність тут православних духовних орієнтирів. У добу Ренесансу це було розвинуте місто, на чому і наголошує Севастян Кленович. Русинів тут жило більше, ніж поляків, що дуже імponує авторові, який із пієтетом ставиться до міст русинського православного спрямування. Заслугує на увагу митця і місто Городно на Волині, котре у добу Відродження перебувало під владою декількох господарів, зокрема поляків та євреїв. Проте це зовсім не вплинуло на вірність автентичних мешканців православним традиціям. Звеличує міста Дрогобич і Холм. Останнє в добу Ренесансу було столицею православного єпископства Холмщини і Підляшшя. У 1507–1533 рр. єпископ Філарет Тарновський (Облазницький) відновив у Холмі Данилову церкву. Місцеві русини самі підтримували храм як осередок батьківської віри та символ автентичної традиції.

Вірність православної віри та світогляду є найбільш достойною рисою русів, як вважає автор «Роксоланії». В. Шевчук дотримується думки, що Севастян Кленович був вірменського походження, із українсько-вірменського роду. Тому «зрозумілим стає його відверте відмежування від поляків, адже й справді: виходець із корінних польських земель, пишучи про Русь, ніде про поляків не згадує, не мислить Русі як складової частини Речі Посполитої. ...а говорить про Русь як про окреме етнічне тіло. Цю землю він називає рідною і хвалить православу віру, хоч сам за віросповіданням був католиком» [11: 155–156]. Кленович прославляє русів та їх Вітчизну в усьому світі саме за таку характерну для них рису в епоху Ренесансу, як збереження традицій предків і православної віри: «Скрізь на Русі зберігають закони та звичаї предків, Руси і далі ідуть шляхом дідів і батьків, Звичаї ті, що зі Сходу взяли, зберігають ретельно і бездоганно, скажу, віру свою бережуть» [11: 280]. Автор наголошує на опозиційності до цього католицького світу, проте його співвітчизників це зовсім не лякає. Навпаки, вони гуртуються і поширюють свої ідеї в усьому світі, зокрема свято бережуть їх на закарпатських землях: «Проти порядків таких виступає весь світ католицький, Часто засуджує їх, навіть погрожує він, Саме за те, що нащадки, прості й легковірні руси, Всім заповітам батьків вірні й виконують їх» [11: 280–281]. Місія «Роксоланії» полягає в утвердженні православної віри і традицій на теренах Русі, зокрема Прикарпаття і Закарпаття. Світогляду автора притаманний

щирий патріотизм. Він урочисто наголошує на оригінальності історії, традицій, звичаїв, природи, господарчих занять і культури русинів. Митець репрезентував осмислення української історії згідно з ренесансно-гуманістичними світоглядними настановами, пишучи про Прикарпатську і Закарпатську Русь. Автор інтерпретує роль і місце русинів та інших слов'янських народів у світовій історії, творчо осмислює походження русинів, утверджуючи ідею про те, що їх сила – у вірності законам і вірі предків. Кленович категорично засуджує будь-які спроби покатоличення русинів і ганить тих, які зрадили православну віру, хвалячи і підтримуючи співвітчизників за те, що вони бережуть предківські заповіді і борються за них у складі інших держав. Хоч Севастян Кленович був католиком, писав латинською мовою і репрезентував «католицьку Русь», його творчий світогляд представляє яскраво виражені русинські риси.

Руська література Прикарпаття і Закарпаття була позначена суттєвими впливами ренесансної європейської традиції. Входження Русі до складу інших держав, зокрема, Угорщини, Австро-Угорщини, Трансільванії, Польщі, визначало тісний синтез автентичних прикарпатських і закарпатських русинських традицій із культурно-світоглядними надбаннями цих країн. У результаті формувалося власне оригінальне письменство – карпаторуське, русинське – доби Відродження.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голенищев-Кутузов И.Н.* Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI веков. М.: Наука, 1963. 378 с.

2. *Лелекач Н.М., Грига М.* Выбор из старого руського письменства Подкарпаття (от найдавейших початков до середины XIX в.). Унгвар: Выдана Подкарпатского общества наук, 1943. 136 с.

3. *Литвинов В.Д.* Україна у пошуках своєї ідентичності. XVI – початок XVII ст. Історико-філософський нарис. Київ: Наукова думка, 2008. 527 с.

4. *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.

5. *Мишанич О.В.* Література Закарпаття XVI ст. між Сходом і Заходом Європи // Кризь віки. Літературно-критичні та історіографічні статті, дослідження. 1996. С. 128–143.

6. *Мишанич О.В.* Український контекст давньої літератури Закарпаття // Кризь віки. Літературно-критичні та історіографічні статті, дослідження. 1996. С. 102–127.

7. *Нудьга Г.А.* На літературних шляхах (дослідження, пошуки, знахідки). Київ: Дніпро, 1990. 349.

8. *Павлович О.* Русь одна // Слово. 1866. Ч. 85. С. 2.

9. *Франко І.Я.* Карпаторуське письменство XVII–XVIII вв. // Зібрання творів: у 50 т. К.: Наукова думка, 1982. Т. 32. С. 207–229.

10. Шевчук О.В. Ренесанс. Раннє Бароко. Київ: Наукова думка, 2004. 397 с.
11. Шевчук О.В., Яременко В.В. Слово багатоцінне. Хрестоматія української літератури, створеної різними мовами в епоху Ренесансу (друга половина XV–XVI століття) та в епоху Бароко (кінець XVI–XVIII століття). Київ: Аконті, 2006. 799 с.
12. Яворский Ю.А. Песня-баллада о козаке и Кулине и духовная песнь грешных людей. Ужгород: Типографія ОО. Василянъ, 1929. 258 с.
13. Яковенко Н.М. Дзеркала ідентичності. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII століття. Київ: Laurus, 2012. 472 с.

REFERENCES

1. Golenishchev-Kutuzov, I.N. (1963) *Ital'yanskoe Vozrozhdenie i slavyan-skie literatury XV–XVI vekov* [Italian Renaissance and Slavic literature of the 15th – 16th centuries]. Moscow: Nauka.
2. Lelekach, N.M. & Griga, M. (1943) *Vybor iz starogo rus'kogo pis'menstva Podkarpattya (ot naydavneyshikh pochatkov do serediny XIX v.)* [Series of Old Rusinian literature of Subcarpathia (from the ancient times to the middle of the 19th century)]. Ungvár: Vydanya Podkarpatskogo obshchestva nauk.
3. Litvinov, V.D. (2000) *Renesansniy gumanizm v Ukraini. Idei gumanizmu epokhi Vidrozhennya v ukraïns'kii filosofii XV – pochatku XVII stolittya* [Renaissance humanism in Ukraine. Ideas of Renaissance humanism in the Ukrainian philosophy of 15th – early 17th centuries]. Kyiv: Osnovy.
4. Losev, A.F. (1978) *Estetika Vozrozhdeniya* [Aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Mysl'.
5. Mishanich, O.V. (1996a) *Kriz' viki. Literaturno-kritichni ta istoriografichni statii, doslidzhennya* [Through the Ages. Literary-critical and historiographical articles, research]. Kyiv: Oberegi. pp. 128–143.
6. Mishanich O.V. (1996b) *Kriz' viki. Literaturno-kritichni ta istoriografichni statii, doslidzhennya* [Through the Ages. Literary-critical and historiographical articles, research]. Kyiv: Oberegi. pp. 102–127.
7. Nudga, N.A. (1990) *Na literaturnikh shlyakhakh (doslidzhennya, poshuki, znakhidki)* [On the literary ways (researches, searches, finds)]. Kyiv: Dnipro.
8. Pavlovich, O. (1866) *Rus' odna* [Rus is the only one]. *Slovo*. 85. p. 2.
9. Franko, I.Ya (1982) *Zibrannya tvoriv: u 50 t.* [Collected Works. In 50 vols]. Vol.32. Kyiv: Naukova dumka. pp. 207–229.
10. Shevchuk, O.V. (2004) *Muza Roksolans'ka. Renesans. Ranne Baroko* [Muse of Roxolana. Renaissance. Early Baroque]. Kyiv: Naukova dumka.
11. Shevchuk, O.V. & Yaremenko V.V. (2006) *Slovo mnogotsinne. Khrestomatiya ukraïns'koi literatury, stvorenoi riznymi movami v epokhu Renesansu (druga polovina XV–XVI stolittya) ta v epokhu Baroko (kinets' XVI–XVIII stolittya)* [The word is of great value. The Reader of Ukrainian literature written in different languages during Renaissance (second half of 15th – 16th centuries) and Baroque (the end of 16th – 18th centuries)]. Kyiv: Akontі.

12. Yavorsky, Yu.A. (1929) *Pesnya-ballada o kozake i Kuline i dukhovnaya pesn' greshnykh" lyudey* [A ballad song about a Cossack and Kulin and a spiritual song of sinful people]. Uzhhorod: O.O. Vasilian.

13. Yakovenko, N.M. (2012) *Dzerkala identichnosti. Doslidzhennya z istorii uyavlen'ta idey v Ukraini XVI – pochatku XVIII stolittya* [Identity mirrors. Research on the history of ideas in Ukraine in the 16th – early 18th centuries]. Kyiv: Laurus.

Слипушко Оксана Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории украинской литературы, теории литературы и литературного творчества Института филологии Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Украина).

Сліпушко Оксана Миколаївна – доктор філологічних наук, професор кафедри історії української літератури, теорії літератури та літературної творчості Інституту філології КНУ ім. Т. Шевченка (Україна).

Oksana M. Slipushko – Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine).

E-mail: oksana-slipushko@ukr.net

Лисовская Ольга Сергеевна – аспирант кафедры истории украинской литературы, теории литературы и литературного творчества Института филологии Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Украина).

Лісовська Ольга Сергіївна – аспірант кафедри історії української літератури, теорії літератури та літературної творчості Інституту філології КНУ ім. Т. Шевченка (Україна).

Olga S. Lisovskaia – Institute of Philology of Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine).

E-mail: shchelkunova2017@ukr.net

УДК 821.161.2-312

UDC

DOI: 10.17223/18572685/60/9

РОМАНТИЧНА ПОЕТИКА ТВОРІВ МИХАЙЛА МІНЧАКЕВИЧА В ЗБІРЦІ «СИН РУСІ»

О.П. Новик

Бердянський державний педагогічний університет
Україна, 71111, м. Бердянськ, вул. Шмідта, 4
E-mail: noviop@gmail.com

Авторське резюме

У статті розглядаються вірші Михайла Мінчакевича з рукописної збірки «Син Русі» («Сатира», «Розсвіт», «Роксолян», «Розлука», дума «Хрестец камінний край Любичча», любовна елегія «Думка») за виданням 1995 р. Зокрема, йдеться про романтичні риси поезії автора, образність та поетику текстів, порівнюються тематика й мотиви творчості Михайла Мінчакевича й українських романтиків: Маркіяна Шашкевича, Миколи Петренка та ін. Поетика творчості письменника формувалася під впливом віршів М. Шашкевича та інших галицьких авторів, але є риси, спільні й зі східноукраїнською літературою першої половини XIX ст., та й із творчістю європейських романтиків. У віршах М. Мінчакевича є т. зв. «комплекси слів» (Д. Чижевський), характерні для українського романтизму. Прагнення показати тяглість історії русинів виявляється у послуговуванні епізодами з часів Київської Русі, згадками про видатних історичних осіб минулого. Водночас автор намагається вписати русинів і в європейську історію, демонструючи кровні зв'язки руських князів із правителями різних держав. Поезії «Сатира», «Розсвіт», «Роксолян» підпорядковані загальним настроєм «Руської трійці» і мотивами, і образністю, в них відчутний вплив М. Шашкевича. Водночас вірші Мінчакевича близькі до народної творчості, оскільки в них є пісенний стрій, рефрени, звуконаслідування. Дослідження мотивів лірики автора виявило характерні для романтичної поезії зображення переживань ліричного героя, кохання, розлуки, зради, а також історичні та патріотичні теми лірики. Поезія Михайла Мінчакевича як складова феномену «Руська трійця» уможлиблює поглиблене вивчення процесів, які відбувалися в українській культурі першої половини XIX ст.

Ключові слова: Михайло Мінчакевич, «Син Русі», поетика, романтизм, образ.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ МИХАИЛА МИНЧАКЕВИЧА В СБОРНИКЕ «СЫН РУСИ»

О.П. Новик

Бердянский государственный педагогический университет
Украина, 71111, г. Бердянск, ул. Шмидта, 4
E-mail: noviop@gmail.com

Авторское резюме

Рассматриваются стихотворения Михаила Минчакевича, размещенные в рукописном сборнике «Сын Руси» (в издании 1995 г.): «Сатира», «Розсвіт», «Роксолян», «Розлука», дума «Хрестец камінний край Любича», любовная элегия «Думка». В частности, рассмотрены черты романтизма в поэзии автора, образность и поэтика текстов, сравниваются тематика и мотивы творчества Михаила Минчакевича и других романтиков, например Маркияна Шашкевича, Николая Петренко и др. Поэтика творчества писателя формировалась под влиянием стихотворений М. Шашкевича и других галицких авторов, но есть в ней черты, общие и с восточноукраинской литературой первой половины XIX в., да и с творчеством европейских романтиков. В стихах М. Минчакевича есть т. н. «комплексы слов» (Д. Чижевский), характерные для украинского романтизма. Стремление продемонстрировать древность истории русинов проявилось через описание событий времен Киевской Руси, упоминание об известных исторических лицах прошлого. Одновременно автор пытается показать и влияние русинов на европейскую историю, демонстрируя кровные связи русских князей и правителей разных государств. Стихотворения «Сатира», «Розсвіт», «Роксолян» передают общие настроения «Руськой троицы» и мотивами, и образностью, в них ощущается влияние М. Шашкевича. В то же время стихи Минчакевича близки к народному творчеству: песенный строй, повторения, звукоподражания, как и мотивы лирики, дают возможность сравнения их с фольклором. Поэзия автора как составляющая феномена «Руськой троицы» отображает процессы, которые происходили в украинской культуре первой половины XIX ст.

Ключевые слова: Михаил Минчакевич, «Сын Руси», поэтика, романтизм, образ.

THE POETICS OF ROMANTICISM OF MYKHAILO MINCHAKEVYCH'S WORKS IN *THE SON OF RUS*

O.P. Novyk

Berdyansk State Pedagogical University
4 Schmidta Street, Berdiansk, 71111, Ukraine
E-mail: noviop@gmail.com

Abstract

The article analyses Mykhailo Minchakevych's poems "Satire", "Rozsvit", "Roksolana", "Separation", dumka "Cross stone near Lyubchych", love elegy "Dumka" from the manuscript collection *The Son of Rus* (1995), with the focus on the poetics of romanticism and imagery. The author compares the themes and motives in Mykhailo Minchakevych's poetry with those of other Romanticists (Markiyan Shashkevich, Mykola Petrenko). The poetics of Minchakevych's works was influenced by the writing of Markiyan Shashkevych and other Galician authors; however, it demonstrates the similarities with East Ukrainian literature of the first half of the 19th century as well as European Romanticism. Mykhailo Minchakevych uses the so-called "word complexes" (D. Chyzhevsky), inherent to Ukrainian Romanticism. His desire to demonstrate the Rusinian great history is manifested in his reminiscences of the time of Kievan Rus and allusions to famous historical figures of the past. Similarly, the poet tries to show the influence of the Rusins on European history by mentioning the ties of blood between the Russian princes and European rulers. The poems "Satire", "Rozsvit", "Roksolana" convey the moods of "Russian Trinity" both through motives and imagery, thus revealing the influence of Markiyan Shashkevych. Mykhailo Minchakevych's poems are also close to folklore, which becomes evident in their motives, composition, and the use of repetitions and onomatopoeia. Minchakevych's poetry as a component of the "Russian Trinity" phenomenon reflects the processes that took place in the Ukrainian culture in the first half of the 19th century.

Keywords: Mykhailo Minchakevych, *The Son of Rus*, poetics, Romanticism, image.

Українська романтична поезія в ХХ–ХХІ ст. була і залишається об'єктом дослідження багатьох науковців, попри це, численні твори вивчено лише побіжно. Явище романтизму в літературі ХІХ ст. розглянуто на рівні змісту й форми такими вченими, як Н. Берковський, Т. Бовсунівська, Є. Нахлік, Д. Чижевський та іншими літературознавцями, огляд праць яких було раніше зроблено в монографії «Неповторність повторного» [4]. Послугуючись теоретичними розвідками про поетику романтичної літератури, здійснимо спробу виокремити

риси романтичної поетики у творчості Михайла Мінчакевича, зокрема в його текстах, що увійшли до збірки «Син Русі». Задля глибшого розуміння творчості цього письменника необхідно розглянути поезію митця крізь призму української романтичної поезії, порівняти з текстами авторів, які мали вплив на творчість Михайла Мінчакевича.

Збірка «Син Русі, ілі Собрание стихотворов в рускім языку от клеру Семінарії єнеральной в Л[ь]вів городі, руского краю Метрополії. Року 1833» стала одним із ключових моментів діяльності «Руської трійці» та інших західноукраїнських романтиків початку XIX ст. Перша рукописна збірка віршів Маркіяна Шашкевича та його побратимів датувалася 1833 р., тобто ще до появи «Русалки Дністрової» у 1836 р. Цю збірку видано в 1995 р. з передмовою і примітками Євгена Нахліка [2]. Структура і зміст збірки не становлять собою модний у ті часи салонний альбом [9], а є спробою передати патріотичні настрої молоді, яка прагнула пробудити народ до національного відродження.

Одним із авторів рукописної збірки «Син Русі» був Михайло Андрійович Мінчакевич (1808–1879). Для розуміння творчості автора важливим є дослідження постаті митця в контексті епохи. Біографію письменника подає у передмові до видання «Сина Русі» 1995 р. Євген Нахлік. Зокрема, науковець зауважує, що поет походив із сім'ї священника (с. Бережниця Вишня Сяноцького округу). Початкову освіту отримав у нормальній школі отців-василіан у с. Лаврові, навчався у Самбірській гімназії. Михайло Мінчакевич з 1830 р. став студентом Львівського університету і Львівської духовної семінарії, як і інші романтики, збирав фольклор, укладав збірники. Поет товаришував із поетами «Руської трійці», увійшов до революційного польсько-українського підпілля – організації «Союз друзів народу», яка підпорядковувалася Товариству польських карбонаріїв (радикальна суспільна течія з ідеями республіканізму, повалення монархії через збройне повстання, звільнення селян, цілковитої рівноправності осіб і станів). У 1838 р. був заарештований, ув'язнений на три роки. Відомий як автор патріотичних поезій, частина яких вміщена в збірці «Син Русі».

Вирішальну роль для формування стилю Михайла Мінчакевича відіграла співпричетність до гуртка семінаристів Маркіяна Шашкевича. Зокрема, це виявилось у романтичних віршах на рівні патріотичної проблематики. М. Шалата у книзі «Будителі. «Руська Трійця» та її послідовники» пише про широке розуміння явища «Руська трійця»: «організований і керований Шашкевичем гурток семінаристів – українських патріотів – у Львівській духовній семінарії в середині 1830-х років, до якого належали й Микола Устиянович, Михайло Мінчакевич, Іван Білинський та інші» [14: 5]. О. Петраш у праці «Подвижники української ідеї. Маркіян Шашкевич та його побратими» пише

про альбом «Руська зоря», куди «члени гуртка вписували українською мовою різні, найбільш велемовні, на їхню думку, поетичні вислови чи народні афоризми. Сам Шашкевич вніс такі слова: "Світи, зоре, на все поле, закінь місяць зійде", що мали стати епіграфом майбутнього альманаху «Зоря» і які наче розкривали алегоричний зміст його заголовку. Тут імена М. Кульчицького, І. Білинського, Й. Охримовича, М. Урицького, М. Мінчакевича та інших – одне слово, однодумців у Марка було багато. І число їх дедалі зростало, бо вмів він переконувати і об'єднувати навколо себе» [5: 21]. Той само дослідник звернув увагу і на назву збірника «Син Русі» (1833): «Вже у самій назві було багато сміливого, гордо-непокірного, а вміщені у збірнику поезії (всього п'ятнадцять, з них дві М. Шашкевича "Слово до чителів руського язика" і "Дума") вражали своєю щирістю, хоч часто були зовсім учнівські з художнього боку» [5: 20]. Така оцінка («учнівські з художнього боку») не зовсім точно передає зміст текстів, які важливі були найперше ідейним наповненням, а вже потім, художнім втіленням проблематики.

Микола Ткачук, досліджуючи поезію «Руської трійці», пише і про вірші М. Мінчакевича «Сатира», «Розсвіт», «Роксолян»: «Молодий поет створив свої поезії на основі народної мови, розмовно-пісенних інтонацій. Він висміює роз'єднаність русинів ("Сатира"). "Розсвіт" – це пейзажний образок ранішнього галицького сільського простору. Майстерніше написано вірш "Роксолян", сповнений патріотичних та волелюбних мотивів. Автор захоплюється рідною землею, її людністю, хліборобами, їх працьовитістю, звичаями. Рефрен

«Пляск – плеснім

Руками,

Туп – тупнім

Ногами»

імітує танець українців, їх рух, могутню дію, як нестримний потік гірської ріки, життєлюбство, що перемагає на своєму шляху усі перешкоди» [9: 49]. Загалом у збірку увійшли поезії «Сатира», «Розсвіт», «Роксолян», «Розлука» і, можливо, подана як анонімна дума «Хрестец камінний край Любича», авторство якої Є. Нахлік, як і М. Возняк, приписує Михайлові Мінчакевичу [6: 11]. У виданні 1995 р. в додатках вміщено ще й любовну елегію поета «Думка».

Євген Нахлік, характеризуючи збірку «Син Русі», говорить, що вірші, вміщені в книзі, художньо нерівноцінні. Вчений називає серед кращих творів збірки саме поезію Маркіяна Шашкевича та Михайла Мінчакевича [3: 19].

Літературознавці робили нечисленні спроби охарактеризувати поезії зі збірки «Син Русі». Так, «Розсвіт» Микола Ткачук назвав пей-

зажним образом «вранішнього галицького сільського простору», вочевидь ґрунтуючи своє враження від кількох діалектних слів і згадкою про гору в останніх рядках. Раніше К. Студинський вже писав про «дар помічання» у цій поезії М. Мінчакевича [7: V]. Поезія романтиків містить прагнення показати характери героїв у взаємозв'язку з природою, де пейзаж використовувався як засіб психологічного паралелізму для відтворення душевного стану ліричного героя. Загалом же картина вранішньої природи «Розсвіту» Михайла Мінчакевича зі снопом світла, запахом гречки і диму, звуками співу півня, пташок, клепання кіс, трубіння ловців – все це малює пасторальну картинку, яка могла би бути описана багатьма романтиками, настільки узагальнені й знеособлені образи. При цьому загальна картина світанку є живописною, поєднання візуальних, слухових образів і запахів робить її панорамною, передає щире захоплення сходом сонця:

З-понад гори луч видати,

Ясне світло ранок родит,

Луна хоче-сь огнем яти.

Ах, як царско сонце сходить! [6: 25].

Метафоричне поєднання образу сонця, яке ясним світлом народжує ранок, з образом гори характерне для багатьох зразків усної народнопоетичної творчості, з якої романтики черпали художні засоби. М. Мінчакевич доповнює цю картину словом «царско», прагнучи не просто скористатися синестезійними образами для унаочнення пейзажу, але й підкреслити силу емоцій, вражень ліричного героя від побаченого.

Проблематика і мотиви віршів поета перебувають у річищі традиційних для українського романтизму тем. Тут можна завважити близькість творчості Михайла Мінчакевича до його побратима Маркіяна Шашкевича, під впливом творчості якого поет вочевидь перебував. Микола Ткачук, покликаючись на дослідження Юрія Шевельова про поетику романтичних творів М. Шашкевича, зазначив, що мова лірики поета характеризується значною мірою умовністю і лексики, і фразеології, пейзаж має абстрактно-загальний характер [9: 17], проте поетична безпредметність, як слушно пише М. Ткачук, не шкодить, бо виражає «почуття самі по собі» [9: 9]. Такого плану пейзаж ми бачимо і в поезіях Михайла Мінчакевича.

Мотиви кохання й розлуки, розбрату й національного відродження поєднують твори М. Мінчакевича з текстами як поетів «Руської трійці», так і зі східноукраїнськими романтиками, а надто, якщо вірші митця порівняти з усною народною творчістю, то є очевидним, що більшість із них наповнені фольклорною образністю. Дмитро Чижевський писав про існування в літературі певного стилю не лише характерних слів,

що постійно повторюються (Schlüsselwörter), але й цілих «комплексів слів» («словесних полів» (Wortfelder)) [13: 410]. Відповідно образ творця, поета постає у віршах багатьох романтиків, про що свого часу завважив Д. Чижевський: «У жодну літературну епоху не писалося стільки про поета, про його фах, як у добу романтизму. А найбільше на цю тему було виспівано віршів» [12: 71]. Поет у творах Михайла Мінчакевича вочевидь насамперед має оспівувати історію і славу рідного краю, численні романтичні мотиви, якими послуговується автор, свідчать про обізнаність письменника з комплексами слів як європейської, так і української літератури.

Такі «комплекси слів» українського романтизму були спільними для багатьох авторів, а надто авторів поезії. У вірші Михайла Мінчакевича «Розлука» навколо ключового слова «розлука» згруповано такі слова, як «дорога», «їхати», «серце», «душа», «надія», «на незабудь», «рученька», «розмова», «приїду» та ін. Цей «комплекс слів» звучить і в поезіях Михайла Петренка, де йдеться про розставання з коханою: «Минулися мої ходи», «Чи бачив хто славянську дівчину» і в творах інших авторів. Лірична поезія Мінчакевича «Думка», де закохані порівнюються з парою голубів, яких розлучили, перегукується з віршем Михайла Петренка «Туди мої очі», автор якого називає кохану дівчину голубкою, і також лунає мотив нещасної долі, розлуки. У поезії Миколи Костомарова «Голубка» є подібний мотив, і використано образ голубки, яку розлучили з коханим: «голубонько біла», «голубочко сиза», «голубочко хвора», «голубко вірненька» – низка варіацій епітетів до нього. Очевидним є послуговування М. Мінчакевичем романтичною образністю для передачі почуттів ліричного героя поезії «Розлука», і спільність таких символічних образів з віршами інших романтиків.

До порівняння необхідно залучити й поезію М. Шашкевича «Роспука» з «Русалки Дністрової» [8: 70–71], де автор послуговується тим само комплексом слів, є образи голуба, ворона, мотиви розпачу і сирітства:

Летит ворон чорнокрилий –
За ним загуділо,
Щастє моє гаразд милий
На віки зниділо.

Тяжко голубу малому
Гори перебити
Ой ще тяжче безродному
На сем світі жити [8: 70].

Поезія «Розлука» Михайла Мінчакевича за структурою близька до народної пісні, є повтор рядка як приспіву: «Будь ми здорова, будь ми здорова».

Мотив розлуки і нещасливого кохання в романтизмі дуже часто пов'язаний з мотивом сирітства, смерті, злої долі, чужої сторони, і вірші М. Мінчакевича не є винятком. У «Думці» остання строфа звучить так:

А як в чужі де сторони
Попід небо летит синє,
Може, паде в орла шпони,
І голубка моя згине! [6: 38].

Передрікання загибелі коханої і смерті як розлуки тут перегукується з темою синього неба – такого популярного романтичного мотиву свободи, Божої благодаті і прагнення вирватися з несправедливого світу. Подібний мотив лунає у творі Михайла Петренка «Небо». У вірші Маркіяна Шашкевича «Туга за милою» також є мотив розлуки з милою, що доповнюється образами неба, крил, сокола, польоту:

Коби мені крильці мати,
Соколом злетіти,
Тяжку тугу из серденька
При милій розбити!» [8: 77].

Історичні й легендарні мотиви звучать у думі «Хрестец камінний край Любачева», автором якої вважають М. Мінчакевича. За жанром поезія ближча до балади, аніж до думи, проте наприкінці є настанова батьків своїм дітям, що не характерно для романтичної балади. Письменник переповідає легенду про закоханих, які запрягалися на вірність, а потім зрадили своїм обітницям. Колоритним є опис сцени покарання зрадників: у полі, під час жнив, зі згадками про старих богів Дажбога, Стрибога, паралелізмом змалювання стихії і людської долі. Перун – грім спалює капицю, де від негоди заховалися хлопець і дівчина, караючи їх за те, що вони «киво присягали». Залучає автор і образ сов, які проклинають уночі, а у вуста батьків вкладає слова, які вони говорять удень над могилою:

Вдень приходѣт отец-мати
І так діти навчають:
«Бог нас довго не карає,
Бт-сьмо-сь гріхів сповідали;
Б'є перуном, хто-сь не кає,
Як тих, що фалш присягали» [6: 24].

Прагнення відтворити народну легенду у власній оригінальній поезії баладного типу не було винятковим явищем, це типово для романтиків. Оскільки романтизм перебував у стадії становлення, логічно, що вірші семінаристів містили повчальні фрагменти. Сама

ж дума «Хрестец камінний край Любачева» є романтичною історією про кохання і зраду, в якій долучається мотив гріха і покари. Михайло Мінчакевич поєднує християнський мотив із покаранням Перуном, Дажбогом, Стрибогом, таке двовір'я є і свідченням інтересу автора до слов'янської міфології і впливом фольклору на романтика.

«Роксолян, ілі танец рускій» – поезія Михайла Мінчакевича стилізована під народну пісню, з повторами, що надають віршеві танцювального ритму і є словесним відтворенням танцювальних рухів зі звуконаслідуванням: «Пляск – плеснім / Руками, / Туп – тупнім / Ногами». Пісня-супровід до танцю наповнюється не тільки звуконаслідуванням і описом рухів у приспіві, але й вказівкою про це у першій строфі:

Ідім колом десь русина –

Так дід гуляв і родина... [6: 26].

Стилізацією під народну пісню послуговувалися західноукраїнські романтики, наприклад, вірш Івана Гушалевича «Де єсть руська отчизна? (Співаємо по путі народній «Дай же, боже, добрий час») має приспів «На-на-на-на-на-на, / Ой там руська отчизна!» [10: 491–492]. «Піснь козацька» Тимка Падури також містить приспів зі звуконаслідуванням «Гей, козака, на врага, / Гурра-га, гурра-га!» [10: 335–336]. У східноукраїнських романтиків, наприклад, у Амвросія Метлинського, є подібні вкраплення у поезії, окрім того, часто використовують епіграфи з народних пісень, з якими перегукується оригінальний текст:

Гей, братця, гей, братця, то наша дорога,

А не місце тепле в панського порога! [10: 109].

Попри легкість ритмічної структури вірша М. Мінчакевича, змістове наповнення є послідовним утвердженням власної приналежності до Русі, її традицій, історії і патріотичного пориву. Як і в інших поезіях збірки «Син Русі» («До синов Русі», «Слово до читателей русского языка»), висновком є теза: «Бо Русь – край наш, наша мати» [6: 27]. До цієї тези автор підводить читача поволі, починаючи зі згадки про давні часи, пам'ять роду землеробів, які вирощували на цій землі овес, ячмінь, жито й пшеницю. Старі свята з дохристиянських часів і багатство руської землі поет оновлює, єднаючи зі сучасністю:

Ту єст Дажбог і коляда,

Ту сут овци, воли, стада,

Ту ся родит команица –

Русь всім полна, як кошница [6: 27].

Йдеться і про давні бої з татарами, і про співи Бояна, і про русинське жіноцтво, яке уславило королівські родини Європи:

Красил женскій пол. Наш рускій

Трон угерскій, польскій, прускій.

Жил і француз в руском лоні,
Бо русинкі мав на троні [6: 27].

Для романтиків як західноєвропейських, так і для українських, характерним був інтерес до історії своїх народів, прагнення відродити славу історичного минулого нації. З. Геник-Березовська слушно писала: «Наприкінці XVIII – на початку XIX ст. історизм стає визначальною ознакою і проявом українського перед романтизму та романтизму, що аж ніяк не виключає недооцінки решти елементів, які визначили загальний характер обох цих напрямів. Отже, саме "історичною" гранню українське романтичне письменство найтісніше дотикається до європейських і, зокрема, слов'янських літератур» [1: 96]. Окрім захоплення фольклором, романтики змальовували старі часи, демонструючи силу, міць держави і мужність її захисників. При цьому романтики харківської школи здебільшого писали про козацьку державу, Січ, козацьку звиягу, морські походи, війни й полони в заморських державах, а ось західноукраїнські романтики акцентували увагу на подіях ще давніших часів, зверталися до історії могутньої держави – Київської Русі. Етнонім «русин» у текстах Михайла Мінчакевича постає поруч із назвою держави – Русь. Таким чином, здійснюється апеляція до старої слави предків, демонструється тяглість традицій.

Західноукраїнські романтики також звертаються до образів князів Київської Русі, барокової доби, намагаючись подати ідеал захисника вітчизни й віри. У тексті «До Перемишлян» Миколи Устияновича поруч виводяться два історичні персонажі з різних часів існування української державності:

А як не згине насильність толпава,
Як розіллється терпеливости мірка,
Знайдеться скоро козацькая слава,
Знайдем Богдана, знайдем Владимирка
І поспитаєм: «Чия тут земляця?
Чия тут мати? Чия тут столиця?» [11: 61].

Таке поєднання є підтвердженням тези про прагнення відновлення державності України через «відродження мілітарних традицій вітчизняного державотворення – давньоруських і козацьких» [3: 128].

Водночас у творах західноукраїнських романтиків йде мова й про те, що русини своїми міжусобицями руйнували власну державу в різні часи. У поезії Михайла Мінчакевича з назвою «Сатира», яку Є. Нахлік означив як вірш-алегорію, висміюються братські чвари, що шкодять державі. Поезія «Сатира» мотивами перегукується із «Думою» гетьмана Івана Мазепи, де також порушується проблема розбрату і страждання України через її синів, які не хочуть протистояти ворогам у єдності, а хилиються до чужих володарів (хтось до

ляха, хтось до москаля), ладні продатися, щоб зберегти свою вигоду. М. Мінчакевич в романтичному ключі пише про вплив нечистої сили, яка примушує до розбрату:

Що за дідько ту рогатий,
Брат не хоче брата знати,
Єдин впертий, другий думний,
Оба кажут: «Я розумний»... [6: 23].

Брат іде проти брата, вважаючи сусіда ріднішим, братається з жидом, і порожніми стають слова «Ти, русине». Ця болюча проблема і в бароковій, і в романтичній українській літературі звучить у багатьох поетів як застереження для сучасників. Апелювання до історії задля розкриття актуальних проблем, паралелі між минулим і сучасним, пошук шляхів розбудови держави – все це було характерним для громадянської течії романтичної поезії.

Поезія Михайла Мінчакевича позначена впливом передромантичної і романтичної течій в українській західноукраїнській літературі, насамперед, авторів «Руської трійці». На рівні змісту і форми поезії митця виразним є вплив усної народної творчості, тематика близька до творів як європейського, так і східноукраїнського романтизму. Поетика віршів Мінчакевича, що є частиною збірки «Син Русі», підпорядкована впливу романтичних тенденцій в літературі того часу. Художні засоби подібні до творів усної народної творчості (сталі епітети, звуконаслідування, рефрени), символіка романтична, тематика й проблематика типова для романтичних поезій, ліричні герої також змальовані в романтичному дусі. Мотиви кохання, розлуки, зради, гріха й покари, патріотизму, неприйняття світу сучасного і героїзація минулого у поезії Михайла Мінчакевича демонструють вияви романтичного. Вивчення творчості маловідомого автора першої половини ХІХ ст. уможливорює поглиблене розуміння процесів, що відбувалися в українській літературі того періоду і відкриває подальшу перспективу для порівняльного аналізу творчості західноукраїнських романтиків.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Геник-Березовська З.* Грані культур. Бароко. Романтизм. Модернізм. Київ: Гелікон, 2000. 368 с.
2. *Нахлік Є.* Давня Русь у творчості західноукраїнських романтиків // Дзвін. 1997. № 2. С. 125–132.
3. *Нахлік Є.* З перших спроб нової літератури в Галицькій Русі // Син Русі (1833): перша рукописна збірка віршів Маркіяна Шашкевича та його побратимів / Упоряд., передм. і прим. Є. Нахліка. Львів: Львівські новини, 1995. С. 14–20.

4. Новик О. Неповторність повторного. Барокові традиції в літературі українського романтизму: монографія. Харків: Майдан, 2011. 366. [1] с.
5. Петраш О. Подвижники української ідеї. Маркіян Шашкевич та його побратими. Літературознавчі дослідження. Посібник для вищих і середніх навчальних закладів. Тернопіль: Книжково-журнальне видавництво «Тернопіль», 1996. 165 с.
6. Син Русі (1833): перша рукописна збірка віршів Маркіяна Шашкевича та його побратимів / Упоряд., передм. і прим. Є. Нахліка. Львів: Львівські новини, 1995. 44 с.
7. Студинський К. Причинки до історії культурного життя Галицької Русі в літах 1833–47 // Кореспонденція Якова Головацького в літах 1835–49. Львів, 1909. [6], СХХХVIII, 463 с. (Збірник філол. секції НТШ. Т.11/12).
8. «Русалка Дністрова»: док. і матеріали / АН УРСР, Ін-т сусп. наук, Центр. держ. іст. архів УРСР у Львові; [упоряд.: О. А. Купчинський (ст. упоряд.) та ін.; редкол.: Ф. І. Стеблій (відп. ред.) та ін.]. Київ: Наукова думка, 1989. 542. [2] с.
9. Ткачук М., Ткачук О. Маркіян Шашкевич. Дослідження. Тернопіль: Медобори, 2009. 248 с.
10. Українські поети-романтики 20–40-х років ХІХ ст. Київ: Вид. худ. літ. «Дніпро», 1968. 635 с.
11. Устиянович М. Поезії. Київ: Рад. письменник, 1987. 255 с.
12. Чижевський Д. Слов'янський романтизм // Слово і час. 2005. № 8. С. 51–65; № 9. С. 65–78.
13. Чижевський Д. Українське літературне бароко / вибр. праці з давньої літератури, передм., підгот. тексту О. Мишанич. Київ: Обереги, 2003. 576 с.
14. Шалата М. Будителі. «Руська Трійця» та її послідовники: Нариси. Дрогобич: Коло, 2011. 112 с.

REFERENCES

1. Henyk-Berezovska, Z. (2000) *Grani kul'tur. Baroko. Romantizm. Modernizm* [The faces of cultures. Baroque. Romanticism. Modernism]. Kyiv: Gelikon.
2. Nakhlik, Ye. (1997) *Davnya Rus' u tvorchosti zakhidnoukraïnskikh romantikiv* [Old Rus in the Works of Western Ukrainian Romantics]. *Dzvin*. 2. pp. 125–132.
3. Nakhlik, Ye. (1995) *Z pershikh sprob novoi literaturi v Galits'kiy Rusi* [From the first attempts of new literature in Galician Russia]. In: Shashkevich, M. et al. *Sin Rusi (1833)* [The Son of Rus (1833)]. Lviv: L'vivs'ki novini. pp. 14–20.
4. Novik, O. (2011) *Nepovtornist' povtornogo. Barokovi traditsii v literaturi ukrains'kogo romantizmu* [The Uniqueness of the Repeated. Baroque Traditions in the Literature of Ukrainian Romanticism]. Kharkiv: Maydan.
5. Petrash, O. (1996) *Podvizhniki ukrains'koi idei. Markiyan Shashkevich ta yogo pobratimi. Literaturoznachni doslidzhennya* [The ascetics of the Ukrainian idea. Markian Shashkevich and his brothers. Literary Studies]. Ternopil: Ternopil'.
6. Shashkevich, M. et al. (1995) *Syn Rusi (1833)* [The Son of Rus (1833)]. Lviv: L'vivs'ki novini.

7. Studinsky, K. (1909) Prichinki do istorii kul'turnogo zhittya Galits'koï Rusi v litakh 1833–47 [Reasons for the history of cultural life of Galician Russia in the years 1833–47]. In: Golovatsky, Ya. *Korespondentsiya Yakova Golovats'kogo v litakh 1835–49* [Yakov Golovatsky's Correspondence in 1835–49]. Lviv: K. Studinsky.

8. Kupchinsky, O.A. (ed.) (1989) *Rusalka Dnistrova* [The Mermaid of the Dniester]. Kyiv: Naukova dumka.

9. Tkachuk, M. & Tkachuk, O. (2009) *Markiiian Shashkevych. Doslidzhennia* [Markian Shashkevich. Research]. Ternopil: Medobori.

10. Derkach, B.A. (ed.) (1968) *Ukrains'ki poeti-romantiki 20–40-kh rokiv XIX st.* [Ukrainian Romantic Poets of the 1820s – 1840s]. Kyiv: Dnipro.

11. Ustyianovych, M. (1987) *Poezii* [Poetry]. Kyiv: Rad. pis'mennik.

12. Chizhevsky, D. (2005) Slov'yans'kiy romantizm [Slavic Romanticism]. *Slovo i chas*. 8. pp. 51–65; 9. pp. 65–78.

13. Chizhevsky, D. (2003) *Ukrains'ke literaturne baroko* [Ukrainian Literary Baroque]. Kyiv: Oberegi.

14. Shalata, M. (2011) *Buditeli. "Rus'ka Triytsya" ta ii poslidovniki* [Awakeners. "Russian Trinity" and its followers]. Drohobych: Kolo.

Новик Ольга Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры украинской и зарубежной литературы и сравнительного литературоведения Бердянского государственного педагогического университета (Украина).

Новик Ольга Петрівна – доктор філологічних наук, професор кафедри української та зарубіжної літератури і порівняльного літературознавства Бердянського державного педагогічного університету (Україна).

Olha P. Novyk – Berdyansk State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: noviop@gmail.com

УДК 821.162.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/60/10

ОТОБРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ БЕЩАДСКИХ И БЕСКИДСКИХ ЛЕМКОВ- РУСИНОВ В ИЗБРАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНДЖЕЯ СТАСЮКА

О. Веретюк

Жешувский университет

Польша, 35-310, г. Жешув, аллея Тадеуша Рейтана, 16 С

E-mail: oksanaw@ur.edu.pl

Авторское резюме

Известный польский писатель Анджей Стасюк первым в польской литературе поднял щепетильный для официальных властей вопрос выселения лемков-русинов с их автохтонных земель, Лемковщины, в 1944–1947 гг. Стараясь быть верным исторической правде, писатель дает художественное изображение самого процесса этнической чистки и его последствий. Цель настоящей статьи – показать и проанализировать это на примере избранных произведений Стасюка.

Ключевые слова: Стасюк, лемки, выселение, художественное отображение, историческая правда, идентичность.

THE HISTORICAL TRAGEDY OF THE LEMKOS-RUSINS OF THE BESKIDS AND BIESZCZADY MOUNTAINS IN ANDRZEJ STASIUK'S SELECTED PROSE

O. Weretiuk

University of Rzeszow

16 C Tadeusz Rejtan alley, Rzeszów, 35-310, Poland

E-mail: oksanaw@ur.edu.pl

Abstract

Andrzej Stasiuk, a famous Polish writer, was the first in Polish literature who raised a very sensitive issue of the the Lemkos' resettlement from their autochthonous lands, Lemkivshchyna, in 1944–1947. Trying to be faithful to historical truth, the writer gives an artistic image of ethnic cleansing and its consequences in pro-communist Poland. The article aims at showing and analyzing Stasiuk's vision of the issue in his selected works.

Keywords: Stasiuk, Lemkos-Rusins, resettlement, artistic image, historical truth, identity.

Известный польский писатель Анджей Стасюк первым из прозаиков поднял щепетильный для официальных властей вопрос выселения лемков-русинов с их автохтонных земель, Лемковщины, в 1944–1947 гг. Стараясь быть верным исторической правде, литератор дает художественное изображение самого процесса этнической чистки и его последствий. Цель настоящей статьи – показать и проанализировать это на примере избранных произведений Стасюка.

Исследовательница исторической Лемковщины замечает: «Вопросы территории Лемковщины, этнонима, этногенеза, вероисповедания, этнической идентичности и культурной самобытности [лемков] и сегодня порождают многие разногласия на уровне научного и научно-популярного дискурсов, а интерпретации самых лемков часто диаметрально расходятся; неоднозначны они также по отношению к концепциям (впрочем, тоже неоднозначным) польских, украинских и лемковских ученых» [40: 63]¹.

Анджей Стасюк, воссоздавая лемковский мир в своих произведениях, скорее всего, опирался на польские источники. Довоенные исследования польских этнографов во главе с Романом Рейнфуссом очертили восточную границу региона Лемковщины вдоль долины рек Ослава и Лаборец на запад от реки Сян. Последними лемковскими деревнями были Солинка, Щербанувка и Жубраче. Далее на восток жили бойки. Западная же граница совпадала с долиной реки Попрад, опиралась об Остурние (Osturnia, Словакия) и Русь Шляхтовскую (четыре села в долине Грайчарек: Бяла и Чарна Вода, Яворки и Шляхтова (Польша)) [26: 252–253; 27: 6–13]². Таким образом, историческая Лемковщина находится по обеим сторонам Карпат, охватывая часть Бескида Сандецкого, Бескид Низкий и западную часть Бещад. Собственно, так и определяет их Стасюк, называя «остатками Старой Руси от Буга и Сяна по Шляхтову и поток Грайчарек» [36: 12].

Что касается русинов, живущих к югу от главной арки Карпат, то ни их окружение, ни они сами не идентифицировали себя с лемками.

Соответственно, польские историки тоже определяли их просто как русинов. Однако в прошлом все они были, вероятно, частью той же валашской миграции, которая населяла обе стороны Западных Карпат и давала возможность всему населению поддерживать тесные взаимные контакты и называть себя не только лемками и русинами, но и лемками-русинами. Лемки как этнографическая группа формировались на протяжении длительной этнической и культурной интеграции [28: 29–44]. Такими предстают они в прозе Стасюка, где нескрываемы его авторская фантазия, ирония по отношению к исторической правде и собственной «легенде»: «Мне всегда нравилось представлять лемков как странствующих людей. Я закрывал глаза и воссоздавал их путешествие в пространстве и времени. Под веками мне была видна цепь Карпат <...>. Я видел, как они веками шли с Балкан, гоня свои стада. Может быть, с Родопов, а может быть, аж из Албании. Как знать? В конце концов, албанское *bjeshkë*, или "гора", очень похоже на наше "Бескиды". <...> Я представляю их как кочевых, свободных и, возможно, даже полудиких людей. Без родины с четкими границами, но необыкновенно одомашненных в карпатском пейзаже. Когда вы смотрите на мир сверху, с горного хребта, с перевала, границы теряют свое значение. Просто смотрите на волнистую линию горизонта, и это она – самое главное. Особенно в те времена, когда границы были нечеткими, меняющимися и охранялись с малой эффективностью. Мы даже не знаем, сколько времени занимал их путь. Они прибыли в местность, скажем, в XIV веке. По пути они притягивали части других народов, как магнит металлические частицы»³.

Очень похоже, что неутомимый путешественник, в то же время ценивший одинокую, изолированную жизнь на природе, Стасюк внимательно читал Романа Рейнфусса, считавшего, что бескидские лемки восходят к XIV в., когда «валашские пастухи прибыли с Балканского полуострова через Седмиград, кочуя по южным склонам Карпат» [28: 37], смешавшись с русинскими земледельцами, заселявшими регион между реками Попрад и Ослава, и «процесс этот был завершен в основном к концу XVI в.» [27: 12], очевидно, не без смешения с польскими жителями этого региона [27: 11–12; 28: 41].

Этноним «лемки» в галицийской научной литературе использовал священник, писатель и филолог Йосиф (Осип) Левицкий (пол. Joseph Lewicki) в предисловии к своей грамматике (*Grammatic der ruthenischen oder klein russischen Sprache in Galizien*. Przemyśl: Gedruckt in der greich. kath. Bischöflichen Buchdruckerey, 1834, 271 с.)⁴. Гелена Дуць-Файфер замечает, что в южной стороне Карпат ранее, в 1820 г., его использовал Ян Чаплович [2: 16], словацкий адвокат (вел дела, связанные с украинско-закарпатскими владениями графа

Шёнборна) и этнограф. Данное русинам насмешливое прозвище (от чересчур часто употреблявшегося ими в речи слова «лем», т.е. «только», «но»), позже утвержденное в научной литературе и публицистике, это название распространилось в среде самих русинов / руснаков, особенно в среде горного населения польской части Бескид и Бещад (а значит, на территориях, часто описывавшихся Стасюком). Со времени перелома XIX и XX вв. до периода между Первой и Второй мировыми войнами название «лемки» приобрело политический и отчасти религиозный смысл [22: 15; 40: 65], потеряв свое предыдущее пероративное значение. Описываемых Стасюком бещадских и бескидских лемков иногда называют галицийскими. Так, например, Ричард Кастлер использует термин «галицийские лемки» («Galician Lemkos») для дифференциации населения лемков, проживавших на северных склонах Карпат – на юго-востоке Польши (бывший крайний юго-запад Галиции), от того же населения с южных склонов Карпат [1: 81].

А. Стасюк, проживавший недалеко от словацкой границы и часто навещавший соседей, словацких русинов, акцентирует внимание не на отличиях их друг от друга, а на общности их культурного наследия и исторических судеб. Описывая «два музея, расположенные в ста трех километрах друг от друга» («dwa muzea leżące od siebie w odległości stu trzech kilometrów») [34: 139], Энди Уорхолла в словацких Медзилаборцах (недалеко от села Микова, края родителей художника) и музей Никифора в польской Крынице, он открывает русинско-лемковские корни звезды поп-арта словацкого иммигранта Андрийка Вархола и те же родственные корни известного крыницкого художника Никифора, собственно лемка Эпифания Дровняка. Прозаик объединяет их распространенным в Польше этнонимом «лемки»: «Наиболее известные лемки в мире», «несомненно, два самых больших, каких породила лемковщина», «два странных брата» [34: 138–140]. И все же в центре его художественного внимания – лемки, проживавшие на польской стороне.

В настоящее время некоторые польские лемки считают себя отдельным этносом, некоторые – украинской субэтнической группой. В Польше теория о карпаторусинской нации, населявшей обе стороны Карпат (области сегодняшней Закарпатской Украины, польскую Лемковщину и Северо-Восточную Словакию) носит ограниченный характер, имея сторонников в самом крайнем юго-западном регионе. Пытался представить ее, например, Богдан Горбаль. Признавая полисемию этнонима «русин», варьирующую в зависимости от идеологической ориентации носителя значения, он отнюдь не скрывал своих прорусинских взглядов.

Для сторонника русофильской идеологии означало бы одно – русского человека [4: 10–11]. Для последователя украинской идеи – историческое название украинцев, которые тоже когда-то назывались русинами. И, наконец, для сторонника национальной русинской идеи это подтверждение слов народного будителя Александра Духновича: «Я был, есть и буду русином» [4: 10].

Бескидских и бещадских лемков Стасюк воспринимает как одно целое – лемков-русинов. Они исповедовали христианство восточного ритуала (греко-католики и православные), пользовались восточно-славянским языком (о «происхождении лемковского диалекта» см. подробнее: [37: 101–106]) и кириллицей, в языковом отношении были наиболее близки к украинцам, но многое взяли и от словацкого и польского языков. До 1944 г. численность лемков, проживавших компактно в Польше, составляла от 50 до 150 тыс. чел.: «...к концу 30-х гг. число греко-католиков и православных (или лемков) было равно 130 121» [2: 8]. По данным переписи национальных меньшинств в Польше, проведенной в 2011 г., 10 тыс. граждан объявили себя лемками⁵. Вопрос о национальной идентичности лемков всегда вызывал споры среди историков, социологов, филологов и антропологов. У самих лемков тоже были и есть проблемы с их этнической и национальной идентификацией. Двусмысленность национальной принадлежности лемков нередко становилась причиной конфликтов, трагедий в семьях, селах и церквях. «Начиная примерно с конца XIX в., русинская и украинская идеологии стали пересекаться и противостоять друг другу на земле лемков. Украинские идеологи утверждали, что лемки – это украинцы с очень низкой национальной осознанностью, тогда как русинские считали их ветвью русинского народа, отличного от украинского» [11: 11]. По словам Ярослава Моклака, это «ускорило процесс политического самоопределения среди лемков. До начала мировой войны обе ориентации сталкивались, внедряя свои программы во всем регионе» [17: 15]. После распада Российской империи (1917) и Габсбургской монархии (1918) польский и украинский народы, жившие в Галиции, боролись за свою национальную независимость и создание новых национальных государств. Конфликт интересов привел к началу польско-украинской войны. На фоне этих событий появляются два недолго просуществовавших лемковских государства – Лемко-Русинская Республика (с ее русофильской ориентацией и намерением объединения с Советской Россией) и проукраинская Команчанская Республика на востоке Лемковщины, «планировавшая объединиться с Западно-Украинской Народной Республикой, но была ликвидирована поляками 23 января 1919 г. во время украинско-польской войны» [4: 44, 120–121; 29: 505].

В межвоенный период у лемков было несколько конкурировавших политических ориентаций [19: 27–32]. Ярослав Моклак следующим образом определяет конкурировавшие лемковские политические организации различных ориентаций в Польше в 1918–1939 гг.: «...старорусы, москвофилы ["Moscophiles"] и активисты национального движения» [18: 35–59, 83–104]. Лемки в Польше и по сей день придерживаются двух разных направлений: украинского и карпато-русинского. В сознании поляков «лемко очень часто воспринимается как украинец» [12: 274; 13: 8].

Стасюк, похоже, не углубляется в сложные идеологические и политические переплетения этнической идентификации лемков. Для него они предстают как самобытная культурно-историческая целость. Его всецело поглощает трагедия уничтожения бескидских и бещадских лемков. В результате насильственной депортации в конце Второй мировой войны и после нее большинство из них были переселены со своей исторической родины в УССР (около 70 тыс. чел.) и разбросаны по северо-западному региону Польши (около 40 тыс.) [9: 1; 22: 24].

После окончания войны было официально объявлено, что в новой Польше не будет места национальному угнетению. Тем не менее польское правительство рекомендовало, чтобы украинцы переселялись в Советский Союз для блага как поляков, так и украинцев, поскольку таким образом можно было бы устранить конфликты между ними [5: 135; 6: 9]. Еще до окончания войны, 9 сентября 1944 г., Эдуард Осубка-Моравский и Никита Хрущев подписали соглашение об эвакуации украинцев из Польши и поляков из Украинской ССР. «Согласно этому соглашению, переселение должно было быть добровольным» [38: 155], «решающим критерием было вероисповедание» [20: 27–30], но в лемковских селах советские и просоветские органы весьма активно убеждали население согласиться на переселение. Часть лемков уступила коммунистической агитации и «в самом начале этой акции добровольно переселилась в Советскую Украину» [14: 41]. После войны выселение лемков приняло принудительный и негуманитарный характер.

Акція «Wiśła» (операция «Висла» 1947–1950 гг.) стала кульминацией процесса изгнания лемков из их домов и целенаправленного уничтожения их этнической принадлежности, т. е. окончила этническую чистку. В конце войны несколько подразделений УПА сражались на Лемковщине. Часть лемков поддерживала УПА и ОУН, но другие были далеки от идеологии: они помогали всем, кто нуждался в их поддержке, или были вынуждены помогать в то опасное время (именно такими изображает их Стасюк). В Польше лемков традиционно считали ветвью украинского народа, а в 1946–1947 гг. польские

власти воспринимали всех лемков как поддерживавших украинских националистов. В операции «Висла» невинных гражданских людей, украинцев и лемков (оказавшихся на украинской стороне польско-украинского конфликта), заподозренных в оказании помощи украинскому подполью, насильно выгоняли из их домов, загоняли в транспортные фургоны и вынуждали переселяться в среду враждебно настроенного против них польского населения, которое воспринимало их как украинских националистов, врагов. Основная цель этой кампании состояла в том, чтобы переселить их отдельными семьями, рассредоточив по всей возвращенной Польше северо-западной территории (из которой немецкие жители только что бежали или были изгнаны), где они были вскоре ассимилированы поляками. Как отмечает Марек Ясяк, «польское военно-административное решение украинской проблемы на практике было не чем иным, как сталинским подходом к этнической политике» [7: 175]. К сожалению, эта политика была поощрена и одобрена польскими жителями. По словам Мисило, даже в Западной Лемковщине, где активность УПА была незначительной, а польско-украинский конфликт практически отсутствовал, местные поляки поддерживали решение правительства о депортации лемков и не сочувствовали своим соседям [16: 20]. В середине 1947 г. весь регион был опустошен, т. к. лемки были разбросаны по северным и западным территориям Польши.

Последствия депортации были тяжелыми и для украинцев, и для лемков. «Они были рассеяны среди польского населения практически без следа и, как правило, приходили с пустыми руками <...>, не получая компенсации за оставленные ими землю и имущество» [38: 169]. Горстка лемков вернулась в свои заброшенные дома в Низких Бескидах и Бещадах в годы политической оттепели. К концу 1950-х гг. «около 2 000 из них смогли вернуться в свои родные Карпаты» [27: 132], преодолев различные препятствия экономического и политического характера⁶. Небольшие группы вернулись позже, но большинство лемков остались вдали от дома. Депортация оставила трагический след в памяти изгнанников. Их мир исчез безвозвратно.

Пудло отметил «отсутствие лемковского вопроса» в польской науке и прессе до 1956 г. [23: 351] и очень малое наличие исследований до 1987 г. [22: 8]. Начиная с 1987 г. появляются печатные материалы – научные, научно-популярные и культурно-просветительские, представляющие проблемы выселения лемков, а также прослеживающие возрождение лемковской культуры⁷.

Литература, в отличие от истории, представляет вымышленное изображение событий, но очень часто она достаточно ясно иллюстрирует историческую реальность. Анджей Стасюк (родился

в 1960 г. в Варшаве), один из всемирно известных современных польских писателей⁸, был, пожалуй, первым польским автором, поднявшим вопрос выселения лемков в своей прозе в начале 1990-х гг. и развивавшим его в своих дальнейших произведениях. В 1986 г. он покинул столицу и поселился в маленькой деревушке Чарне на прежней Лемковщине, в Бескидах. В настоящее время он живет в Воловце, в пяти километрах от Чарне. Сейчас в Воловце есть нескольких десятков ферм, церковь (теперь православная, раньше – греко-католическая) и кладбище с надгробиями. С самого начала своей уединенной жизни на новом месте он столкнулся с живописной землей, пережившей трагические события. Позже в книге «Wschód» («Восток», 2014) он описал это сдержанно, но выразительно: «В восемьдесят шестом я жил в деревянном доме в безлюдном месте. <...> Солнце взошло с темного склона. Оно поднималось выше и сияло над этой пустынной землей. Над могилами и придорожными крестами. <...> Над скелетами церковных куполов. Над останками»⁹.

В повседневной жизни писатель всегда был обеспокоен трагедией автохтонов своего приемного дома. В своем особом стиле – импрессионистском, образном, фрагментарном, часто наполненном магией и иронией – Стасюк пытался воссоздать процедуру депортации лемков в ярких и конкретных деталях. Как было замечено критиком и переводчиком его книги, Стасюк «умеет шутить с жанром. Совершенно осознанно он переплетает мемуары, рассказы о путешествиях и о природе с примесью репортажа и этнографии последних дней, и все это подчиняет задумчивой дисциплине томной прозы» [8: VIII]. Такой литературный прием помог писателю произвести художественную реконструкцию исторических событий, похожую на историческую реконструкцию, ибо его герои подчиняются плану воссоздания аспектов событий 1947 г. Но план Стасюка более эмоциональный, более яркий и выразительный в деталях, поскольку действуют в нем вымышленные «живые» персонажи в «реальных» обстоятельствах. Рассказчик кажется живым свидетелем событий.

«Были крики, суета, волочение из хат, проклятия, избиения. <...> Так что никакой природы, только политика, классовая ненависть, национальная ненависть и благословение Кремлевского Людоода. С самого начала меня преследовало видение бесконечной змеи повозок, везших народ на железнодорожную станцию в Загужанах. Дом за домом, семья за семьей, деревня за деревней. На повозках были вещи (несколько часов на упаковку), маленькие дети и старики. Остальные вели скот. На хозяйстве остались куры, собаки и кошки. Деревни лета сорок седьмого, должно быть, выглядели странно: дверь скрипела от ветра, на полу лежала оставленная утварь, открытые шуф-

ляды, разбросанное зерно, пух в воздухе. Царствовала тишина, и ни из одной трубы не поднимался дым. Интересно, кто пришел первым, лисы из леса, чтобы грабить курятники, или грабители из польских деревень и городов»¹⁰.

В последних предложениях автор / рассказчик обвиняет польских соседей изгоняемых лемков в отсутствии у них сострадания и умелом использовании ситуации, реакции, поощрявшей и одобрявшей эту позорную и негуманную политику коммунистических властей.

В своем эссе «Dziennik okretowy» («Вахтенный журнал», 2000) Стасюк воссоздает жизненные перипетии переселенных лемков в форме душевного разговора со своим соседом-лемком из Чарне. Семью соседа разбросало в 1947 г. по западу Польши, а его родственники, соблазненные пропагандой, переселились в УССР. Сам он чудом избежал их судьбы. Пришелец и оставшийся в живых автохтон разговаривают мирно и доверительно, они не интересуются политикой. Похоже, они оба смирились с ситуацией, но память, личная память его соседа и коллективная этническая память лемков все еще живет. До сих пор помнят выселение старшие члены их группы, и это вызывает беспокойство поляков. История лемка полна впечатляющих, трогательных деталей. В то же время осуждаются любые этнические чистки.

«Сосед рассказывает мне о своих поездках на запад, люди там все еще живут на чемоданах, так как это немецкие дома, немецкая земля и в постелях кое-где перины все еще сохраняют протестантское тепло. То, что подарено – по крайней мере, если оно достаточно большое – никогда не становится собственным. В основном это касается земли. Особенно земли, которую перед тем забрали и вернули вместо такой же украденной. На ней висит двойное проклятие – своего и чужого страдания»¹¹.

Повествование Стасюка соответствует воспоминаниям Богдана Гамбалья о его родителях, родившихся в Чарном и депортированных в 1947 г.: «Регион Легница для моих родителей никогда по-настоящему не стал родиной, это была жизнь в изгнании» [3: 226].

Стоит напомнить, что Стасюк относится к поколению писателей, достигших совершеннолетия в годы после крушения коммунизма, и его произведения изобилуют призраками коммунистического прошлого Польши. В посткоммунистическом ландшафте он находит последствия украинско-лемковской партийной политики 1944–1947 гг. С болью в сердце автор наблюдает за опустошенными селами (Чарне, Незнаёва, Радоцина, Длуге и т. д.), где не так давно еще жили лемки. С горькой иронией он рассказывает об истории посткоммунистических реалий: «И сегодня трава покрывает контуры их [лемковских] домов, и для обнаружения признаков ушедшей жизни нужен животный инстинкт

и опыт археолога. Когда я привожу какого-то человека из Запада в эти местности и пытаюсь объяснить, что он идет по многолюдной и шумной деревне, он не может поверить, что моей истории пятьдесят, а не пятьсот лет»¹².

Повествователи сборника рассказов «*Opowieści galicyjskie*» («Галицийские истории», 1995) и прозаических зарисовок «*Dukla*» («Дукля», 1997; рус. пер. 2003) часто замечают характерные лемковские церкви, в основном разрушенные: «В то время мы сидели на холме за деревянной церковью»; «А потом прозвенел колокол в деревянной церкви» [31: 14, 47]; «Это было все, что осталось от церкви. Там, где были неф и пресвитерия, цветут кусты терновника»; «Она (церковь) рассыпалась справа от дорожки. <...> На толстых, без крыши стенах росли молодые березки, посеянные ветром» [33: 68, 86]. Деревянные лемковские церкви – это отличительная черта лемковского пейзажа. С архитектурной точки зрения, они были и остаются уникальным феноменом сакральной архитектуры¹³. Когда лемковское меньшинство было переселено, новые католические владельцы церквей, как правило, не заботились об их состоянии, некоторые позволили их разнести по частям – многие церковные памятники были разрушены навсегда. Только пять лемковских церквей сохранились и были включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО за их уникальную красоту и способ постройки [24; 25]. Авторами, подробно описавшими прошлое и настоящее лемковских церквей в монументальной книге «Церкви и иконы Лемковины» (2017), являются Ярослав Гемза и Ежи Тур [40].

В напоминающих балладу, исполненных магии поэтических рассказах сборника «*Opowieści galicyjskie*» призраки бродят в руинах лемковских церквей. Среди них – духи изгнанных лемков, возвращающихся в свои храмы. Деревянная лемковская церковь стала главным героем рассказа «Место», автор которого отошел на задний план. На самом деле нет церкви. Ее разобрали по частям и отдали в музей, оставив след, названный автором «место». «Место. Это не заняло у них много времени. Два месяца. Прямоугольник из серой глиняной земли – все, что осталось. Эта голость была похожа на полосу рваной кожи в лесистом и пустынном ландшафте. Трава будет расти здесь в следующем году, впервые за двести лет»¹⁴. Рассказчик, очень похожий на Стасюка новосел в пустынном бескидском месте, шаг за шагом восстанавливает в своем воображении длительный и сложный процесс возведения храма: «От освящения этого клочка земли вплоть до рискованной операции возведения куполов на крутых наклонных крышах» [33: 38].

Яркое представление далекого прошлого переплетается с реальностью, наблюдаемой рассказчиком. Он помнит благочестие и почте-

ние, с которыми автохтон, переселенный в Советскую Украину, снова навел свою любимую Лемковщину, дом и святое место. Когда-то они, лемки, сформировали здесь особую компактную и изолированную общину горцев, для которых жажда отцовской земли, горного ландшафта, церкви была и осталась неиссякаемой. Рассказчик становится также свидетелем картины, когда парализованного старожилу привезли родственники, чтобы он попрощался со своей церковью в последний раз. Он был крещен там, а до этого его отец помогал установить новую крышу и покрыть черепицу листовым металлом в 1895 г. Это было его место и место его родственников, которым разрешили вернуться с бывших немецких территорий, правда, в соседнее село. Он рассказывал об улицах, о деревянных домиках, садах и людях, которых сейчас нет. Но они существуют в его памяти.

В рассказе «Место» Стасюк представляет две точки зрения о старой лемковской церкви, святая святых лемковской общины: этическую («ethic») и эмическую («emic»), согласно классификации Конрада Коттака [10: 47]. Человек с фотоаппаратом (может быть, турист, знаток или любитель искусства) воплощает тех поляков, которые воспринимают лемков в измерениях этнографии и культуры, т. е. извне (с точки зрения наблюдателя уникального искусства), он одобряет идею перенесения церкви в городской скansen и ее реставрации. Рассказчик же, будучи связанным с этой землей и жизнью ее прежних и настоящих обитателей, воспринимает церковь с точки зрения самых лемков, для которых она представляет собой нечто большее, чем просто достопримечательность. Она – сфера внутреннего, священного, этнического, их начало и конец. В действительности, много лемковских церквей было перенесено в новые места, в т. ч. церковь Рождества Пресвятой Богородицы из с. Ропки (Ежи Тур описал эту церковь [40: 106–107], находящуюся сейчас в Саноцком музее Польши).

Как правило, Стасюк избегает в своей прозе вопроса о польско-украинских конфликтах. Тем не менее в результате внезапных скачков мыслей, формирующих калейдоскопическую смену воспоминаний Бабки (бабушки), одной из главных героинь сборника «Orowieści galicyjskie», читателю являются ее воспоминания о послевоенной разрухе и разграблении лемковской церкви польскими соотечественниками: «Безумная толпа напирала на ворота церкви. Под ударами топоров дерево раскалывается на белые щепки и замок поддается», «грохот и крушение внутри», «сломанные остатки иконостаса тащат в снег» [33: 120].

В более поздней прозе, «Wschód», написанной девятнадцать лет спустя, автор, говоря о лемках, меняет свою тональность, речь и образность: вместо лирического, слегка меланхолического, чувствительного

рассказчика, повествовавшего нам историю о духах, появился смелый, грубый, ироничный и самоироничный в своих автобиографических размышлениях и путевых заметках автор. Не без юмора Стасюк рассказывает о себе и своих коллегах, о жестоких жерновах истории и примирении со временем. Он выражает свое сострадание к лемкам по-новому, но однозначно и определенно.

«И теперь мы грузили прилавки [пэгээровских, т. е. совхозных] магазинов и шкафы на полу столетнего лемковского дома, чудом уцелевшего в деревне, из которой исчезли все дома. Шестьдесят четыре дома исчезли, сгорели, потерялись. Пятнадцать метров, массивные, с крутыми и высокими крышами, которые должны были держать сено всю зиму для крупного рогатого скота и овец. Как перевернутые корпуса кораблей с линиями белой глины <...>. Из шестидесяти четырех остался один, и теперь мы набивали его коммунистическими реликвиями. Для справедливости мы должны были сжечь их и рассеять пепел на четыре небесные ветры над Нижними Бескидами. <...> То же самое было сделано с шестьюдесятью четырьмя домами и всеми остатками Руси от Буга и Сяна до Шлахтовы и потока Грайцарек. Но нет. Мы продолжали загружаться. Дерево и склейка были жирными от рук и вещей, пропитанные запахами и тяжелые. Жизнь вошла в них и застыла. Слои жизни: лемковщина, коммунизм, и теперь мы, потные от тяжелой работы»¹⁵.

Да, Стасюк просто рассказывает, просто описывает историю, чтобы увековечить память об исторических ошибках и содеянном зле тех, кто был обольщен коммунистическим режимом после Второй мировой войны, и тех, кто поверил в ложь. Его литературное изложение истории констатирует, что пассивно наблюдавшие за этнической чисткой лемков оказались равнодушными свидетелями медленного их разрушения как общины и уничтожения их дома, их культуры. Посвященная лемкам проза Стасюка освобождает коллективную память лемков, тем самым способствуя укреплению этнической идентичности разбросанных по миру лемков-русинов. Польский автор принимает на себя коллективную ответственность за зло, причиненное лемковскому народу.

«Сможет ли он [Бог] когда-нибудь воскресить разрушенные деревянные дома, высохшие, засыпанные колодцы и все то, к чему у нас не было пощады? Даст ли он нам еще когда-нибудь знак? <...> Я возвращался домой тысячу раз с тем же чувством, что проезжал через какую-то пустыню, и мне приходилось рассказывать истории, мне приходилось прибегать к образам, чтобы не ошибиться, чтобы добраться до места назначения. Под большим небом, с этими историями, похожими на слабые огни ночью на равнине, где дует ветер. Я больше ничего не мог сделать. Ничего»¹⁶.

Примечания

1. Здесь и далее перевод с польского, английского наш. – О.В.

2. Некоторые украинские, русские и карпаторусские ученые определяют лемковский ареал на запад от реки Уж, тем самым подчеркивая единство лемков из Польши с русинами украинского Закарпатья. Например, С. Суляк пишет: «До 1947 г. лемки населяли территорию на обоих склонах Бескид (между реками Сан и Попрад и на запад от реки Ужа» [39: 291].

3. «<...> zawsze lubiłem sobie wyobrażać Łemków jako lud wędrowny. Zamykałem oczy i odtwarzałem ich wędrówkę w przestrzeni i czasie. Pod powiekami wyświetlał mi się łańcuch Karpat, który przy odrobinie wyobraźni może przypominać coś w rodzaju ludzkiego szkieletu. Widziałem, jak idą przez stulecia z Bałkanów, pędząc swoje stada. Może aż gdzieś z Rodopów, a może aż z Albanii. Kto może wiedzieć? W końcu albańskie *bjeshkë*, czyli "góra", bardzo przypomina nasze «Beskidy»... <...> Tak sobie ich wyobrażam, jako lud wędrowny, swobodny i może nawet półdziki. Bez ojczyzny o wyrazistych granicach, ale nadzwyczaj zadowolony w karpackim pejzażu. Gdy się patrzy na świat z góry, z grzbietu, z przełęczą, granice tracą znaczenie. Po prostu patrzy się na pofalowaną linię horyzontu i to ona jest najważniejsza. Zwłaszcza w tamtych czasach, gdy granice były niejasne, zmienne i strzeżone z umiarkowaną skutecznością. Nie wiemy nawet, ile zajęła im droga. Zjawili się w tutejszych okolicach, powiedzmy, w XIV wieku. Po drodze przyciągali do siebie okruchy innych ludów, tak jak magnes przyciąga drobinki metalu» [34: 138–139].

4. Два экземпляра грамматики находятся в Жешове: один – в отделе Пигониана Научной библиотеки Жешувского университета.

5. Перепись меньшинств (Narodowy Spis Powszechny) 2011 г. в Польше показала, что проживает 7 тыс. лемков с первой заявленной этнонациональностью и в общей сложности 10 тыс. (включая вторую заявленную этнонациональность) [21] (ср. с [13: 7]).

6. Такое же число приводит Квилецкий: «...в течение 1956–1958 гг. в общей сложности около 2 000 вывезенных лемков репатриировали» [12: 199]. Казимеж Пудло, со своей стороны, утверждает, что 6 тыс. семей лемков вернулись с 1956 г., т. е. около 3 % из пребывающих в Польше [23: 374].

7. Уже в 1997 г. Сусин Ю. Михаляски представил избранную библиографию публикаций по лемковскому вопросу за 1987–1993 гг. [15].

8. На русский язык переведены только четыре произведения: «Biały kruk» (1995; «Белый ворон», 2003), «Dukla» (1997; «Дукля», 2003), «Dziewięć» (1999; «Девять», 2005), «Noc. Słowiańsko-germańska tragicyfarsa medyczna» (2005; «Ночь. Славяно-германский медицинский трагифарс», 2007).

9. «W osiemdziesiątym szóstym zamieszkałem w drewnianym domu na odludziu. <...> Słońce wstawało znad ciemnego zbocza. Wspinało się wyżej i świeciło na tę wyludnioną krainę. Na groby i przydrożne krzyże. <...> Na szkielety cerkiewnych kopuł. Na resztki» [35: 14–15].

10. «Były krzyki, biegania, wywlekanie z chałup, przekleństwa, bicie. Żołnierze w mundurach, ale tak naprawdę to wyekwipowana polowo bezpieka <...> Czyli żadna przyroda, tylko polityka, nienawiść klasowa, nienawiść narodowościowa i błogosławieństwo kremłowskiego ludojada. Od samego początku nawiedzała mnie wizja niekończącego się węża furmanek wywożącego naród na stację kolejową w Zagórzanach. Dom za domem, rodzina za rodziną, wieś za wsią. Na furkach jechał dobytek (kilka godzin na spakowanie), małe dzieci i starcy. Reszta szła, prowadząc bydło. W obejściach zostały kury, psy i koty. Wsie latem czterdziestego siódmego musiały wyglądać dziwnie: skrzypiały na wietrze drzwi, na podłogach leżały porzucone sprzęty, otwarte szuflady, rozsypane zboże, puch w powietrzu. Panowała cisza i z żadnego komina nie unosił się dym. Ciekawi mnie, czy najpierw nadeszły z lasu lisy, by bez przeszkód plądrować kurniki, czy też rabusie z polskich wsi i miasteczek» [35: 15–16].

11. «Sąsiad opowiada mi o swoich wizytach na zachodzie, gdzie tak naprawdę żyje się wciąż trochę na walcach, bo przecież to niemieckie domy, niemiecka ziemia, a w łózkach tu i owdzie, zastawało się pierzyny jeszcze ciepłe protestanckim ciepłem. Darowana rzecz – jeśli tylko jest wystarczająco wielka – nigdy nie staje się rzeczą własną. Najbardziej dotyczy to ziemi. Zwłaszcza takiej, która wcześniej została zabrana i oddana w miejsce również zrabowanej. Cięży na niej podwójne przekleństwo własnego i cudzego nieszczęścia» [30: 88].

12. «<...> a dziś trawa kryje zarysy ich [Łemków] domów i trzeba zwierzęcego instynktu albo wprawy archeologa, by odkryć znaki niedawnego życia? <...> Gdy zabieram w te rejony jakiegoś człowieka Zachodu i próbuję mu wyjaśnić, że idzie przez ludną i gwarną wieś, nie może uwierzyć, że opowiadam historię sprzed pięćdziesięciu lat, a nie sprzed pięciuset. [Cmentarzom] udaje się przetrwać odrobinę dłużej» [30: 86–87].

13. Ежи Тип описывает несколько типов лемковских церквей, разнообразие сакральной архитектуры лемков, которое он объясняет особенностями местоположения Лемковщины, «тесными контактами двух культур – латинской и византийской и их взаимодействием» [41: 99–98].

14. «Miejsce. Bardzo szybko się uwinęli. W dwa miesiące. Pozostał prostokąt szarej, gliniastej ziemi. W lesistym i bezludnym pejzażu ta nagość wygląda jak płatek zdartej skóry. W przyszłym roku, pierwszy raz po dwustu latach, wyrośnie tutaj trawa. Albo raczej pokrzywy – one najprędzej zjawiają się w miejscach porzuconych przez ludzi» [33: 38].

15. «No i teraz ładowaliśmy sklepowe ludy i szafy na klepisko stuletniej łemkowskiej chaty, cudem przeżyłej we wsi, z której zniknęły wszystkie domy. Przepadło, rozpadło się, poszło z dymem, sześćdziesiąt cztery chałupy. Długie na piętnaście metrów, przysadziste, pod stromymi i wysokimi dachami, które miały zmieścić siano na całą zimę dla bydła i owiec. Jak odwrócone kadłuby statków z ciągnącymi się wzdłuż burt jasnymi liniami glinianej zaprawy spajającej jodłowe bale nasączone czarnym petroleem. Z sześćdziesięciu czterech przetrwała jedna i teraz upychaliśmy do jej wnętrza komunistyczne resztki. Chociaż żeby było sprawiedliwie, powinniśmy je spalić i popiół rozsypać na cztery wiatry nad Beskidem Niskim. Tak powinniśmy zrobić. Tak samo jak zrobiono z sześćdziesięciu czterema chałupami i tymi wszystkim resztkami dawnej Rusi od Bugu i Sanu po Szlachtową i potok Grajcarek. Ale nie. Ładowaliśmy. Drewno i sklejka były tłuste od dotyku rąk i rzeczy, nasiąknięte zapachami i ciężkie. Życie w nie weszło i zastygło. Warstwy życia: łemkowszczyzna, komunizm i teraz my, spoceni od ciężaru» [35: 11–12].

16. «Czy [On Pan Bóg] kiedykolwiek spojrzy na miejsca, w których żyjemy. Czy kiedykolwiek wskrzesi zrujnowane domy z drewna, wyschnięte, zasypane studnie i to wszystko, nad czym nie mieliśmy litości? Czy kiedykolwiek da nam jeszcze znak? <...> Wracałem do domu tysięczny raz z tym samym uczuciem, że jadę przez coś w rodzaju pustyni i muszę opowiadać historie, muszę przywoływać obrazy, by nie zbłądzić, by dotrzeć do celu. Pod wielkim niebem, z tymi opowieściami, które są jak wątłe ognie w nocy na równinie, gdzie wieje wiatr. Nic więcej nie mogłem zrobić. Nic» [32: 165].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Castler R.D.* Rusyn Movement among the Galician Lemkos // Richard D. Custer (ed.). *Rusyn-American Almanac of the Carpatho-Rusyn Society* 2004–2005. Pittsburgh, Pennsylvania: 2005. P. 82–92.

2. *Duć-Fajfer H.* Literatura łemkowska w drugiej połowie lat XIX i na początku XX wieku. Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej PAU. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2001. T. VII. 415 s.

3. *Gambal B.* Ruska Bursa wróciła do życia // Marek A. Koprowski (ed.). *Łemkowie. Losy zaginionego narodu*. Zakrzewo: Replika, 2016. S. 217–238.

4. *Horbal B.* Działalność polityczna Łemków na Łemkowszczyźnie 1918–1921. Wrocław: Alboretum, 1997. 190 s.

5. *Hryhor M.* Nerozwiązana ukraïns'ka problema v Polshchi // *Annals of the Word Lemko Federation*. Vol. II / ed. by John Hvosda (Ivan Hvozda). Camillus, New York: World Lemkos Federation, 1975. P. 134–152.

6. *Huk B.* (Гук Богдан) Історія // Наше Слово. 2008. № 34. С. 21–24.

7. Jasiak M. Overcoming Ukrainian Resistance: The Deportation of Ukrainians within Poland in 1947 // *Redrawing Nations: Ethnic Cleansing in East-Central Europe, 1944–1948* / eds by Philipp Ther, Ana Siljak. Lanham; Boulder; New York; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. P. 173–196.

8. Johnstone B. Translator's Introduction // Andrzej Stasiuk. Dukla, trans. and introduction by Bill Johnstone. Champaign, IL: Dalkey Archive Press, 2011. P.VIII.

9. Kaczyński A. Łemków miało nie być // *Życie Warszawy*. 22–28 sierpnia 1991. S. 1, 3.

10. Kottak C. *Mirror for Humanity: A Concise Introduction to Cultural Anthropology*. New York: McGraw-Hill, 2006. 400 p.

11. Kroh A., Drożdżik P. *Lemkowszczyzna / The Lemko Land*. Text Antoni Kroh. Photoes Piotr Drożdżik, trans. Magdalena Iwińska. Olszanica: Bosz, 2006. 192 s.

12. Kwilecki A. *Łemkowie. Zagadnienie migracji i asymilacji*. Warszawa: PWN, 1974. 321 s.

13. Machul-Telus B. *Wprowadzenie // Łemkowie* / Ed. by B. Machul-Telus. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2013. S. 7–10.

14. Mazur G. Problemy przesiedlenia Polaków z Ukrainy i Ukraińców z Polski w latach 1945–1946, Polska-Ukraina: trudne pytania. T.8: Materiały VIII międzynarodowego seminarium historycznego «Stosunki polsko-ukraińskie w latach II wojny światowej». Warszawa, 6–8 listopada 2000 / Ed. Romuald Niedzielko. Warszawa: Ośrodek KARTA, 2001. S. 15–57.

15. Michalasky S.Y. A Select Bibliography of Polish Press Writing on the Lemko Question, 1987–1993. URL: <http://www.carpatho-rusyn.org/susyn/susyn2.htm> (дата обращения: 16.01.2018).

16. Miśło E. *Akcja «Wiśła»*. Warszawa: Archiwum Ukraińskie, 1993. 1247 s.

17. Moklak J. *The Lemko Region in the Second Polish Republic. Political and Interdenominational Issues*. Kraków, 2012. PDF.

18. Moklak J. *The Lemko Region in the Second Polish Republic: Political and Interdenominational Issues, 1918–1939*. Cracow: Jagiellonian UP, 2013. 174 p.

19. Moklak J. *Political Orientations Among the Lemkos in the Inter-War Period (1918–1938): An Outline* // *The Lemkos of Poland, Articles and Essays* / Eds by Paul Best, Jarosław Moklak. Cracow; New Haven: Carpatho-Slavic Studies Group and Historia Jagellonica Press, 2000. P. 27–32.

20. Pisuliński J. *Przesiedlenie ludności ukraińskiej z Polski do USSR w latach 1944–1947*. Rzeszów: Libra PL, 2009. 590 s.

21. *Przynależność narodowo-etniczna ludności* // Raport z wyników. Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011. Warszawa: Główny Urząd Statystyczny, 2012. S. 105–107.

22. Pudło K. *Łemkowie. Proces wrastania w środowisko Dolnego Śląska 1947–1985*. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1987. 197 s.

23. Pudło K. *Dzieje Łemków po drugiej wojnie światowej (Zarys problematyki) // Łemkowie w historii i kulturze Karpat*. T. 1 / ed. J. Czajkowski. Sanok: Muzeum budownictwa ludowego, 1995. S. 351–386.

24. *Raport o stanie zachowania zabytków nieruchomych w województwie małopolskim. Zabytki wpisane do rejestru zabytków*. Warszawa: Narodowy Instytut Dziedzictwa, 2017a. 99 s.

25. Raport o stanie zachowania zabytków nieruchomych w województwie podkarpackim. Zabytki wpisane do rejestru zabytków. Warszawa: Narodowy Instytut Dziedzictwa, 2017b. 164 s.
26. *Reinfuss R.* Etnograficzne granice Łemkowszczyzny // *Ziemia*. 1936. R. XXVI, № 10–11. S. 240–253.
27. *Reinfuss R.* Śladami Łemków. Warszawa: PTTK «KRAJ», 1990. 149 s.
28. *Reinfuss R.* Łemkowie jako grupa etnograficzna. Sanok: Muzeum Budownictwa Ludowego w Sanoku, 1998. 96 s.
29. *Smele J.D.* Historical Dictionary of the Russian Civil Wars, 1916–1926. London: Rowman & Littlefield, 2015. 1470 p.
30. *Stasiuk A.* Dziennik okrętowy // Andruchowycz J., Stasiuk A. *Moja Europa*. Dwa eseje o Europie zwanej Środkową. Wołowiec: Czarne, 2001. S. 77–140.
31. *Stasiuk A.* Dukla. Wołowiec: Czarne, 2005. 127 s.
32. *Stasiuk A.* Dziennik pisany później z fotografiami Dariusza Pawelca. Wołowiec: Czarne, 2010. 168 s.
33. *Stasiuk A.* Opowieści galicyjskie. Wołowiec, 2011. 128 s.
34. *Stasiuk A.* Nie ma ekspresów przy żółtych drogach. Wołowiec: Czarne, 2013. 176 s.
35. *Stasiuk A.* Wschód. Wołowiec: Czarne, 2014. 314 s.
36. *Stasiuk A.* Życie to jednak strata jest. Andrzej Stasiuk w rozmowach z Dorotą Wodecką. Czarne: Agora SA, 2015, 196 s.
37. *Struminski B.* The origin of the Lemko dialect // *The Lemkos of Poland, Articles and Essay* / Eds by Paul Best, and Jarosław Moklak. Cracow and New Haven: Carpatho-Slavic Studies Group and Historia Jagellonica Press, 2000. P. 101–106.
38. *Subtelny O.* Expulsion, Resettlement, Civil Strife: The Fate of Poland's Ukrainians, 1944–1947 // *Redrawing Nations: Ethnic Cleansing in East-Central Europe, 1944–1948* / eds by Philipp Ther, Ana Siljak. Lanham; Boulder; New York; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. P. 155–172.
39. *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // *Русин*. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16
40. *Trzeczyska P.* Łemkowszczyzna zapamiętana. Opowieści o przeszłości i przestrzeni. Kraków: W-wo JU, 2013. 446 s.
41. *Tur J.* Architektura cerkiewna // *Giemza J.* Cerkwie i ikony Łemkowszczyzny. Rzeszów: Libra, 2017. S. 107–120.

REFERENCES

1. Castler, R.D. (2005) Rusyn Movement among the Galician Lemkos. In: Custer, R.D. (ed.). *Rusyn-American Almanac of the Carpatho-Rusyn Society 2004–2005*. Pittsburgh, Pennsylvania: Slavia Printing. pp. 82–92.
2. Duć-Fajfer, H. (2001) Literatura łemkowska w drugiej połowie lat XIX i na początku XX wieku. In: *Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej PAU*. Vol. 7. Kraków: Polska Akademia Umiejętności.
3. Gambal, B. (2016) Ruska Bursa wróciła do życia. In: Koprowski, M.A. (ed.) *Łemkowie. Losy zaginionego narodu*. Zakrzewo: Replika. pp. 217–238.

4. Horbal, B. (1997) *Działalność polityczna Łemków na Łemkowszczyźnie 1918–1921*. Wrocław: Alboretum.
5. Hryhor, M. (1975) Nerozwiązana ukraińska problema v Polshchi. In: Hvosda, J. (ed.) *Annals of the World Lemko Federation*. Vol. 2. Camillus, New York: World Lemkos Federation. pp. 134–152.
6. Huk, B. (2008) Ictoriya. *Nashe Slovo*. 34. pp. 21–24.
7. Jasiak, M. (2001) Overcoming Ukrainian Resistance: The Deportation of Ukrainians within Poland in 1947. In: Ther, Ph. & Siljak, A. (eds) *Redrawing Nations: Ethnic Cleansing in East-Central Europe, 1944–1948*. Lanham; Boulder; New York; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers. pp. 173–196.
8. Johnstone, B. (2011) Translator's Introduction. In: Stasiuk, A. *Dukla*. Champaign, IL: Dalkey Archive Press. p. VIII.
9. Kaczyński, A. (1991) Łemków miało nie być. *Życie Warszawy*. 22nd – 28th August. pp. 1, 3.
10. Kottak, C. (2006) *Mirror for Humanity: A Concise Introduction to Cultural Anthropology*. New York: McGraw-Hill.
11. Kroh, A. & Drożdżik, P. (2006) *Lemkowszczyzna / The Lemko Land*. Olszanica: Bosz.
12. Kwilecki, A. (1974) *Łemkowie. Zagadnienie migracji i asymilacji*. Warszawa: PWN.
13. Machul-Telus, B. (2013) Wprowadzenie. In: Machul-Telus, B (ed.) *Łemkowie*. Warsaw: Wydawnictwo Sejmowe. pp. 7–10.
14. Mazur, G. (2001) Problemy przesiedlenia Polaków z Ukrainy i Ukraińców z Polski w latach 1945–1946. In: Niedzielko, R. (ed.) *Polska-Ukraina: trudne pytania*. Vol. 8. Warsaw: Ośrodek KARTA. pp. 15–57.
15. Michalasky, S.Y. (n.d.) *A Select Bibliography of Polish Press Writing on the Lemko Question, 1987–1993*. [Online] Available from: <http://www.carpatho-rusyn.org/susyn/susyn2.htm> (Accessed: 16th January 2018).
16. Misilo, E. (1993) *"Akcja Wisła"*. Warsaw: Archiwum Ukraińskie.
17. Moklak, J. (2012) *The Lemko Region in the Second Polish Republic. Political and Interdenominational Issues*. Kraków: [s.n.].
18. Moklak, J. (2013) *The Lemko Region in the Second Polish Republic: Political and Interdenominational Issues, 1918–1939*. Kraków: Jagiellonian University Press.
19. Moklak, J. (2000) Political Orientations Among the Lemkos in the Inter-War Period (1918–1938): An Outlin. In: Best, P. & Moklak, J. (eds) *The Lemkos of Poland, Articles and Essays*. Kraków; New Haven: Carpatho-Slavic Studies Group and Historia Jagellonica Press. pp. 27–32.
20. Pisuliński, J. (2009) *Przesiedlenie ludności ukraińskiej z Polski do USSR w latach 1944–1947*. Rzeszów: Libra PL.
21. Adach-Stankiewicz, E. et al. (2012) *Raport z wyników. Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011*. Warsaw: Główny Urząd Statystyczny. pp. 105–107.
22. Pudło, K. (1987) *Łemkowie. Proces wrastania w środowisko Dolnego Śląska 1947–1985*. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze.
23. Pudło, K. (1995) *Dzieje Łemków po drugiej wojnie światowej (Zarys*

- problematyki. In: Czajkowski, J. (ed.) *Łemkowie w historii i kulturze Karpat*. Vol. 1. Sanok: Muzeum budownictwa ludowego. pp. 351–386.
24. Warchoń, M. (ed.) (2017a) *Raport o stanie zachowania zabytków nieruchomych w województwie małopolskim. Zabytki wpisane do rejestru zabytków*. Warsaw: Narodowy Instytut Dziedzictwa.
25. Warchoń, M. (ed.) (2017b) *Raport o stanie zachowania zabytków nieruchomych w województwie podkarpackim. Zabytki wpisane do rejestru zabytków*. Warsaw: Narodowy Instytut Dziedzictwa.
26. Reinfuss, R. (1936) Etnograficzne granice Łemkowszczyzny. *Ziemia*. 10–11. pp. 240–253.
27. Reinfuss, R. (1990) *Śladami Łemków*. Warsaw: PTTK "KRAJ".
28. Reinfuss, R. (1998) *Łemkowie jako grupa etnograficzna*. Sanok: Muzeum Budownictwa Ludowego w Sanoku.
29. Smele, J.D. (2015) *Historical Dictionary of the Russian Civil Wars, 1916–1926*. London: Rowman & Littlefield.
30. Stasiuk, A. (2001) Dziennik okrętowy. In: Andruchowycz, J. & Stasiuk, A. *Moja Europa. Dwa eseje o Europie zwanej Środkową*. Wołowiec: Czarne. pp. 77–140.
31. Stasiuk, A. (2005) *Dukla*. Wołowiec: Czarne.
32. Stasiuk, A. (2010) *Dziennik pisany później z fotografiami Dariusza Pawelca*. Wołowiec: Czarne.
33. Stasiuk, A. (2011) *Opowieści galicyjskie*. Wołowiec: [s.n.].
34. Stasiuk, A. (2013) *Nie ma ekspresów przy żółtych drogach*. Wołowiec: Czarne.
35. Stasiuk, A. (2014) *Wschód*. Wołowiec: Czarne.
36. Stasiuk, A. (2015) *Życie to jednak strata jest. Andrzej Stasiuk w rozmowach z Dorotą Wodecką*. Czarne: Agora SA.
37. Struminski, B. (2000) The origin of the Lemko dialect. In: Best, P. & Moklak, J. (eds) *The Lemkos of Poland, Articles and Essays*. Kraków; New Haven: Carpatho-Slavic Studies Group and Historia Jagellonica Press. pp. 101–106.
38. Subtelny, O. (2001) Expulsion, Resettlement, Civil Strife: The Fate of Poland's Ukrainians, 1944–1947. In: Ther, Ph. & Silja, A. (eds) *Redrawing Nations: Ethnic Cleansing in East-Central Europe, 1944–1948*. Lanham; Boulder; New York; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers. pp. 155–172.
39. Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16
40. Trzeczcyńska, P. (2013) *Łemkowszczyzna zapamiętana. Opowieści o przeszłości i przestrzeni*. Kraków: W-wo JU.
41. Tur, J. (2017) Architektura cerkiewna. In: Giemza, J. *Cerkwie i ikony Łemkowszczyzny*. Rzeszów: Libra. pp. 107–120.

Веретюк Оксана – профессор, доктор философских наук, заведующая отделом компаративистики Жешувского университета (Польша).

Oksana Weretiuk – University of Rzeszów (Poland).

E-mail: neofilologia.ch@ur.edu.pl

УДК 811.161

UDC

DOI: 10.17223/18572685/60/11

ФОНЕМЫ І ЇХ ВАРІАНТЫ В РУСИНЬСЬКІМ ЛІТЕРАТУРНІМ ЯЗЫКУ НА СЛОВАКІЇ (КОНСОНАНТЫ)

К. Копорова

Пряшівска універзіта у Пряшові, Центр языків і культур
народностных меншын,

Інштут русиньского языка і культуры

Словенско, 08001, Пряшів, ул. 17 новембра, 15

E-mail: kkorov@gmail.com

Авторське резюме

Русинський літературний язык на Словакії (кодифікований в р. 1995) дає простор на шыршы лінгвістичны баданя єднотливых языковых ровин, в тім контексті ай ровины фонетічної і фонологічної. В статі прадставляєме высловностны варіанты выбратых консонантів в русиньскім літературнім языку на Словакії в їх єднотливых фонологічных реалізаціях. Операме ся притім о властны баданя культуры говореной подобы сучасного русиньского языка на Словакії, а таксамо о выслідкы бадань лінгвістів, котры ся в минулости орьєнтовали на выскум русиньских діалектів (Олаф Брех, Іван Панькевич, Георгій Геровскій), але передовшыткым о выслідкы научных бадань фонетіка і фонолога Василя Латту і кодифікатора русиньского языка на Словакії Василя Ябура. Штудія є сучастєв приправлєваных правил ортоепії в русиньскім літературнім языку на Словакії.

Ключові слова: русинський літературний язык, консонантічна сістема, фонемы, варіанты фонем.

ФОНЕМЫ И ИХ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ В РУСИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ В СЛОВАКИИ (КОНСОНАНТЫ)

К. Копорова

Пряшевский университет в Пряшеве
Словакия, 08001, г. Пряшев, ул. 17 ноября, 15
E-mail: kkorov@gmail.com

Авторское резюме

Литературный русинский язык в Словакии (кодифицирован в 1995 г.) дает возможность для более широких лингвистических исследований на отдельных уровнях языка, в данном контексте – фонетического и фонологического. В исследовании мы представляем варианты произношения некоторых согласных в русинском литературном языке Словакии в их отдельных фонологических реализациях. При этом мы опираемся на собственное исследование культуры разговорной формы современного русинского языка в Словакии, а также на результаты исследований лингвистов, которые ранее имели дело с русинскими диалектами (Олаф Брех, Иван Панкевич, Георгий Геровский), а прежде всего – фонетика и фонолога Василя Латты и кодификатора русинского литературного языка в Словакии Василя Ябура. Исследование является частью предстоящей орфоэпической нормы в русинском литературном языке в Словакии.

Ключевые слова: русинский литературный язык, система согласных, фонемы, варианты фонем.

PHONEMES AND THEIR PRONUNCIATION VARIATIONS IN STANDARD RUSIN LANGUAGE IN SLOVAKIA (CONSONANTS)

K. Koporova

University of Preshov (Slovakia)
15 November Street, Preshov, 08001, Slovakia
E-mail: kkorov@gmail.com

Abstract

Standard Rusin language in Slovakia (codified in 1995) provides space for greater linguistic research within individual levels of language; namely the phonetic and pho-

nological level, as in this article. The study presents pronunciation variations of selected consonants in standard Rusin in Slovakia in their individual phonological realisations. The author draws on her original research into the culture of contemporary Rusin spoken in Slovakia, as well as the results by linguists who dealt with Rusin dialects in the past (Olaf Broch, Ivan Paňkevič, Georgij Gerojskij, and others), primarily the research by the phonetician and phonologist Vasi Latta, and the codifier of standard Rusin in Slovakia Vasi Jabur. The study is part of the forthcoming orthoepic norm of standard Rusin in Slovakia.

Keywords: Standard Rusin language, consonant system, phonemes, phonemic variations.

Фонетичны знаки:

[й]: /j/ яма, мыю [јама/мыју]
 [дз]: /ʒ/ дзявкати [ʒ'аўкати]
 [дж]: /ʒ'/ джамити [ʒ'ами'єти]
 [м]: /m/ стрямба, самба [с'тр'а-тба/са-тба]
 [н]: /n/ планка, струнга [п'лап'ка/с'труп'га]
 [н]: /ɲ/ кінця, вінця [к'і ɲ'ц'а/в'і ɲ'ц'а]
 [н']: /ɲ'/ мынька, гунька, паньський, ганьба [мыɲ'ка/гуɲ'ка/паɲ'ц'кыј/гаɲ'ба]
 [н]: /ɲ/ бронхітіда, мюнхеньський [бр'оп'хітіда/м'јуɲ'хєɲ'ц'кыј]
 [в]: /ʎ, w/ лавка, взяв, вгень, вдовіця, взябнути ся [лаў'ка/вз'аў, вгєн'/вдовіц'а/вз'абнуті с'а]
 [в]: /f/ вташок, втерати, вчера, вчитель [ф'ташок/ф'тераті/ф'чера/ф'чітел']
 [ф]: /w/ трафме, Осиф закрічав [т'раф'ме/осиw закрічаў]

В гранатых скобках – [] уводиме фонему.

В двох ограничених доправа нагнутых чарах – // уводиме высловность данной фонемы (у формі варіанту фонемы), напр.: фонема [ф] і ей высловностный варіант /w/.

Або фонема [в] і ей высловностный варіант /ф/. В тім припадї фонема [ф] в дефінованій позиції набывають штатут варіанту фонемы [в], зато ей означуємо як кажый іншый варіант фонемы – /ф/.

Кедь настає тотожность у выловности, то значить, фонема і ей звукова реалізація суть тотожны, тогды фонему графічно уводиме в гранатых скобках, а ей варіант в двох доправа нагнутых чарах – //, напр.: фонема [ф] і ей высловность – /ф/.

Вступны позначкы

Сістема вокалів і консонантів в русиньскім літературнім языку

була становлена на основі вислідків научних бадань в русинських діалектах. Кількість вокалів в русинських діалектах колыше од 5 до 8. Про вшыткы діалекты суть сполочны вокалы: *i, e, a, o, y*, причім притомность або абсенція далшых вокалів – *ÿ, u, ы* (будь вшыткых, або хоцькотрого з них) є єдным з главных діференціаčných знаків фонологічных систем тых діалектів. За основу кодифікації русинського языка був взятий діалект, в котрім подля векшыны авторів фунгує 7-членна система вокалів: ***a, e, u, i, ы, o, y***. То значить, русинський кодифікований язык мать 7 гласных фонем (кажда зо своєв самостатнов графемов). Система гласных фонем (ай з їх варіантами) русинського нормативного языка мать свої шпецифічності, котрыма ся одрізнять од других выходославянських языків (українського і російського). Тото тверджія можеме розшырити ай на систему согласных звуков. Дакотрыма з них ся будеме занимати в нашій статі.

Інвентарь гласных звуков / вокалів ай з їх варіантами:

a; e, ê; i; o, ô, oʸ; y; и, иʸ; ы.

Як сьме высше спомянули, в нашій статі ся будеме концентровати на согласны звуки (консонанты) і їх высловностны варіанты в русинськім нормативнім языку. Выходячі з научних бадань передувшыткым русинського фонетика і фонолога Василя Латты система консонантізму в русинських діалектах ся по укончіню процесу діспалаталізації согласных перед етимологічныма ***e, i*** стабілізувала і набыла таку подобу:

1. Корелатівны пары подля критерія непалаталности-палаталности:
д – д', т – т', н – н', л – л', з – з', с – с', р – р'.

Лінгвіста Василь Ябур тоту систему розшырив о дві діспалаталізованы фонемы. Суть то тверды согласны: ***дз, ц*** [10: 152–153]. На потверджія екзистенції твердых ***ц, дз*** в русинськім языку мож увести опозиції твердых і мягких ***ц, дз*** у таких словах, як, напр.: *дзвонити – дзёбати, цап – цяп...* То значить, же кількість опозитных пар подля твердости і мягкости в сучаснім русинськім языку ся підняло із 8 (подля В. Латты) на 9 корелативных пар.

2. Корелатівны пары подля критерія дзвінкості і глухості: ***в – ф, б – п, д – т, д' – т', з – с, з' – с', ж – ш, дз' – ц', дж' – ч, г – х, г' – к, дз – ц*** [10: 152–153]. Як видно, рахуючі протиставління ***дз-ц*** ай число корелативных пар подля дзвінкості і глухості ся підняло о єдну пару, тогды доведна маєме 12 корелативных пар.

3. Рахуючі 9 корелативных пар подля твердости і мягкости (доведна 18 согласных фонем) із все твердыма ***б, в, г, ґ, м, п, ф, х, к, ш, ж*** і все мягкыма ***ч', дж', й'*** дістаєме комплетный інвентарь согласных в русинськім нормативнім языку на Словакії (32 фонем: ***б, в, г, ґ, д, д', дз, дз', дж, ж, з, з', й, к, л, л', м, н, н', п, р, р', с, с', т, т', ф, х, ц, ц', ч, ш***), до котрых сьме доповнили їх варіанты.

Табличка консонантів і їх высловностных варіантів у русиньскім языку на Словакії

Спосіб творіння														
Ворговы / лабіалы					Заднєпіднебны / велары					Переднєпіднебны / переднєязычны / зубны / денталы				
Експлозі- вы	Зв.	Гл.	Тв.	М'яг.	Тв.	М'яг.	Тв.	М'яг.	Тв.	М'яг.	Тв.	М'яг.	Тв.	М'яг.
			Б		Г		Д	Д'						
Фрікативы	Зв.	Гл.	П		К		Т	Т'						
			В ʋ w ф		Г		З	З'	Ж ж'					
	Гл.		Ф w		Х		С	С'	Ш ш'					
							ДЗ	ДЗ'		ДЖ'				
Афіка- ты	Зв.	Гл.					Ц	Ц'		Ч'				
Замкнуто-проход. Носовы	Соноорны		М m				Н, њ n	Н'	н'					
														Й'
Ві-6- ранты	Соноор- ны						Л	Л'						
							Р	Р'						

Спосіб творіння

Інвентарь согласных звуков / консонантів ай з їх варіантами: б; в, ѣ, w; г, г'; д; д'; ж, ж'; з; з'; дз (з); дз' (з'); дж' (ж'); й (j); к; л; л'; м, m; н, њ, n; н'; њ'; п; р; с; с'; т; т'; ф; х; ц; ц'; ч'; ш, ш'. Доведна 39 звуків.

Фонема [м] і єй высловностный варіант /m/

Фонема [н] і єй высловностны варіанты /n/ і /n'/

Фонема [н'] і єй высловностный варіант /n'/

Носовы оклузівны согласны **м, н, н'**, як можеме відіти з таблички, рядиме ід сонорам. В ортоепії підлягають асімілачным, респ. неутралізачным змінам. Соноры не мають свою корелатівну пару (як, напр.: дзвінкы сонгласны протів глухым), што є єден із способів реалізації асімілації, зато їх зміна у высловности проходить подля кус інакшых правил і будеме єй характеризовати як єден із способів неутралізації [12: 37–41]. Яв неутралізації є характеризований дакотрыма фонологами як яв, в котрім іста фонема в істій фонологічній реалізації страчать єдну свою властность, а то таку, котру актуално не потребує. Подля той дефініції в істых позиціях носовый білабіалный оклузівный звук /m/ і страчать свою властность білабіалности і мінить ся на носовый лабіоденталный оклузівный варіант /m/ в позиції перед білабіалным /b/. Інкшыма словами, споїня у слові двох консонантів **-mb-** высловлюєме як **/mb/**, напр.: *стрямба, зумба, блomba, бомбуля, бомба* [стр'атба/зутба/блomba/бомбул'а/бомба].

Як видно з прикладів, суть то слова чужого походжіня, або чужі властны назвы.

Носовый преалвеоларный (переднёязычный) оклузівный согласный **/н/** ся в істых фонологічних реалізаціях неутралізує на два варіанты:

1. На носовый веларный (мягкопіднебный) оклузівный **/ŋ/** высловлюєме в позиції перед **/к/** або **/т/**, напр.: *банка, планка, струнга* [баŋка/плаŋка/стуŋга].

2. На носовый веларный (мягкопіднебный) щербинный **/ɲ/** в позиції перед согласным **/х/**, напр.: *бронхііда, мюнхеньский* [бронхііда мјуŋхен'цкыj] [12: 59–60].

Носовый алвеопалаталный (ясовопіднебный, переднёпіднебный) оклузівный **/ɲ'/** ся в русиньскім языку неутралізує на носовый преалвеоларный (переднёязычный) констріктивный (щербинный) **/ɲ'/**, а то в позиціях перед **-б-, -к-, -ц-** (ту іде о суфікс **-ск-**, котрый має высловностну подобу **-цк-**, при творіню адъектівів од назывників, напр.: *убляньский, паньский, живаньский, чиньский* [убл'аɲ'цкыj/паɲ'цкыj/жываɲ'цкыj/чiɲ'цкыj]..., **-ц'-**, напр.: *ганьба, мынька, вінець – вінця, конець – до кінця, убляньский, паньский* [гаɲ'ба/мыɲ'ка/кi ɲ'ц'а/вi ɲ'ц'а/убл'аɲ'цкыj/паɲ'цкыj/жываɲ'цкыj].

Фонема [в] і її висловностні варіанти /ʎ/, /w/, /ф/

Воргово-зубну (лабіоденталну) шумову (фрікативну) согласну фонему [в] висловлюємо як воргово-зубний (лабіоденталний) шумовый (фрікативный) согласный звук /в/:

– на зачатку слова перед гласними звуками і перед сонорами, напр.: *вода, ваза, вино*, [вода /ваза /вино];

– в середині слова, кедь позад нього наслідуює гласний звук: *пава, пиво, сивий, ковати* [пава /пиво/сивий/ ковати];

Як воргово-ворговий (білабіалний) шумовий (фрікативний) звучний согласный звук /ʎ/ перед глухими согласными: *лавка, дівка* [лаўка/д іўка]:

– таксама на концю складу по гласных звуках перед дзвінкими согласными: *мовда, совда, правда, кривда* [моўда/соўда/праўда/криўда];

– на концю слова (неутралізація на концю слова): *биров, багов, пив, спав, копав* [бироў/багоў/ниў/снаў/копаў];

Як дзвінкий шумовий (фрікативний) согласный звук /w/ висловлюємо фонему [в] перед дзвінкими согласными, напр.: *вгень, вдовиця, възбнути ся* [wгѣн'/wdowic'a/wз'abnuti s'a]...

Як глухий шумовий (фрікативний) звук /ф/ висловлюємо фонему [в] перед глухими согласными звуками, напр.: *вташок, втерати, вчера, вчитель* [фташок/фтерати/фчера/фчител']. При уведжених прикладах треба конштатовати, же подобы тих слов мають ай свої дублетні варіанти, в котрых намісто согласного -в- находиме гласный -у-, напр.: *утерати, учера/учара, учитель*... Як видно, тот висловностный яв настає внаслідку неутралізації формов асіміляції по глухости, што назначує, же **в-ф** фунгують в русиньскім языку як корелативна пара [10: 152–153; 11: 12]. В контексті фонологічного протикладу дзвінкості – глухості односно корелативной пары **в – ф** в русиньскім языку (то значить факту, же дзвінкий -в- ся в істих позиціях неутралізує на свою глуху пару -ф- професорка Юлія Дудашова уводить: «*V dôsledku presunu fonémy /v/ medzi sonóry a fonémy /f/ medzi nepárové neznelé, ktorý sme zdôvodnili z fonologického hľadiska a ktorý navrhujeme v našom opise, sa znížil počet konsonantov tvoriacich znelostnú koreláciu z pôvodného počtu dvanásť na jedenásť*» [4: 125]. Як єден з аргументів уводить, же на концю слова /в/ не підлігати оглушіню на свою глуху пару /ф/, але неутралізує ся на білабіалне /ʎ/. Думаємо сі, же тот аргумент не є релевантний про таке рігоровне тверджіня, тым веце, же ай у словацькім языку (котрый є в тіснім сусідстві із русиньським языком) на концю слова настає така сама ситуація, порівнай русиньске: *кров, церьков* [кроў /церькоў]..., протів словацького: *krv, cirkev* [krŭ /cirkeŭ]... Наконєць, опозицію консонантів **в – ф** (асіміляцію по

глухости) у своїх научних роботах визначив ай Георгій Геровскій із доложенима прикладми *втечі, в хыжи, в саді, в полі, в церкви* [фте-чі/ф хыжи/ф сад і/ф пол і/ф церкви] і другима [3: 32–33], а таксамо Іван Панькевич, котрый термінологічно означає дзвінки і глухи як «звонкі і тихі» [7: 9; 8: 10].

Далшым релевантним фактом є тот, же фонема [ф] в русиньскім языку є заряджена до фонологічної системи русиньского языка, то значить, же в русиньскім языку є дость много слов, в котрых [ф] фунгує як самостатна фонема (доказом екзистенції фонемы [ф] суть фонологічны протиставліня: *кофа* – *копа*, *фару* – *пару* – *вару*) [9: 64–74]. В сусіднім українськім языку (де ся тота фонема находить переважно в чуждих і оноματοпоічных словах) ся в словах із фонемов [ф] находить звычайно споїня -пл- (*фляшка* – *пляшка*), -кв- (*фасоля* – *квасоля*). Мы будеме прото заставати погляд словацьких лінгвістів Шімона Ондруша і Яна Сабола, подля котрых согланий звук /в/ в собі споює властности фрікативы (як шумового консонанту) і соноры [6: 117–118]. На основі той характерістики в літературнім словацькім языку (а тогды ай в літературнім русиньскім языку як в сусіднім языку, де мож раховати з меджіязыковов інтерференцієв) пара **в** – **ф** ся рядить меджі корелативны пары подля крітерія дзвінкость – глухость. В словацькім языку є того погляду і фонолог Абел Краль, котрый твердить: «*Spoluhlásky v, ť sú (obidve) znelé a svojim výskytom (pozične) sa líšia tak, že v stojí na začiatku slabiky pred samohláskou, ť zasa v koncovej časti slabiky po samohláske... Znelostný pár tvoria spoluhlásky w, f (w je znelé, f je neznelé). Spoluhlásky w, f sa teda v reči správajú tak, ako iné párové spoluhlásky*» [5: 58]. Мы ся лем можеме з уведженим поглядом стсотожнити, бо в русиньскім языку можеме увести тоты самы приклады слов із даныма позиціями согласных звуків /в/, /ў/, напр.: *вода, ведро, веселый, редьковка, стовка, ваковка* [вода / ведро / веселый / рет коўка / стоўка / вакоўка]. Про тото тверджіня маєме іші далшый аргумент. Кедь бы сьме хотіли припустити, же **в** – **ф** не будеме поважовати за корелативну пару подля крітерія дзвінкость – глухость, тогды бы сьме не могли за нормативну поважовати высловность слов, в котрых настає неутралізація фонемы [в] способом асіміляції. Суть то слова, котры в українськім літературнім языку мають подобу з гласным звуком /у/ (русиньскы: *вчитель, вчера, втікати, втішовати* ся протів укр.: *учитель, учора, утікати, утішуватися*). Маєме в русиньскім языку таксамо слова, зачінаючі согласным **в**-, позад котрого наслідуює дзвінкый, або сонорный консонант, што значить, же перед нима ся согласный /в/ неутралізує і высловлює як дзвінкый (звучый) шумовый (фрікативный) варіант /w/, причім в літературнім українськім языку уведжены лексеми суть зафіксованы із вокалом **у**- на зачатку

слова, або із сполученням **во-**, напр.: *вдовиця* [wɔdɔvɪc̣ ɔ̌], *вдати ся* [wɔdatɪ ṣ ɔ̌] (на дакого) *вгень* [wɔɣɛn], протів укр.: *удовиця* [wɔdɔvɪc̣ ɔ̌], *удатися* [wɔdatɪṣ ɔ̌], *вогонь* [wɔgɔn].

В русиньскім языку на Словакії фунгує таксамо споїня препозиції **в** із словом, котре може зачинати на сонорный согласный, напр.: *в земли*, *в дїрі*, *в небі* [w ɛмлі w ɔ̌ ір і /w нѣбі]... В такім припадї ся фонема **[в]** неутралізує (але уже не способом асиміляції подля критерія дзвінкість – глухость) на свій дзвінкий (звучный) шумовый (фрікативный) варіант **/w/**.

На тот факт навязує і далшый высловностный варіант корелачной пары **ф – w**.

Фонема **[ф]** і єй высловностный варіант **/w/**

Глуху согласну шумову (фрікативну) фонему **[ф]** высловнюєме як глухий согласный шумовый (фрікативный) звук **/ф/**:

- на зачатку слова (перед гласными і согласными звуками, напр.: *фасоля*, *фукати*, *форґотів*, *фіґлі*, *фляснути*, *фляшка*, *фляйстер* [fasɔl̥ ɔ̌ / fukatɪ / forɣotɪv̥ / fɪɣl̥ i / fl̥ ɔ̌snutɪ / fl̥ ɔ̌шка / fl̥ ɔ̌jster];

- в середині слов перед гласными звуками, напр.: *кофа*, *куфер*, *трафити* [kɔfa/kufɛr/trafɪtɪ];

- на кінці слова, кедь позад нѣго наслїдує павза, або кедь слїдує слово зачинать на глухий согласный звук, напр.: *міф*, *голф*, *шеф* *пришов*, *міф стратив на актуалности* [mɪf/ɣɔlf/ʃɛf prɪʃɔv̥/mɪf strɪtɪv̥ na ɔ̌ktuɔlɔnɔstɪ];

Глуху согласну шумову (фрікативну) фонему **[ф]** высловнюєме як дзвінкий шумовый (фрікативный) звук **/w/** на концю морфемы, або на концю слова перед вокалами і сонорами, напр.: *трафме*, *Осиф закрїчав*, *Осиф одыйде* [trɔfmɛ/osɪw zakrɪtʃɔv̥/osɪw ɔ̌dɪjɔdɛ].

Фонема **[ж]** і єй высловностный варіант **/ж'/**

Дзвінка согласна шумова (фрікативна) фонема **[ж]** в русиньскім языку ся характерізує все як тверда. Кедь попозерати до історії баданя русиньских діалектів, то уже норьскый славїста Олаф Брех конштатує твердость консонанту **ж** і уводить лем два приклады, в котрых ся высловлюють уведжены согласны звуки мягко. Суть то слова *руж ɔ̌* (кожна хворота) і *друж і* (дрїджі) [1: 67–68]. Лїнгвіста Ю. Ванько, котрый ся у своїх баданях концентровав на сінтаксічну ровину сучасного русиньского языка, односно фонологічної сїстемы русиньского языка конштатує: «*Nijaký slovanský jazyk nemá takú dispalatalizáciu konsonantov ž a š...*» [2: 43]. Высловность согласного **ж** в істых позиціях є намного твердша, як напр. в словацькім або українськім языку. Суть

то позиції перед гласним **ы**, а то як на зачатку, так в середині, або і на кінцю слова, напр.: *жыто, жыван, пожычіти, ножычкы, біжыть* [*жыто/жыван/пожычіти/ножычкы/біжыт*]. Послідній приклад докінця вказує ай на зміну в часованю уведженого часослова (часослово другого, або и-часованя, де у другій і третій особі сінгулару ся мінить тематичный гласный **-и-** на **-ы-**, порівнай із українським языком: русинь.: *біжати/біжти* – *біжыш, біжыть*, укр.: *бігти* – *біжиш, біжить*, што ся діє наслідком твердого **ж**, а таксамо факту, же уведжений склад є під акцентом. Таких прикладів часослов маєме в русиньскім языку веце: *лежати* – *лежыш, лежыть* (але у безакцентнім складі уже находиме гласный **-и-**: *біжыме, біжыте; лежыме, лежыте; положитьи* – *положиш, положитьи; сніжыти* – *сніжыть; ворожыти* – *ворожиш, ворожыть*).

Є єден выняток, в котрім ся фонема **[ж]** высловлює як єй мягкый варіант **/ж' /**, а то є здомашніла форма мена Зузана – *Зужя* [*зуж* *а*].

У высловностнім варіанті двох фонем **[здж]**, котры ся высловлюють як **[ж'з' /]**, напр.: *малины треба розджамити* [*малины треба рож'з'ами-ти*], *діти прибїгли з джавотом за мамов* [*діти прибїгли ж'з'авотом за мамоу*]), як видно, таксамо чуєме мягку реалізацію гласного **/ж' /**.

Позначка: Мягку высловность фонемы **[ж]** можеме позоровати у групі лемківських діалектів (на Словакії, напр. в селах Камюнка, Орябина, Страняны), напр.: *жісти, вожїня, бажічкы* [*ж істі/вож ін а/баж ічкы*].

Фонема **[ш]** і єй высловностный варіант **/ш' /**

Корелатівнов паров ід дзвінкій фонемі **[ж]** є глуха согласна шумова (фрікатівна) фонема **[ш]**, котра ся в русиньскім языку таксамо характеризує все як тверда. Таксамо суть то найчастіше позиції перед гласным **ы**, напр.: *шына, шыло, шыти, машина, зострашыти ся* [*шына/шыти/шыло/машина/зострашыті с'а*].

Мягкый высловностный варіант согласного **/ш' /**, котрый є але выслідком высловности **/ш' /** (она ся не поважує за самостатну фонему) реалізуєме в таких словах, як: *ящурка, віщун, кліщі* [*яш'урка/віш' : ун/кл іш' і*].

Позначка: Мягке **-ш'** можеме зазначіти в шарішських і маковицьких русиньських діалектах, напр.: *топит шы, кошїня* [*топит ш'а, кош'ін а*], але і в гранічних выходоземплінських і западоземплінських русиньських діалектах (напр. село Збійне), напр.: *впало машя до машянки* [*впало маш'а до маш'анкы*]). Таксамо в земплінських русиньських діалектах сьме зазначіли єй мягку высловность, наприклад, в словах *мішковати* [*міш'коваті*], *пішкота* [*піш'кота*], *пішкати* [*піш'каті*] і в лемківських русиньських діалектах, напр.: *шысти, кошїня, пашїня, вешїля* [*ш'асті/кош ін а/паш ін а/веш іл а*].

Заключіня

Як сьме на зачатку нашої статї конштатовали, русиньска фонологічна система має свої одлишности в порівнянню выходныма славянськыма языками (російськым і українськым). Тот факт іщі веце детермінує отроепічну подобу русиньского языка на Словакії. При конкретных фонологічных реалізаціях поєднанных консонантів можеме збачіти языкову інтерференцію із сусіднім словацькым языком як репрезентантом западного языкового ареалу славянських языків. Хоць фонологічна языкова ровина є із ушыткых найпевніша, што значить, же до ній найменше проникають впливы сусідніх языків і діалектів, значны зміны сьме заначіли ай у тій ровині в порівнянню з выходныма славянськыма языками. Носителі того языка – русины – суть локалізованы якраз на стыку выходного і западного славянського языкового ареалу.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Брохъ О.* Угрорусское нарѣчіе села Убли (Земплинского комитата). СПб.: Типографія Императорской академіи наукъ, 1900. 116 с.
2. *Vaňko J.* The Language of Slovakia's Rusyns/Jazyk slovenských Rusínov. New York: Columbia University Press, 2000. 121 с.
3. *Геровский Г.* Язык Подкарпатской Руси: пер. с чеш. М., 1995. 90 с.
4. *Dudášová-Kriššáková J.* Fonologický systém slovenských jazykov z typologického hľadiska. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2014. 222 с.
5. *Král' Á.* Pravidlá slovenskej výslovnosti. Martin: Matica slovenská, 2009. 423 с.
6. *Ondruš Š., Sabol J.* Úvod do štúdia jazykov. Bratislava: SPN, 1981. 313 с.
7. *Панькевич И.* Граматика руського языка для шкѣл середних и горожанських. Мукачево, 1922. 110 с.
8. *Панькевич И.* Граматика руського языка для молодших клас шкѣл середних и горожанських. Третє перероблене і доповнене виданя. Прага, 1936. 206 с.
9. *Латта В.* Фонологические системы украинских говоров Восточной Словакии // Наукові записки 8–9. Пряшів: КСУТ, 1979–1981. 175 с.
10. *Ябур В., Плішкова А.* Літературный язык: Пряшівска Русь // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русинський язык / redaktor naukowy Paul Robert Magocsi. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut filologii Polskiej, 2004, доповнене виданя з даякыма змінами 2007. 482 с.
11. *Ябур В., Плішкова А.* Сучасный русинський списовный язык. Пряшів: Пряшівска універзіта в Пряшові – Інштїтут русиньского языка і културы, 2009. 212 с.
12. *Ябур В., Плішкова А., Конорова К.* Граматика русиньского языка. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity. 327 с.

REFERENCES

1. Brokh, O. (1900) *Ugorusskoe narichie sela Ublya (Zemplinskago komitata)* [The Ugorussian dialect of the village Ublya (Zemplin County)]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 67–68.
2. Vaňko, J. (2000) *Jazyk slovenských Rusínov* [The Language of Slovakia's Rusins]. New York: Columbia University Press. p. 43.
3. Gerovsky, G. (1995) *Yazyk Podarpatskoy Rusi* [The Language of Subcarpathian Rus]. Translated from Czech. Moscow: [s.n.]. pp. 32–33.
4. Dudášová-Kriššáková, J. (2014) *Fonologický systém slovanských jazykov z typologického hľadiska*. [Typologic Phonological System in Slavic Languages]. Prešov: Prešov University. p. 125.
5. Krá, Á. (2009) *Pravidlá slovenskej výslovnosti* [Rules of Slovak pronunciation]. Martin: Matica slovenská. p. 58.
6. Ondruš, Š. & Sabol, J. (1981) *Úvod do štúdia jazykov* [Introduction to Language Learning]. Bratislava: SPN. pp. 117–118.
7. Pankevich, I. (1922) *Gramatika rus'kogo yazyka dlya shkôl serednikh i gorozhans'kikh* [Grammar of Russian language for secondary and public schools]. Mukachevo: [s.n.].
8. Pankevich, I. (1936) *Gramatika rus'kogo yazyka dlya molodshikh klyas shkôl serednikh i gorozhans'kikh* [Grammar of the Russian language for junior classes of secondary and public schools]. Prague: [s.n.].
9. Latta, V. (1979–1981) *Phonologicheskie sistemy ukrainskikh govorov Vostochnoy Slovaki*. [Phonological systems of the Ukrainian dialects of Eastern Slovakia]. *Naukovi zapiski*. 8–9. pp. 64–74.
10. Yabur, V. & Plishkova, A. (2004) *Literaturnyy yazyk: Pryashivska Rus'* [Literary language: Prešov Rus]. In: Magocsi, P.R. (eds.) *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Rusin'skyi yazyk* [The latest history of Slavic languages. The Rusin language]. Opole: Uniwersity of Opole – Institute of Polish Philology. pp. 147–209.
11. Yabur, V. & Plishkova, A. (2009) *Suchasnyy rusin'skyi spisovnyy yazyk* [The Contemporary Rusin Literary Language]. Prešov: Prešov University – Institut of Rusin language and Culture.
12. Yabur, V., Plishkova, A. & Koporova, K. (2015) *Gramatika rusin'skogo yazyka* [The Grammar of the Rusin language]. Prešov: Prešov University. pp. 59–60.

Копорова Кветослава – доктор философии, лингвист, ассистент Института русинского языка и культуры Пряшевского университета в Пряшеве (Словакия).

Копорова Кветослава – филозофи доктор, одборный аастент Іншітуту русиньско-го языка і культури Прешівської універзіты у Прешові (Словенско).

Kvetoslava Koporova – Institute of Rusin Language and Culture – University of Preshov (Slovakia).

E-mail: kkoporov@gmail.com

УДК 81-26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/60/12

РУСИНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ПРИМЕР КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ТРАНСФЕРА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НУМЕРАТИВНЫХ ЕДИНИЦ)*

М.А. Бредис¹, О.В. Ломакина^{1, 2}, В.М. Мокиенко³

¹ Российский университет дружбы народов
Россия, 109651, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
E-mail: briedis@yandex.ru

² Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Россия, 117198, г. Москва, ул. Иловойская, 9/2
E-mail: rusoturisto07@mail.ru

³ Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: mokienko40@mail.ru

Авторское резюме

Анализируются русинские фразеологизмы с компонентом-числом, извлеченные приемом сплошной выборки из лексикографических сборников. В качестве паремиографических источников выступают «Русинско-украинско-русский и русско-украинско-русинский словарь» Д. Попа, «Русинско-русский словарь» И. Керчи, а также украинские и русские словари пословиц. Отобранный фразеологический фонд распределен по группам в зависимости от стержневого компонента – числительного. В качестве фона используются примеры из славянских языков. Проанализированные фразеологические единицы в большинстве своем основаны на символической семантике чисел, отражающей народные поверья, христианскую веру, мифопоэтическую нумерологию. Среди отобранных фразеологических единиц в количественном отношении преобладают русинские фразеологизмы с компонентом *один*, что отражает общую тенденцию славянской фразеологии. Относительно многочисленными являются группы фразеологизмов с числительными *два* и *три*. Другие числительные

* Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

представлены в русинской фразеологии в меньшей степени. Показано, что русинский язык является примером культурно-языкового трансфера, поскольку испытывал влияния различных языков в силу широкого географического «разброса» на европейском пространстве. Выявление национально специфического на фоне общего помогает более объективно и детализировано раскрыть лингвокультурологический потенциал как русинской паремиологии, так и сопоставляемых (и сопоставимых) с нею близкородственных украинской и русской.

Ключевые слова: культурно-языковой трансфер, фразеологическая единица, пословица, русинская фразеология, нумеративная фразеология.

RUSIN PHRASEOLOGY AS AN EXAMPLE OF CULTURAL AND LINGUISTIC TRANSFER IN SLAVIC LANGUAGES (BASED OF NUMERATIVE UNITS)*

M.A. Bredis¹, O.V. Lomakina^{1,2}, V.M. Mokienko³

¹ People's Friendship University of Russia
6 Mikluho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russia
E-mail: briedis@yandex.ru

² St. Tikhon's Orthodox University
9/2 Ilovaiskaia Street, Moscow, 109651, Russia
E-mail: rusoturisto07@mail.ru

³ St. Petersburg State University
11 Universitetskaia Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: mokienko40@mail.ru

Abstract

The paper analyses Rusin phraseological units with a number as their component, which were continuously sampled from lexicographic collections (dictionaries), such as *The Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusin Dictionary* by D. Pop, *The Rusin-Russian Dictionary* by I. Kercha, as well as Ukrainian and Russian proverb dictionaries. The sampled phraseological units are distributed into groups depending on the core component – the numeral – and set against the background of a number of

*The article has been prepared with the support of the RUDN University Program 5-100.

examples from Slavic languages. The phraseological units analysed in the paper are for the most part based on the symbolic semantics of numbers, reflecting popular beliefs, Christian faith, and mythopoetic numerology. Rusin phraseological units with numeral *odin* ('one') prevail in terms of quantity, which reflects the general tendency of Slavic phraseology. Relatively numerous are the groups of phraseological units with numerals *dva* ('two') and *tri* ('three'). Other numerals are represented in Rusin phraseology to a lesser extent. This paper shows that the Rusin language is an example of a cultural and language transfer, since it was influenced by various languages due to a wide geographical "spread" in Europe. The identification of the national specificity against the background of a universal component helps to objectively and thoroughly reveal the linguistic and cultural potential of both Rusin and closely related Ukrainian and Russian paremiologies.

Keywords: cultural and language transfer, phraseological unit, proverb, Rusin phraseology, numerative phraseology.

Введение. Постановка проблемы

Теория трансферов, распространенная в ряде гуманитарных наук, носит интернациональный характер [31–35]. Это относительно молодое научное направление обозначено в работах по культурологии и литературоведению середины 1980-х гг. «Культурный трансфер понимается как процесс присвоения, который активно осуществляется различными промежуточными группами и контролируется потребностями принимающей культуры» [34] (здесь и далее перевод наш. – М.Б., О.Л., В.М.). Впоследствии эта теория распространилась на ряд гуманитарных наук, включая лингвистику, и стала носить метапредметный характер.

Если взять за основу тезис М. Мидделля о наличии «элементов иностранных культур в собственной культуре», определяемых «с помощью эмпирически исследуемых процессов отбора и присвоения, а также их действующих лиц и средств» [34], то оправданным становится использование различных языковых единиц в качестве материала исследования. Нам близка позиция В.В. Фещенко и С.Ю. Бочавер: культурный трансфер «призывает увидеть разнонаправленное взаимодействие языков и культур и предлагает сосредоточиться на имбрикациях, инкрустациях, изменениях, которые затрагивают всех участников взаимодействия» [28: 20].

В свете теории трансферов для лингвистов перспективными направлениями, на наш взгляд, являются следующие: 1) изучение малых литературных языков в условиях культурно-языковой интерференции; 2) исследование культурно-языковой интеграции мигрантов в

пространство страны; 3) определение роли иноязычных вкраплений в языковой системе писателей-билингвов (полилингвов).

Взаимодействие языков и культур происходит в рамках языковой интерференции «в условиях дву- или многоязычия» [7: 156]. Русинский язык испытывал влияния различных языков в силу широкого географического «разброса» на европейском пространстве, что позволяет говорить о примере культурно-языкового трансфера: соприкосновения «культур проявляются равно в воздействующей и в принимающей культурах. Тем самым в расчет уже берется не бинарная оппозиция – две культуры, одна из которых обязательно осмысляется как культура-реципиент, то есть культура принимающая, – но конструкция, гораздо более сложная» [4: 310].

Цель данной статьи – на примере определенной тематической группы русинской фразеологии показать взаимодействие русинского языка и других языков, распространенных на соседних территориях, в свете теории культурно-языкового трансфера. Материалом исследования послужило около 80 русинских фразеологических единиц (ФЕ) с нумеративным компонентом, извлеченных приемом сплошной выборки из «Русинско-украинско-русского и русско-русинско-украинского фразеологических словарей» Д. Попа [21] и «Русинско-русского словаря» И. Керчи [8].

Анализ русинской нумеративной фразеологии в свете теории культурно-языкового трансфера

В процессе фразообразования числительные, как и соматическая лексика, зоонимы, фитонимы, колоративы, термины родства и др., являются одной из приоритетных групп, что «объясняется универсальными для всех языков понятиями» [12: 105].

Нумеративная фразеология характерна для всех славянских языков в силу универсальности состава, однако «элементы числового ряда в своих культурных функциях неравноценны» [38: 189]. Согласно этнолингвистическому словарю «Славянские древности», число – «средство упорядочения и моделирования Вселенной, в народной культуре объект семантизации и оценки. Число в мифопоэтической нумерологии не только определяет объект счета, служит его количественным параметром, но и само определяется <...> считаемыми объектами и зависит от них» [26: 544]. В свободном употреблении определенно-количественное числительное обозначает отвлеченное число или количество предметов и играет утилитарно-прагматическую роль. Кроме того, числа обладают и культурными смыслами, приобретают символическую значимость, что находит отражение

во фразеологической системе языка. При этом, входя с состав фразеологизмов в качестве их компонентов, они отчасти теряют свою математическую точность и насыщаются – как это ни парадоксально – ассоциативно-оценочными коннотациями.

Корпус русинских ФЕ, включающих число, составляет около 80 единиц, среди которых преобладают ФЕ с компонентом *один* (28 ФЕ), *два* (11 ФЕ), *три* (10 ФЕ), единичны ФЕ с компонентом *пять* (5), *сорок* (4), *семь* (3).

Один является обозначением «первичной целостности, знак человеческого "я" и одиночества» [16: 94]. «Активность компонента *один* объясняется его противопоставленностью прочим компонентам как возможного наименьшего и <...> важностью его как первой ступени счета» [25: 245]. В русинской фразеологии выделяются группы ФЕ со значением целостности, единства: *Єдну нѡвту тягнути* (Одну песню тянуть); *Єдным махом* (Одним махом); *Єдным словом* (Одним словом); со значением недостаточности: *За ґрайцарь душу не купиш, лем чорту ї продаш* (За (один) крейцер душу не купишь, разве что черту ее продашь); *Єдным волом не наореш* (Одним волом не напашешь), что, скорее, отражает коллективистское, а не индивидуальное сознание. Поскольку *один* символизирует начало чего-либо [9], то данное событие или действие может иметь продолжение: *Єдна біда не ходить* (Одна беда не ходит). Обозначение одиночества содержится в ФЕ: *Єденак сегінь-неборак* (Одиночка бедняга-горемыка); *Каждый єден* (Каждый один).

Е.И. Селиверстова среди тематических биномов называет пары компонентов с семантикой числа и количества [25: 244]. В русинском языке таких биномов несколько: 'один – другой', 'один (часть) – целое', 'один – два', 'один – сто', 'два – три'. Большая часть русинских паремий включает противопоставление 'один – другой': *Єден пїшов в киндирицю, а другий у быля* (Один пошел в кукурузу, другой в сорную траву); *Єден ліпший уд другого* (Один лучше другого); *Який єден, такий другий* (Каков один, таков другой); *Єдному на вгоду, а другому на шкоду* (Одному на пользу, другому во вред); *Єдні-сьме вўвці, а другі вѡвци* (Одни из нас волки, а другие – овцы); *Єднѡв рукѡв дає, а другѡв бере* (Одной рукой дает, а другой берет); *Єдно – не дайся, а другѡе – не бїйся* (Одно – не дайся, другое – не бойся); *Єдна нога тут, друга там* (Одна нога тут, другая там); *На єдно вухо чує, на другѡе – вон* (В одно ухо входит, а в другое выходит). Менее представлены биномы 'часть – целое': *Уярі єден динь цілий рїк кормить* (Весной один день целый год кормит); *Єдна вўвця гонна отару згубити* (Одна овца может отару сгубить); *Єдна корова ушитку череду задрище* (Одна корова все стадо загадит); *Єдно пѡтя ліс не насвище* (Одна птичка лес не насви-

стит) и 'один – два': *Єдна голова дубрі, а дві не гүрше* (Одна голова хорошо, а две не хуже); *Два мацурь на єднїм дарабчику солонины не помиряться* (Два кота на одном куске сала не помирятся); *На єднїв кўстці два псы ся погрызли (кусавуть)* (Над одной костью два пса погрызлись); *Двох смерти нїє, а єдна тя не убийде* (Двух смертей нет, а одна тебя не обойдет); *Пуд єден клебан дві головы не стануть* (Под одну шляпу две головы не влезут). Единичны паремии с биноммами 'один – сто': *Єден мудрый, а за сто дурных пуйде* (Один умный, а за сто дураков пойдет) и 'два – три': *Де двоє, там третєго не треба* (Где двое, там третьего не нужно).

В паремии *Два жиды – токма, два русины з Колочавы – битка* (Два еврея – торг, два русина из Колочавы – драка) не только содержится указание на количество, но и дано противопоставление двух национальных характеров, что можно трактовать как реализацию противоречия, содержащегося в этом числительном. В основе пословицы *Не можна раз на двох кўньох сидіти* (рус. Нельзя сразу на двух конях сидеть) содержится предписание, основанное на поверье, что двойные предметы могут принести неудачу и даже смерть [26: 544]. Оно особенно актуально в суеверных представлениях о чертах, где действует оппозиция «чет–нечет». Именно ею можно объяснить русское выражение *черта с два* и бел. *чорта з два*, укр. *чорта з два*. Выбор числа здесь не случаен, ибо *два* – число четное, бесовское, «нечистое», о чем свидетельствует и пословица белорусских крестьян *Пастаў Богу свечку, а чорту две* [17: 170; 30: 160–162].

Поэтому и церковные действия не могут повторяться дважды: *Пўп двічі наказ не каже* (Поп дважды проповедь не говорит). Пословица *Скупый двічі платить, а лїнивий двічі ходить* (рус. Скупой дважды платит, ленивый дважды ходит) содержит негативное отношение к скупому и ленивому посредством удвоения действия *платить / ходить*. Противопоставление содержит паремия *У нас два Юрія: один голодний, другий холодний* (У нас два Юрия: один голодный, другой холодный).

Согласно «Словарю символов», *три* – «одно из положительных чисел эмблем не только в символике, но и в религиозной мысли» [27: 375]: пословица *Бог тройцю любить* (рус. Бог троицу любит) имеет интернациональный характер [38: 194]. Выделение трех предметов обозначает исчерпанность [20: 124]: *Динь в гораздї, а три в бїді* (День в достатке, а три в нужде); *Кажда новина лем три дны новина* (Каждая новость только лишь три дня новость); *Каждоє чудо лем три дны чудо* (Всякое чудо лишь три дня чудо); *Здогадався ги циганин у три роки по смерти матери ревати* (Спохватился цыган через три года после смерти матери рыдать). В следующих ФЕ компонент *три* имеют семантику «развития и завершенности процесса, полноту некоторой

последовательности» [26: 544]: *Три перстки до смертки* (Три пальца до смерти); *Три ферталі на вберталі* (Три четверти наоборот).

В пословице *Кўнь має чотыри лабы, та й того ся шпотать* (Конь имеет четыре ноги, но и тот спотыкается) число *четыре* получает символику могущества, которым народ наделяет коня.

В русинских ФЕ *Пятоє колесо у вѣзі* (Пятое колесо в возе); *Ги псови пята лабу* (Как собаке пятая лапа) компонент *пять* имеет сематику 'избыточное, лишнее', при этом подразумевается, что *четыре* – это норма.

«Число *семь* очень важное число как в Ветхом, так и в Новом завете (в семь дней Бог создал мир, в книге Откровения нужно было снять семь печатей, семь урожайных и семь неурожайных лет и так далее). Оно связано с известными в то время семью планетами <...> Агриппа Неггесгеймский ссылается на Гермеса Трисмегиста, который семь архангелов называл "семью регентами мира... которые направляют в наш низкий мир уловленные небесами влияния всех звезд и созвездий"» [1: 192]. Важность числа *семь* для русинской культуры закреплена в паремии *Держи свѣі грѣші сім літ, та тя уймутъ из сім бід* (Храни свои деньги семь лет, так они тебя оградят от семи бед), в которой использован прием редупликации для постулирования значения этого числительного.

ФЕ *Сім п'ятниця на тиждінь* (Семь пятниц на неделе) относится к временным единицам, поскольку *семь* отождествляется с неделей, состоящей из семи дней. За таким сугубо «арифметическим» подсчетом, однако, скрывается древняя языческая мифологема, сохраненная, как видим, и русинским языком. Выражение восходит к языческому культу богини плодородия, воды, дождя, покровительницы материнства Мокоши. День богини Мокоши, пятница, был днем, свободным от работы. В этот день запрещалось прясть, купать детей, начинать какое-либо дело и т. д. Христианство перенесло все атрибуты Мокоши на день св. Параскевы Пятницы. В пятницу следовало поститься, поминать умерших. Пятницы были торговыми днями, а тем самым и сроком исполнения торговых и долговых обязательств. Тот, кто не выполнял своего обязательства, обещал исполнить его в следующий базарный день – в следующую пятницу. О человеке, часто откладывающем исполнение обещаний, и стали говорить *у него семь пятниц на неделе*, укр. *сім п'ятниця на тиждень*. Устаревшая просторечная форма *на неделе (на тиждень)*, т. е. в течение недели, свидетельствует о народном источнике выражения как в русском, так и в украинском и русинском языках [15: 64; 17: 154–156].

В основе русинского фольклоризма *За сімома горами, за сімома морями* также число *семь*, которому славяне приписывают сакральное значение [18; 26: 545].

В основе следующих ФЕ с компонентом *сорок* – *На сорок сятых и сорока именинница* (На сорок святых и сорока – именинница); *Только їх, ги сорок сятых* (Столько их, как сорок святых) – воспоминания о сорока Севастийских мучениках, день памяти которых приходится на 22 марта. Этот православный праздник для восточных славян имел большое значение: именно этот день считался окончательной датой начала весны. Историк, этнограф, литературовед и переводчик Ю. Жаткович (1855–1920) в своих этнографических заметках с Угорской Руси (1896) писал: «Народ ото вірує, ож зима трічі стрічат ся из літом, то ест: фебруара 2., на Стрітеніє; марця 9., на Сорок Сятых; марця 25., на Благовіщення, коли літо зовсім перемаже» (Народ верит, что зима трижды встречается с летом, а именно: 2 февраля, на Сретение; 9 марта, в День Сорока мучеников Севастийских; и 25 марта, в Благовещение, когда лето окончательно побеждает). Еще в дохристианские времена восточные славяне именно в этот день весеннего равноденствия призывали весну, надеясь на скорое наступление долгожданного тепла. После принятия христианства праздник получил новый смысл. Церковный праздник Сорока святых играл важную роль в русинском календаре сельскохозяйственных работ, что неудивительно, учитывая время его проведения. В записках Ю. Жатковича мы находим советы, связанные с работами во время праздника Сорока святых и после него: «На Сорок съвятых треба росаду сіяти, хоть би і сніг треба було мести із землі. 17 марта Теплого Олексі. Хто на Сорок съвятых не посіяв росаду, той тепер має сіяти» (На Сорок святых надо сеять рассаду, хотя бы и нужно было снег сметать с земли. 17 марта Алексея Теплого. Кто на Сорок святых не посеял рассаду, тот теперь должен сеять) [5]. Однако приведенные единицы, хотя и хранят память о принявших мученическую смерть за веру Христову, но имеют ироническую окраску, а *сорок* здесь «число скорее символическое, чем точное» [16: 94]. В паремии *Біда біду перебуде, єдна мине – сорок буде* (Беда беду перебудет, одна минует – сорок будет) *сорок* также означает 'много'. Пословица *На сорок сятых и сорока именинница* (На сорок святых и сорока – именинница) построена на игре слов: *Сорок сороков* в народной речи – Сороки [24: 235]. Первая пословица известна и в украинском языке в разных вариантах, однако с нумеративом *сорок* зафиксирована лишь в Закарпатье: *Біда біду перебуде, одна мине, друга буде; Біда біду перебуде, одна мине, одна згине, друга буде; Біда біду пережиге, єдна мине, друга буде; Біда біду перебуде, одну забудеш, десять буде* [23: 140].

По наблюдениям Е.А. Григорьевой, при образовании ФЕ числительное нередко утрачивает ядерную сему 'точное количество' [3: 107]. Этим фактом можно объяснить появление русинских ФЕ *Двадцять*

раз казати (Двадцать раз говорить); *Голоден, ги сто чортѹв* (пес, вѡвк) (Голодный, как сто чертей); *И стома кѹньми та го не догониш* (И на ста конях его не догонишь), где числа не несут символического смысла, а скорее служат для реализации сем 'много', 'очень сильно', 'очень много'.

Как видим, числительные в русинской фразеологии используются в качестве символических компонентов столь же активно, как и в других языках. Подобно и другим группам фразеологизмов, здесь находит свое отражение русинская ареальная специфика, обусловленная как генетическим родством с восточнославянскими языками, так и взаимодействием с языками соседних народов. Вот лишь несколько примеров ареальной «дальнобойности» уже рассмотренных русинских фразеологизмов. Выражение *єдна нога тут, друга там* находит соответствие в русском, белорусском и украинском языковом пространстве: рус. *одна нога здесь, другая там*, бел. *адна нага тут, другая там*, укр. *одна нога тут, <a> друга там* [22: 264; 29: 438]. Зафиксирована она и в словацком языке – *jedna noha tu, [a] druhá tam!* [37: 156], но отсутствует в чешском. Ср. болг. *единият крак тук, другият там*, которое, видимо, заимствовано из русского.

Упоминание во фразеологии названий денежных единиц также дает дополнительные сведения относительно истории и культуры народа [2: 184]. В пословице *За грайцарь душу не купиш, лем чорту ї продаш* упоминается крейцер – монета, которая с момента введения в оборот в 1458 г. в Австрии императором Фридрихом III стала основой дальнейшего развития австрийской денежной системы, а в XVII в. была распространенной монетой на западнорусских землях [6: 92].

У русинской пословицы *У нас два Юрія: один голодний, другий холодний* существует аналог лишь в белорусском языке *Два Юр'і і абодва дурні: адзін халодны, другі – галодны* [10: 164].

Пословица *Скупый двічі платить, а лінивый двічі ходить* находит параллели в украинском и белорусском языках и давно уже укоренилась в русском: *Скупой платит дважды; Скупой платит два раза, а ленивый делает два раза* [19: 816]. Обороты же *каждый єден* и *який єден, такий другий*, видимо, отражают связь с западнославянским ареалом. Ср. чеш. *jeden jako druhý*, передаваемое русскими идиомами *одним миром мазаны, что один, что другой, друг друга стоят, один другого стоит* [36: 208]. Сочетание же *три ферталі на вберталі* является полукалькой с немецкого (вероятно, диалектизма) *drei Viertel auf Oberteil* (три четверти верхней части), отражая контакты русинов с немецкими колонистами. Тем самым теория трансферов, провозглашающая наличие «элементов иностранных культур в собственной культуре», получает убедительное фразеологическое подтверждение.

Заключение. Выводы

Интерес к русинскому языку как малому литературному языку Славии возрастает, что доказывают многочисленные исследования [11]. Этот интерес обусловлен и лингвистической спецификой русинского языка, факты которого отражают его различные контакты с иноязычным окружением и являются убедительным подтверждением теории трансферов и языковой интерференции. «Находясь на границе восточнославянского и западнославянского мира, русины сохраняют свою генетическую приверженность к Восточной Славии, но в то же время открыты к взаимодействию с западнославянским пространством» [13: 126].

Сравнительно-сопоставительный лингвокультурологический анализ нумеративных ФЕ русинского языка на фоне других славянских языков позволил представить точки соприкосновения разных языков и культур. Фразеология русинского языка демонстрирует важное значение, придаваемое народным сознанием числовому коду культуры в русинском языке. Приведенные ФЕ в большинстве своем основаны на символической семантике чисел, отражающей народные поверья, христианскую веру, мифопоэтическую нумерологию.

«Русинская специфика, как показало ее сопоставление с аналогичной украинской и русской, проявляется в основном в форме паремий, а не в их содержании, что подтверждает выдвинутый нами тезис о межславянском языковом взаимодействии» [14: 313–314]. Содержание же русинской фразеологии и паремиологии отражает во многом универсальные концепты человеческого существования и общие для многих народов моральные ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов / Пер. с нем. Г. Гаева. М.: Крон-Пресс, 2000. 504 с.
2. Бредис М.А. Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. 296 с.
3. Григорьева Е.А. Варьирование компонента – числительного во фразеологизмах // Проблема тождества фразеологических единиц. Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1990. С. 105–112.
4. Дмитриева Е.Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 302–313.
5. Жаткович Ю. Замітки етнографічні з Угорської Руси // Етнографічні збірник. 1896. Т. 2.
6. Зварич В.В. Нумизматический словарь. Львов: Вища школа, 1979. 338 с.

7. Караулов Ю.Н. Интерференция // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 156–157.

8. Керча И. Русинско-русский словарь. Ужгород: ПолиПринт, 2007. Т. 1. 608 с.; Т. 2. 608 с.

9. Ключников С.Ю. Священная наука чисел. М.: Беловодье, 1996. 192 с.

10. Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГРДУ, 2011. 695 с.

11. Ломакина О.В. Русинская фразеология и паремиология: достижения и перспективы развития // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: сборник научных статей. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. С. 205–208.

12. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне // Славянская микрофилология / Под ред. Александра Д. Дуличенко, Мотоки Номати. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2018. (Slavic Eurasian studies; no. 34). С. 103–128.

13. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119–128. DOI: 10.17223/18572685/45/9

14. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317. DOI: 10.17223/18572685/54/18

15. Максимов С.В. Крылатые слова. М.: ГИХЛ, 1955. 447 с.

16. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.

17. Мокиенко В.М. Образы русской речи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 278 с.

18. Мокиенко В.М. Za siedmimi morami: Миф, ставший для профессора Виктора Крупы жизнью // Jazykovedný časopis. Vedecký časopis pre otázky teórie jazyka. Journal of Linguistics. Scientific Journal for the Theory of Language. Published by Slovak Academic Press, 2016. Roč. 67. Číslo 3. S. 219–231.

19. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц (БСРП) / Под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

20. Пасечник Т.Б. Число в русской фразеологии // Русская речь. 2009. № 2. С. 124–127.

21. Поп Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. Ужгород, 2011. 241 с.

22. Прислів'я та приказки (ПП) / Упорядник М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка, 1990. Т. 2: Людина. Родиннежиття. Риси характеру. 524 с.

23. Прислів'я та приказки (ПП) / Упорядник М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка, 1991. Т. 3. Взаємини між людьми. 440 с.

24. Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым / Сост. С.Д. Ошевский; предисл. Г.П. Присенко. Тула: Приок. кн. изд-во, 2000. 480 с.

25. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Науч. ред. В.М. Мокиенко. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 296 с.

26. Толстая С.М. Число // Славянские древности: Этнолингвистический

словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2014. С. 544–547.

27. *Трессиддер Дж.* Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 448 с.

28. *Фещенко В.В., Бочевар С.Ю.* Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии / Отв. ред. В.В. Фещенко; ред. колл.: Н.М. Азарова, С.Ю. Бочевар (отв. секретарь), В.З. Демьянков, М.Л. Ковшова, И.В. Силантьев, М.А. Тарасова (редактор-корректор), Т.Е. Янко. М.: Культурная революция, 2016. С. 5–34.

29. Фразеологічний словник української мови (СФУМ) / Уклад.: В.М. Білоноженко та ін; від. ред. В.О. Винник. Київ: Наукова думка, 2003. 1104 с.

30. *Холявко Е.И.* Черта с два! // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В.И. Коваль. Гомель, 2001. С. 160–162.

31. *Espagne M.* Les Transferts culturels franco-allemands. Paris: Presses universitaires de France, 1999.

32. *Kaelble H.* Herausforderungen an die Transfergeschichte // Barbara Schulte (Hrsg.), Transfer lokalisiert: Konzepte, Akteure, Kontexte (= Comparativ; 16, 3). Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2006. S. 7–12, hier S. 8.

33. *Lüsebrink H.-J.* Kulturtransfer und Übersetzung. Theoretische Konfigurationen und Fallbeispiele (aus dem Bereich des Theaters) // Ewald Mengel/Ludwig Schnauder/Rudolf Weiss (Hrsg.), Weltbühne Wien – World Stage Vienna, Approaches to Cultural Transfer. Vol. I. Trier: WVT, 2010. S. 21–35.

34. *Middell M.* Kulturtransfer, Transfers culturels, Version: 1.0 // Docupecta-Zeitgeschichte, 28.01.2016. URL: <https://zeitgeschichte-digital.de/doks/frontdoor/index/index/docId/702> (дата обращения: 10.05.2020). <https://doi.org/10.14765/zzf.dok.2.702.v1>

35. *Middell M.* Kulturtransfer und Historische Komparatistik. Thesen zu ihrem Verhältnis // Comparativ. 2000. № 10. Hf. 1. S. 7–41.

36. *Mokienko V.M., Wurm A.* Česko-ruský frazeologický slovník. 1. vydání. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2002. 659 s.

37. *Smiešková E.* Malý frazeologický slovník [Small phraseological dictionary]. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1974.

38. *Walter H.* Число ТРИ в русской и немецкой фразеологии (от Троицы до трех горшков и drei Käse) // Numerologia we frazeologii i paremiologii Redakcja naukowa / Ewa Komorowska, Jolanta Ignatowicz-Skowrońska, Agnieszka Krzanowska, Harry Walter. Szczecin, 2017. S. 189–201.

REFERENCES

1. Bauer, W., Dümotz, I. & Golowin, S. (2000) *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of Symbols]. Translated from German by G. Gaev. Moscow: Kron-Press.
2. Bredis, M.A. (2019) *Chelovek i den'gi: Ocherki o poslovitsakh russkikh i ne tol'ko* [Man and Money in Proverbs: Essays on Russian and Other Proverbs]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

3. Grigorieva, E.A. (1990) Var'irovanie komponenta – chislitel'nogo vo frazeologizmakh [The numeral component variation in phraseological units]. In: Grigorieva, E.A. et al. *Problema tozhdestva frazeologicheskikh edinits* [The Identity of Phraseological Units]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University. pp. 105–112.

4. Dmitrieva, E.E. (2011) Teoriya kul'turnogo transfera i komparativnyy metod v gumanitarnykh issledovaniyakh: oppozitsiya ili preemstvennost'? [The theory of cultural transfer and the comparative method in humanitarian research: opposition or continuity?]. *Voprosy literatury*. 4. pp. 302–313.

5. Zhatkovich, Yu. (1896) Zamitki etnografichni z Ugors'koï Rusi [Ethnographic notes of Ugrić Rus]. *Etnografichni zbirnik*. Vol. 2.

6. Zvarich, V.V. (1979) *Numizmaticheskiy slovar'* [Numismatic Dictionary]. Lviv: Vishcha shkola.

7. Karaulov, Yu.N. (1997) Interferentsiya [Interference]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [The Russian Language. Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya; Drofa. pp. 156–157.

8. Kercha, I. (2007) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Rusin-Russian Dictionary]. Uzhhorod: PoliPrint.

9. Klyuchnikov, S.Yu. (1996) *Svyashchennaya nauka chisel* [Sacred Science of Numbers] Moscow: Belovod'e.

10. Lepeshaŭ, I.Ya. & Yakaltsevich, M.A. (2011) *Tlumachal'ny sloŭnik prykazak* [Explanatory Dictionary of Proverbs]. Grodno: Grodno State University.

11. Lomakina, O.V. (2019) Rusinskaya frazeologiya i paremiologiya: dostizheniya i perspektivy razvitiya [Rusin phraseology and paremiology: achievements and development prospects]. In: Nechiporchik, E.V. (ed.) *Slavjanske lingvokul'tury v prostranstvennom i vremennom kontinuumie* [Slavic linguocultures in the spatial and temporal continuum]. Gomel: Gomel State University. pp. 205–208.

12. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Karpatorusinskie somaticheskie paremii na slavyanskom fone [Carpatho-Rusin somatic paraemias on the Slavic background]. In: Dulichenko, A.D. & Nomati, M. (eds) *Slavyanskaya mikrofilologiya* [Slavic Microphilology]. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University. pp. 103–128.

13. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016) Cognitive potential of Rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian languages. *Rusin*. 3. pp. 119–128 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/9

14. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Value constants of the Rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*. 4(54). pp. 303–317. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/18

15. Maksimov, S.V. (1955) *Krylatye slova* [Winged units]. Moscow: GIKhL.

16. Maslova, V.A. (2004) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics] Minsk: TetraSistems.

17. Mokienko, V. M. (1986) *Obrazy russkoy rechi* [Images of Russian Speech]. Leningrad: Leningrad State University.

18. Mokienko, V.M. (2016) Za siedmimi morami: Mif, stavshiy dlya professora Viktora Krupy zhizn'yu [Za siedmimi morami: The Myth that has Become Real Life for Professor Viktor Krupa]. *Jazykovedný časopis. Vedecký časopis pre otázky*

teórie jazyka – Journal of Linguistics. Scientific Journal for the Theory of Language. 67(3). pp. 219–231.

19. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits* [The Great Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.

20. Pasechnik, T.B. (2009) Chislo v russkoy frazeologii [The number in Russian phraseology]. *Russkaya rech'*. 2. pp. 124–127.

21. Pop, D. (2011) *Rusinsko-ukrainsko-russkiy i russko-rusinsko-ukrainskiy frazeologicheskie slovari* [The Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusin Dictionary]. Uzhhorod: [s.n.].

22. Pazyak, M.M. (ed.) (1990) *Prisliv'ya ta prikazki* [Proverbs and Sayings]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.

23. Pazyak, M.M. (ed.) (1991) *Prisliv'ya ta prikazki* [Proverbs and Sayings]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.

24. Sakharov, I.P. (2000) *Skazaniya russkogo naroda, sobrannye I.P. Sakharovym* [Russian Tales collected by I.P. Sakharov]. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo.

25. Seliverstova, E.I. (2017) *Prostranstvo russkoy posloviцы: postoyanstvo i izmenchivost'* [The space of the Russian proverb: constancy and variability]. Moscow: FLINTA: Nauka.

26. Tolstaya, S.M. (2014) Chislo [Number]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 544–547.

27. Tressidder, J. (2001) *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Translated from English by S. Palko. Moscow: FAIR-PRESS.

28. Feshchenko, V.V. & Bochevar, S.Yu. (2016) Teoriya kul'turnykh transferov: ot perevodovedeniya – cherez kulturnyye studii – k teoreticheskoy lingvistike [The theory of cultural transfers: from translation studies – through cultural studies – to theoretical linguistics]. In: Feshchenko, V.V. (ed.) *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* [Linguistics and Semiotics of Cultural Transfers: Methods, Principles, Technologies]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. pp. 5–34.

29. Vinnik, V.O. (ed.) (2003) *Frazeologichnyi slovník ukrains'koï movi* [Phraseological Dictionary of the Ukrainian Language]. Kyiv: Naukova dumka.

30. Holjavko, E.I. (2001) Cherta s dva! [No way in hell]. In: Koval, V.I. (ed.) *Slavyanskaya frazeologiya v areal'nom, istoricheskom i etnokul'turnom aspektakh* [Slavic phraseology in the areal, historical and ethnocultural aspects]. Gomel: Gomel State University. pp. 160–162.

31. Espagne, M. (1999) *Les Transferts culturels franco-allemands*. Paris: Presses universitaires de France.

32. Kaelble, H. (2006) Herausforderungen an die Transfergeschichte. In: Schulte, B. (ed.) *Transfer lokalisiert: Konzepte, Akteure, Kontexte*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag. pp. 7–12.

33. Lüsebrink, H.-J. (2010) Kulturtransfer und Übersetzung. Theoretische Konfigurationen und Fallbeispiele (aus dem Bereich des Theaters). In: Mengel, E.,

Schnauder, L. & Weiss, R. (eds) *Weltbühne Wien – World Stage Vienna, Approaches to Cultural Transfer*. Vol. I. Trier: WVT. pp. 21–35.

34. Middell, M. (2016) Kulturtransfer, Transfers culturels, Version: 1.0. *Docupecta-Zeitgeschichte*. 28th January. [Online] Available from: <https://zeitgeschichte-digital.de/doks/frontdoor/index/index/docId/702> (Accessed: 10th May 2020). DOI: 10.14765/zzf.dok.2.702.v1

35. Middell, M. (2000) Kulturtransfer und Historische Komparatistik. Thesen zu ihrem Verhältnis. *Comparativ*. 10(1). pp. 7–41.

36. Mokienko, V.M. & Wurm, A. (2002) *Česko-ruský frazeologický slovník* [Czech-Russian Phraseological Dictionary]. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.

37. Smiešková, E. (1974) *Malý frazeologický slovník* [Small Phraseological Dictionary]. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.

38. Walter, H. (2017) Chislo TRI v russkoy i nemetskoy frazeologii (ot Troitsy do trekh gorshkov i drei Käse) [The number of three in Russian and German phraseology (from Trinity to three pots and drei Käse)]. In: Komorowska, E., Ignatowicz-Skowrońska, J., Krzanowska, A. & Walter, H. (eds) *Numerologia we frazeologii i paremiologii* Redakcja naukowa. Szczecin: Volumina.pl Daniel Krzanowski. pp. 189–201.

Бредис Михаил Алексеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия).

Mikhail A. Bredis – Peoples' Friendship University of Russia (Russia).

E-mail: briedis@yandex.ru

Ломакина Ольга Валентиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Россия), профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия).

Olga V. Lomakina – St. Tikhon's Orthodox University (Russia), Peoples' Friendship University of Russia (Russia).

E-mail: rusoturisto07@mail.ru

Мокиенко Валерий Михайлович – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Valerii M. Mokienko – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: mokienko40@mail.ru

УДК 811=161'282

UDC

DOI: 10.17223/18572685/60/13

У ПОШУКАХ САКРАЛЬНИХ МОВНИХ КОДІВ ЗАГАЛЬНОЛЮДСЬКИХ ЦІННОСТЕЙ (НА МАТЕРІАЛАХ ЗАПОЗИЧЕНЬ РОСІЙСЬКОЇ, УКРАЇНСЬКОЇ ТА РУСИНСЬКОЇ ЛЕКСИКИ)

О.І. Бедлінський¹, М.М. Набок²

¹ Сумський державний педагогічний університет ім. А.С. Макаренка
Україна, 40002, м. Суми, вул. Роменська, 87

E-mail: Bedlinskyi@i.ua

² Сумський державний університет
Україна, 40007, м. Суми, вул. Римського-Корсакова, 2

E-mail: nabok.marinka@gmail.com

Авторське резюме

У статті наголошується, що запозичена лексика, формуючи свідомість, може як збагачувати мову, так і збіднювати, «засмічувати» її, звужуючи свідоме відображення світу. Обґрунтовуються критерії поділу лексичних запозичень на такі, які збіднюють та збагачують мову. Відповідно до виокремлених критеріїв проаналізовано функціонування окремих українських, російських і русинських лексем у російській та українській мовах. Зазначається, що смисли слів збуджуються не окремими словами, а кластерами слів, тобто сім'ями слів, стійкими словосполученнями тощо, а окремі лексеми можуть опосередковано впливати на збудження смислів іншими словами без зміни їх значень. У різних мовах та діалектах збереглися окремі лексеми, запозичення, втрата яких у близькоспоріднених мовах впливає на динаміку формування загальних уявлень. Простежується існування мовних кодів, які у різних мовах збереглися і функціонують по-різному та можуть тривалий час існувати без усвідомлення їх смислів народом. Виокремлено особливості збудження образів (значень лексем) і образно-емоційних зв'язків (смислів слів) у близькоспоріднених мовах. З'ясовано, що однакові загальнолюдські цінності формуються на основі несвідомих мовних кодів і можуть передаватися нащадкам різними засобами у різних мовах: в одній мові – через етимологічні зв'язки сімей слів, в іншій – через стійкі словосполучення. Обґрунтовується можливість і необхідність запозичень окремих лексем як складо-

вих сакральних мовних кодів загальнолюдських цінностей, які могли б збагатити літературні мови не лише кількісно, але й якісно.

Ключові слова: запозичення, значення лексем, мова, міжетнічна взаємодія, сакральні мовні коди, смисли слів.

В ПОИСКАХ САКРАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВЫХ КОДОВ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАИМСТВОВАНИЙ РУССКОЙ, УКРАИНСКОЙ И РУСИНСКОЙ ЛЕКСИКИ)

А.И. Бедлинский¹, М.Н. Набок²

¹ Сумский государственный педагогический университет

им. А.С. Макаренко

Украина, 40002, г. Сумы, ул. Роменская, 87

E-mail: Bedlinskyi@i.ua

² Сумский государственный университет

Украина, 40007, г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2

E-mail: nabok.marinka@gmail.com

Авторское резюме

В статье отмечается, что заимствованная лексика может как обогащать язык, расширяя и углубляя сознание, так и засорять его, сужая сознательное отражение мира. Обосновываются критерии отнесения лексических заимствований к таким, которые засоряют язык, и таким, которые его обогащают. В соответствии с выделенными критериями проанализировано функционирование отдельных украинских, русских и русинских лексем в русском и украинском языках. Отмечается, что смыслы слов возбуждаются не отдельными словами, а кластерами слов, т. е. семьями слов, устойчивыми словосочетаниями и т. п., а отдельные лексемы могут косвенно влиять на возбуждение смыслов других слов без изменения их значений. В различных языках и диалектах сохранились отдельные лексемы, заимствования или такие, потеря которых в близкородственных языках влияет на динамику формирования общих представлений. Прослеживается существование языковых кодов, которые в разных языках сохранились, функционируют по-разному и могут длительное время суще-

ствовать без осознания народом их смыслов. Установлены отдельные особенности возбуждения образов (значений лексем) и образно-эмоциональных связей (смыслов слов) в близкородственных языках. Выявлено, что одинаковые общечеловеческие ценности формируются на основе бессознательных речевых кодов и могут передаваться потомкам различными средствами в различных языках. В одном языке – через этимологические связи семей слов, в другом – через устойчивые словосочетания. Обосновывается возможность и необходимость заимствований отдельных лексем как составных сакральных языковых кодов общечеловеческих ценностей, которые могли бы обогатить литературные языки не только количественно, но и качественно.

Ключевые слова: заимствования, значения лексем, язык, межэтническое взаимодействие, сакральные языковые коды, смыслы слов.

IN SEARCH OF SACRAL LANGUAGE CODES OF COMMON HUMAN VALUES (ON LOANWORDS OF RUSSIAN, UKRAINIAN AND RUSINIAN LEXIS)

O.I. Bedlinskyi¹, M.N. Nabok²

¹ Sumy State A.S. Makarenko Pedagogical University
87 Romenskaya Street, Sumy, 40002, Ukraine

E-mail: Bedlinskyi@i.ua

² Sumy State University

2 Rimsky-Korsakov Street, Sumy, 40007, Ukraine

E-mail: nabok.marinka@gmail.com

Abstract

The article emphasizes that borrowed lexis can both enrich the language, expanding and deepening the consciousness, and clog it, narrowing the conscious reflection of the world. The authors specify the criteria for attributing the loanwords as littering or enriching the language and analyze the functioning of certain Ukrainian, Russian and Rusinian lexemes in the Russian and Ukrainian languages. It is noted that the senses of the word are determined not by separate words, but their clusters (families of words, stable phrases, etc.), with individual lexemes being able to indirectly affect the senses of other words without changing their meanings. Different languages and dialects have individual lexemes or loanwords, which, when lost, can affect the dynamics of formation of general concepts in closely related languages. The authors investigate the

linguistic codes in different languages that function in different ways and can exist for long without people realizing their senses. Having determined the specificity of evoking images (lexical meanings) and emotional connections (senses) in closely related languages, the authors find out that the same universal human values rely on unconscious speech codes and can be transmitted to descendants by various means in different languages: through the etymology of word families in one languages or through set-expressions in others. The researchers substantiate the possibility and necessity of borrowing individual lexemes as elements of sacral language codes of universal human values that could enrich literary languages both in quantity and quality.

Keywords: loanwords, meaning, language, inter-ethnic interaction, sacred language codes, senses of words.

З того часу, коли з'явилося поняття *літературна мова*, одні науковці обстоюють думку про необхідність боротьби із засміченням мови словами іншомовного походження, а інші доводять необхідність запозичень, адже вважають, що це збагачує мову. На нашу думку, тут немає суперечності, потрібно шукати не аргументи щодо тієї чи іншої тези, а спробувати знайти підстави визначення корисності та шкідливості запозичень загалом і конкретних запозичень зокрема. У цьому сенсі можна буде боротися із запозиченою лексикою, яка засмічує мову, і одночасно сприяти поширенню лексики, яка збагачує мову не лише кількісно, але й якісно. Особливо актуальне це питання щодо говірок, діалектів та мов, які мають спільне походження.

У розв'язанні означеної проблеми ми зверталися до положень російських дослідників О. Ломакіної і В. Мокієнко, які зауважили, що «выявление национально специфического на фоне общего поможет более объективно и нюансировано раскрыть познавательный потенциал как русинской паремиологии, так и сопоставляемых (и сопоставимых) с нею близкородственных украинской и русской» [15: 126]. Аналізували також праці І. Керча [11–14], Ю. Чорі [22], рейтинг посилань у мережі Інтернет, який, на нашу думку, можна використувати як метод оцінки емоційного ставлення до окремих слів.

Відтак спробуємо проаналізувати деякі запозичення в українську мову російської і русинської лексики, послуговуючись мовною концепцією свідомості, згідно з якою «мова є системою організації потоків сенсорної інформації у формі кластерів здогадок: асоціативних полів, полів аналогій, комбінацій і реконструкцій, сімей слів зі спільною етимологією, ідіом, інтуїтивних правил побудови слів та речень тощо. Окремі слова розглядаються як складові навчання: умовні стимули, умовні реакції, операнти, підкріплюючі стимули» [5: 24]. Тож, зважаючи на положення, що запозичення можуть як збагачувати

(кількісно чи якісно) мову, так і навпаки її засмічувати, спробуємо виокремити підстави розмежування запозичень за критерієм збагачення і засмічення мови, з наступним аналізом конкретних прикладів.

По-перше, є запозичення, які підпорядковуються історико-географічним чинникам. Придумувати нові назви для привезених з інших континентів фруктів чи овочів часто недоцільно, як нерідко недоцільно придумувати інші назви для хімічних сполук, людських знарядь та виробів і т. ін., виготовлених в інших країнах і названих словами інших мов. У більшості такі запозичення кількісно збагачують мову.

По-друге, запозичення можуть бути корисними, коли необхідно обмежити образно-емоційні зв'язки, збуджувані словами, наприклад, у наукових поняттях чи поезії. І. Франко писав: «... коли він говорить або коли ви читаєте його виклад, то без огляду на його і на вашу волю самі його слова викликають у вашій уяві величезні ряди образів, не раз зовсім відмінних від тих, які бажав викликати в вас автор» [21: 46–47]. На нашу думку, запозичення з інших мов у науці доцільне, коли для кращого розуміння поняття необхідне збудження образів, відмінних від образів, збуджуваних словами рідної мови, або коли запозичений термін позначає складний процес, який важко правильно перекласти за допомогою одного чи кількох слів.

Проте якщо поняття пов'язане з загальними уявленнями, коли образно-емоційні зв'язки цього поняття органічно пов'язані зі словом рідної мови, – запозичення недоцільне, адже ускладнює його формування і розуміння наукових текстів. Так, уживання слова «ідентифікація» утруднює розуміння текстів з психології у студентів, які ще не володіють поняттєвим апаратом, бо контексти вживання слова у засобах масової інформації збуджують образ упізнавання, а не уподібнення та ототожнення, які визначають зміст психологічного поняття «ідентифікація». Такі запозичення можуть шкодити свідомому сприйманню наукових текстів під час навчання, збуджуючи побічні враження, від яких застерігав І. Франко.

По-третє, запозичення можуть бути корисними, якщо вони розширюють і поглиблюють свідомість як окремої людини, так і народу. Це можливо за умови повторного запозичення староруських, старослов'янських, навіть індоєвропейських слів, утрачених у російській чи українській мовах і збережених у малих мовах та діалектах, за умови, що запозичені слова розширюють сім'ю слів окремої мови. У словнику І. Керча читаємо: «добродячити = благоприятствувать» [11: 226], «подобрити = помирить; подобрити = исправить» [12: 106]. На нашу думку, запозичення таких слів могли б якісно збагатити як українську, так і російську мови, тому що збільшують сім'ї слів, а відтак збагачують загальні уявлення. Коли ми послуговуємося словами

рідної мови, то збуджуємо образи, не лише безпосередньо пов'язані з конкретним словом або словосполученням. Наприклад, коли, вітаючись, кажемо: «Добрий день!», збуджуємо образи, пов'язані з багатьма іншими словами зі змістом «добро». І не лише з окремими словами, але й з ідіомами, фразеологізмами, прислів'ями і т. ін.

Дж. А. Альварез і А. Оліва, досліджуючи сприймання, виявили, що «у деяких випадках об'єкти, які є поза зоною уваги, настільки погано представлені, що здається, ніби ми взагалі не маємо корисної інформації про них. Однак виявилось можливим поєднання цієї неточної інформації для відновлення точного показника групи» [1; 2: 123]. Мова як другосигнальна система функціонує за такими ж механізмами, що і першосигнальна система. Наші уявлення, особливо про абстрактні категорії, є збірними образами. Кожне слово з сім'ї слів на позначення добра, наприклад, «добре», «добробут», «доброчинний», «доброчесний», «добраніч», може викликати загальний збірний образ добра. Отже, одне і те ж слово у різних мовах може бути складовою різних кластерів слів, тобто пов'язане з різними словами, словосполученнями тощо, які впливають на збудження смислу слова. Однакові слова у різних мовах збуджують дещо відмінні образи, а тому запозичення можуть впливати на загальні уявлення, як збагачуючи їх, так і спотворюючи. Свідченням цього є психолінгвістичні дослідження. «У змішаномовних молодших школярів у порівнянні з україномовними і російськомовними учнями у поясненні "добра" збільшується кількість визначень через опозицію "злу", що може загрожувати радикалізацією у майбутньому» [6: 74–75]. Але розуміння добра у різних народів і його відображення у різних мовах – складна проблема, яка заслуговує на окрему ґрунтовну розвідку.

Проте запозичення можуть бути шкідливими через звуження і навіть блокування свідомості у результаті вживання деяких слів. Так, запозичення ненормативної лексики блокує свідомість через руйнування зв'язків слова з образами. Навряд чи хто-небудь, вживаючи нецензурну лексику, візуалізує сказане. Тобто, в момент вживання матизму, взаємозв'язки потоків образів будь-якої модальності з потоками слів руйнуються чи перестають усвідомлюватися. Маємо «БЕЗобразні слова» [4]. Зауважимо, що «безобразність» як недолік – усвідомлений російською мовою, є у словнику І. Керча [11: 69] як русинська лексема, але не усвідомлений українською. У словнику В. Даля читаємо: «безобразие ср. безобразица ж. отсутствие должного образа, вида, наружности; недостаток красоты, красы, стати, склада, басы; уродливость, нескладность, безвкусие... Человек духовно обезобразел» [8: 67].

По-четверте, у мовних сім'ях слів, окремих ідіомах і фразеологізмах, на нашу думку, відображені сакральні коди буття людини, які зберігаються тисячоліттями, навіть коли народ цих формул не усвідомлює. С. Суляк та В. Зінов'єв, досліджуючи діяльність Г.О. Де-Воллана, який у 1870-х рр. відвідав Закарпаття, зазначали, що для верховинців було властиве вітання «Дай Боже!» [20: 381]. У наведеному прикладі виразно виявляється сакральний мовний код вітання. Зауважимо, що слово «Бог» не є обов'язковою складовою сакральних мовних кодів. Такі коди, як ми вважаємо, передаються кластерами слів. Так, слово «ласка» є майже у всіх слов'янських мовах. Словацькою і чеською воно означає любов, у багатьох інших слов'янських мовах означає вияв любові. Ідіома «будь ласка» російською перекладається як «пожалуйста». Чи є якась різниця, коли українець говорить «будь ласка» чи «пожалуйста»? У багатьох випадках немає. На Закарпатті прийнятні і те, й інше.

У діалозі зі словами «будь ласка» – «дякую» – «будь ласка» словосполучення «будь ласка» має значення бути ласкавим: у першому випадку воно виражає прохання виявити люб'язність і допомогти тому, хто просить про допомогу; у другому – виявляти повагу та любов до інших [4: 28]. Прикметно, що «будь ласка», «дякую», «будь ласка» є справжніми чарівними словами, сакральною формулою поширення любові. У закарпатських селах ця формула виявляється більш очевидно. Замість «будь ласка» говорять «будьте ласкаві» або «будьте добрый».

«Будьте добры, помогите мне» – виконує ту само функцію в російській мові, що і «будь ласка» в українській. Але після «спасибо» відповідати «будьте добры» якось неприйнятно, а «будьте ласкаві», «будьте добрый» – цілком природно не лише для Закарпаття. Українське слово «прошу», як і запозичене «пожалуйста», використовується як у проханні про допомогу, так і після слів вдячності, але сакральний смисл поширення любові втрачається. Те саме й зі словом «пожалуйста» в російській мові. Опитування українських студентів, для яких російська є рідною мовою, свідчить, що «пожалуйста» – просто слово ввічливості, тобто сакральний смисл поширення любові не усвідомлюється.

Хоча відносно нещодавно ці смисли ще були. Так, О. Потебня писав: «пожалуйста» – платня – дія любові (пор. синоніміч. слова милувати – жалувати, з яких останнє і тепер ще подекуди значить любити), подарунок, але ніяк не законна винагорода, не наслідок договору двох осіб» [19: 160]. Подібне чуємо і по русинськи «Пожаловать = рачати; ласкати; затруднити ся; вділити / подарувати». «Пожалуйста = будьте добрый; прошу; затрудните ся; ласкай(те); ... *(в ответ на спасибо) = дячно!; прошу!; най ся любит!; най ся бачит!»

[14: 155]. «Але зміст прадавнього коду "жаловати" у значенні любити у російській мові розмитий, адже набрав значення заробітної плати, жалю, невизначеності, дозволу тощо. Прадавня староруська формула поширення любові "будь ласка", "дякую", "будь ласка" в українській мові, така ж чи схожа формула русинів "будьте добрый", "дякую", "будьте добрый", у російському варіанті втрачає образно-емоційне відображення, а разом з тим утруднює усвідомлення сутності сакрального коду» [4: 28]. Не будемо стверджувати, можливо, для росіян і не втрачає, але для українців, які послуговуються словом «пожалуйста» чи «прошу» замість «будь ласка», – втрачає. Замість сакральних мовних кодів поширення любові і добра (передачі любові іншим, а не повернення) в такому разі залишаються лише слова ввічливості.

Русинське прислів'я «не мож, айбо кедь дуже хочеса – пожалуйста» [22: 540], на нашу думку, теж є формулою поширення добра і любові, якщо «пожалуйста» означає «даруй добро і любов іншим». А коли «пожалуйста» означає плату, дозвіл чи щось інше (пожалуй, да), то маємо формулу вседозволеності. На думку російських авторів, «Если нельзя, но очень хочется, то можно – иногда можно нарушать какой-л. запрет» [7: 54]. У першому випадку якщо не можна, а хочеться, то роби з любов'ю, для любові (для добра), а у другому – просто нехтуй заборону. Переклад вищезгаданого прислів'я українською з російської «Якщо не можна, але дуже хочеться, то можна» неприйнятний навіть для російськомовної людини, яка знає українську. Скорочена фраза «якщо не можна, то можна» блокує свідомість незгірш матизмів. Слід зауважити, що розглянутий фразеологізм очевидний не для всіх русинів, тому що русинською «пожалуй» теж означає «мабуть». «Мені йсе, пожалуй, буде дячитися – мені це, мабуть, буде подобатися» [7: 436].

Тут варто згадати слова російської дослідниці Т. Чернігівської: «Язык – у него есть одна очень неприятная черта: в нём ничто не равно самому себе никогда. Никакое слово само себе не равно. То, что они на поверхности звучат как "молоток" или "вигвам", нам никак не помогает. У нас ассоциативные процессы каждый раз разные, и этот молоток у меня может соединиться с незабудкой, потому что они там случайно лежали в какой-то момент, или мысль моя куда-то скакнула, и так получилось» [18: 42]. Слово збуджує безліч контекстів його вживання. А вже з цих контекстів мозок вибирає актуальні певному контексту образи й емоції, пов'язані зі словом. Але цей вибір закономірний, а не випадковий. Відповідно і у процесах сприймання – безліч сигналів, що діють на аналізатори, збуджують не випадкові, а конкретні адекватні ситуації, образи. А за цього міжмовні омоніми, які

є протилежними за значенням, можуть звужувати і навіть блокувати свідомість. А сама мова «зумовлюється етнічними особливостями світосприйняття і світорозуміння» [17: 204].

Розглянемо деякі приклади міжмовних омонімів, що мають протилежні значення в російській та українській мовах.

«Урода, врода – краса, п. uroda – краса від родити, ст. сл. родить, родь. У староукр. мові мало значення доброти. Уродливиий – гарний» [16: 412]. Русинська лексема «урода = урожай; уродины = рождение; уродность = урожайность, плодородие; уродный = урожанный» [12: 505]. Тут з'являється думка, що, коли загальновідомий вислів «краса врятує світ» подати як «врода врятує світ», він стає на порядок змістовнішим, бо поряд з красою присутня і доброта.

У русинсько-російському словнику І. Керча можна знайти низку лексем, які зберегли староруські етимологічні значення, втрачені, або навіть змінені на протилежні значення в українській і російській мовах. «Внимание = увага; позур, позорность» [13: 114]. «Варовати = охранять, беречь; предостерегать, остерегать» [11: 111]. «Варувливый = осторожный; варунок = условие; оговорка; уговор; варующий = предупреждающий; предостерегающий» [11: 112]. «Глупати = думать, задуматься, але поряд є слово глупость, яке означає теж саме, що й у російській мові» [11: 116].

Перша ідея, яка спадає на думку для пояснення протилежного значення міжмовних омонімів, – аналогія з такими ж міжмовними омонімами в інших мовах. Наприклад, «сарай» турецькою означає «палац». Слово «herr», яке німецькою означає «пан», стало матизмом. Можемо допустити, що причиною були ворожнеча, воєнні змагання тощо. Але задовольнятися одним поясненням, а тим більше замовчувати проблему – недоцільно. Інформація щодо протилежних значень міжмовних омонімів є у мережі Інтернет. А мережа, як відомо, обов'язково дасть відповіді. Google, на думку молоді, «знає все». Щодо дискурсів у мережі, І. Бабенко та О. Орлова зазначили: «как в народе говорят, шила в мешке не утаишь» [3: 256]. Тож краще, щоб на це відповіли науковці.

Потрібно зауважити, що частина омонімів з протилежними значеннями є у російській мові. Тобто, проблема міжмовних омонімів з протилежними значеннями може насправді бути завданням дослідження розвитку російської мови. Наведемо низку таких прикладів: «Урода ж. зап. южн. врода, рост, стан, стати, вся наружность, вид, образ, природа человека и животн. Поглядел бы ты в воду на свою на уроду! Зубры такие ж быки, да не той уроды (да урода не та)» [10: 598]; «Воровый сев. вост. (от вор? вар?) проворный, быстрый, скорый, прыткий, бойкий, расторопный, ловкий, живой, поворотливый. Постой,

корова: конь поворовой. Не хвастай, корова: есть лошадь поворовой. Не ворово, да здорово» [8: 243] «Позирать, позреть, поглядывать, посматривать, поглазеть... Позор, зрелище, что представляется взору. Стыд, поруганье, поношение, бесчестье, срам; зрелище постыдное для виновника его. Такого позору наделал, что беда! Пал позор и на мою голову! Без позору рожи не износишь. Лучше смерть, нежели позор (нежели зол живот). Позорный, постыдный, срамной, поносный, наносящий поруганье, поношение, бесчестный. Сплетни позорное дело. Позорный столб, к коему выставляются преступники на позор перед народом. | южн. зап. *видный, приятный на взгляд, красивый...* Девка позорная» [9: 231–232]. Тобто, «позор» – не лише сором і ганьба, а й видовище, до того ж, як сприймалося раніше, – приємне видовище. А словосполучення «девка позорная» до появи «позорного» стовпа, можливо, мало зовсім інший смисл. До речі, слово «дівка» українською мовою має додатній емоційний відтінок, а слово «девка» російською – від'ємний, хоча в обох мовах означають дівчину на виданні.

Причиною різниці емоційного забарвлення схожих слів у близьких мовах є переважаючі контексти вживання слів. В українській мові – «вогонь дівка», «дівка на виданні». У сучасній російській мові теж є ідіоми з додатнім емоційним забарвленням, але переважають інші – «продажная девка», «срамная девка», «дешевая девка». Навіть у класичній літературі переважають негативно забарвлені ідіоми «крепостная девка», «дворовая девка», «крестьянская девка» [4: 29]. До речі, пошукові системи мережі Інтернет на перші сторінки виводять більш позитивні посилання на слово «дівка», ніж на слово «девка». На запит російською вже у першому десятку посилань з'являються заголовки «Девка отождла», «18+ШОК» і т. ін.

Русинська лексема «дівка» [13: 221] також означає незаміжню дівчину, «дівчити = быть не замужем; гулять в девках; дівчитися = молодиться» [13: 222]. Якщо в українській і російській мовах емоційне забарвлення формується через ідіоми, то додатне емоційне забарвлення русинської лексеми «дівка» формує сім'я слів з коренем «дів». Розлога сім'я слів з додатнім ставленням до молодої незаміжньої дівчини не спотворюється навіть за від'ємного ставлення до окремих «виданиць». «И рада бы ся дівка замуж отдать, та нико не хоче брати» [22: 299]. Щоправда наведений фразеологізм чи не єдиний, який можна зарахувати як емоційно від'ємний щодо образу незаміжньої дівчини. Решта з-поміж більш, ніж ста фразеологізмів, зібраних Ю. Чорі, – додатні.

Слова на позначення загальних уявлень збуджують збірні образи, а не поняття чи конкретні образи. У збірних образах, що збуджуються

словом «дівка» чи «дївка», позитивних образів більше, ніж негативних, а у слові «девка» переважають негативні образи. Тут, напевно, важливою є не кількість таких образів, а сукупність емоційних зарядів, збуджуваних усіма контекстами вживання слова в сукупності з етимологічними зв'язками його сім'ї.

Запозичення слів, які можуть збуджувати образи, протилежні значенню чи емоційному забарвленню слів рідної мови, найбільш шкідливі з погляду засмічення мови, адже можуть блокувати свідомість, спотворюючи загальнолюдські цінності, зафіксовані у мереживі сімей слів, які народи плекали століттями.

Формування загальнолюдських цінностей пов'язане з несвідомими процесами соціального навчання (научения) у процесі опанування рідною мовою. У різних мовах використовуються різні засоби для передачі сакральних кодів загальнолюдських цінностей наступним поколінням. Так, у російській мові є ідіома «купеческое слово», в українській мові збереглася та ж формула закодована в етимологічних зв'язках сім'ї слів «справа, справедливість, правда та ін.». У словнику І. Керча знаходимо слово «бізнесмен», яке видається явно запозиченим з англійської, разом з тим у тому ж словнику знаходимо «бізовань = вера уверенность, доверие...», «бізовати = поручаться..., доверять...», «бізоншанство = свидетельство, доказательство...» [11: 79], «бізувність = уверенность, надежность, благонадежность, определенность, достоверность, верность» [11: 80].

Не заглиблюючись в етимологію, можемо засвідчити факт зв'язку бізнесу і довіри, які можуть формуватися на асоціативному рівні. Зрозуміло, що для формування загальнолюдських цінностей лише навчання як рефлекторного обумовлення недостатньо – необхідна організація цілеспрямованого навчання і виховання. Та коли у процесі навчання мови виникли асоціації, що зв'язують «бізнес і довіру», «справедливість, правду і справу», то сформувані переконання у непорушному «слові підприємця» буде легше.

Таким чином, запозичена лексика, формуючи свідомість, може як збагачувати мову, так і збіднювати її, звужуючи та, навіть, блокуючи свідоме відображення світу.

У малих мовах та діалектах є чимало лексем, втрачених літературними мовами, які колись були лексикою наших пращурів, що відображали сакральні коди загальнолюдських цінностей (поширення добра, любові, правди, справедливості тощо) і могли б збагатити літературні мови не лише кількісно, а й якісно.

ЛІТЕРАТУРА

1. Alvarez G.A. Representing multiple objects as an ensemble enhances visual cognition // Trends Cognitive Science. 2011. № 15. С. 122–131. DOI: 10.1016/j.tics.2011.01.003
2. Alvarez G.A., Oliva A. The representation of simple ensemble visual features outside the focus of attention // Psychological Science. 2008. № 19. Р. 392–398. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2008.02098.x
3. Бабенко И., Орлова О. Наивная этнология восточных славян в сетевой дискуссии о праве на прародину // Русин. 2015. № 4 (42). С. 251–261. DOI: 10.17223/18572685/42/17
4. Бедлінський О. Запозичена лексика чи світогляд свого народу? // Українська мова і література в школі. 2017. № 1 (130). С. 27–31.
5. Бедлінський О. Мовна концепція свідомості // Актуальні проблеми психології. 2018. Т. 12. Вип. 24. С. 18–26. URL: <http://www.apppsychology.org.ua/data/jrn/v12/i24/4.pdf> (останній перегляд: 15.11.2019).
6. Bedlinskyi O., Shcherbak T. Особливості уявлення добра одномовних та змішаномовних учнів четвертих класів // Психолінгвістика. 2018. № 24 (1). С. 63–78. DOI: 10.31470/2309-1797-2018-24-1-63-78
7. Белянин В., Бутенко И. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М.: ПАИМС, 1994. 192 с.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1989. Т. 1. 699 с.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1990. Т. 3. 555 с.
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1991. Т. 4. 683 с.
11. Керча И. Русинско-русский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007а. Т. 1. 608 с.
12. Керча И. Русинско-русский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007b. Т. 2. 608 с.
13. Керча И. Русско-русинский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2012а. Т. 1. 582 с.
14. Керча И. Русско-русинский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2012b. Т. 2. 598 с.
15. Ломакина О., Мокиенко В. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119–128. DOI: 10.17223/18572685/45/9
16. Митрополит Іларіон. Етимологічно-семантичний словник української мови. Вінніпег, Канада: Накладом Товариства Волинь, 1994. Т. IV. 557 с.
17. Nabok M. Українські народні думи: національні особливості сприйняття в процесі міжкультурного спілкування // Психолінгвістика. 2018. № 24 (2). С. 198–217. DOI: 10.31470/2309-1797-2018-24-2-198-217
18. Никитский клуб. Цикл публичных дискуссий. «Каково это – быть камнем? (Субъективная реальность и мозг)». М.: 2015. Вип. 73. 72 с. URL: <http://>

nikitskyclub.ru/wp-content/uploads/2015/05/73.pdf (останній перегляд: 17.11.2019).

19. *Потебня А.* Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.

20. Суляк С.Г., Зиновьев В.П. Г.А. Де-Воллан и Угорская Русь // Русин. 2018. № 54 (4). С. 372–371. DOI: 10.17223/18572685/54/22

21. *Франко І.* Зібрання творів у п'ятдесяти томах. Література і мистецтво: томи 26–43. Т. 31: Літературно-критичні праці (1897–1899). Київ: Наукова думка, 1981. 601 с.

22. *Чорі Ю.* Фразеологізми русінського языка: в 2 т. Ужгород: ТОВ «Іва», 2015. Т. 1. 504 с.

REFERENCES

1. Alvarez, G. (2011) Representing multiple objects as an ensemble enhances visual cognition. *Trends Cognitive Science*. 15. pp. 122–131. DOI: 10.1016/j.tics.2011.01.003

2. Alvarez, G.A., & Oliva, A. (2008) The representation of simple ensemble visual features outside the focus of attention. *Psychological Science*. 19. pp. 392–398. DOI: 10.1111/j.1467-9280. 2008. 02098.x

3. Babenko, I. & Orlova, O. (2015) Naive Ethnology of Eastern Slavs in Online Discussions on the Right to Homeland. *Rusin*. 4(42). pp. 251–261 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/17

4. Bedlinskyi, O. (2017) Zapozichena leksika chi svitoglyad svogo narodu? [Borrowings or the worldview of one's nation?]. *Ukrains'ka mova i literatura v shkoli*. 1(130). pp. 27–31.

5. Bedlinskyi, O. (2018) Movna kontseptsiya svidomosti [Language theory of consciousness]. *Aktual'ni problemi psikhologii – Actual Problems of Psychology*. 12(24). pp. 18–26. [Online] Available from: <http://www.apppsychology.org.ua/data/jrn/v12/i24/4.pdf> (Accessed: 15th November 2019).

6. Bedlinskyi, O. & Shcherbak, T. (2018) Osoblivosti uyavlennya dobra odnomovnikh ta zmishanomovnikh uchniv chetvertikh klasiv [Peculiarities of presenting the good in fourth-grade monolingual and mixed-language students]. *Psycholinguistics*. 24(1). pp. 63–78. DOI: 10.31470/2309-1797-2018-24-1-63-78

7. Belyanin, V. & Butenko, I. (1994) *Zhivaya rech'. Slovar' razgovornykh vyrazheniy* [Live Speech. Glossary of Colloquial Expressions]. Moscow: PAIMS.

8. Dal, V. (1989) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.

9. Dal, V. (1990) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.

10. Dal, V. (1990) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.

11. Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar': v 2 t.* [The Rusinian-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.

12. Kercha, I. (2007b) *Rusinsko-russkiy slovar'*: v 2 t. [The Rusinian-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
13. Kercha, I. (2012a) *Rusinsko-russkiy slovar'*: v 2 t. [The Russian-Rusinian Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.
14. Kercha, I. (2012b) *Rusinsko-russkiy slovar'*: v 2 t. [The Russian-Rusinian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
15. Lomakina, O. & Mokienko, V. (2016) Cognitive Potential of Rusin Proverbs Compared with Those in the Russian and Ukrainian Languages. *Rusin*. 3(45). pp. 119–128 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/9
16. Mytropolyt Ilarion. (1994) *Etimologichno-semantichnyy slovník ukráins'koi movi* [The Etymological and Semantic Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 4. Winnipeg: Nakladom Tovaristva Volin'.
17. Nabok, M. (2018) Ukrainian National Dumas: National Perceptions in the Process of Intercultural Communication. *Psycholinguistics*. 24(2). pp. 198–217. DOI: 10.31470/2309-1797-2018-24-2-198-217
18. The Nikitsky Club of Academicians and Businessmen. (2015) "*Kakovo eto – byt' kamnem? (Sub'ektivnaya real'nost' i mozg)*" ["How does it feel to be a stone? (Subjective reality and brain)"]. Moscow: [s.n.]. [Online] Available from: <http://nikitskyclub.ru/wp-content/uploads/2015/05/73.pdf> (Accessed: 17th November 2019).
19. Potebnya, A. (1989) *Slovo i mif* [Word and Myth]. Moscow: Pravda.
20. Sulyak, S.G. & Zinoviev, V.P. (2018) G.A. De Wollant and Ugric Russia. *Rusin*. 54(4). pp. 372–371 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/22
21. Franko, I. (1981) *Zibrannya tvoriv u pyatdesyati tomakh. Literatura i mistetstvo* [Collections of Works in Fifty Volumes. Literature and Art]. Vol. 31. Kyiv: Naukova dumka.
22. Chori, Yu.S. (2015) *Frazeologizmy rusins'kogo yazyka: v 2 t.* [Phraseologisms of the Russian Language]. Vol. 1. Uzhhorod: TOV "Iva".

Бедлинский Алексей Иванович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Сумского государственного педагогического университета им. А.С. Макаренко (Украина).

Бедлінський Олексій Іванович – кандидат психологічних наук, доцент кафедри психології Сумського державного педагогічного університету ім. А.С. Макаренка (Україна).

Oleksii I. Bedlinskyi – Sumy A.S. Makarenko State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: Bedlinskyi@i.ua

Набок Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки иностранных граждан Сумского государственного университета (Украина).

Набок Марина Миколаївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри мовної підготовки іноземних громадян Сумського державного університету (Україна).

Marina N. Nabok – Sumy State University (Ukraine).

E-mail: nabok.marinka@gmail.com

УДК 81'37

UDC

DOI: 10.17223/18572685/60/14

ВПЛИВ ЕКСТРАЛІНГВАЛЬНИХ ЧИННИКІВ НА ВИБІР ОСОБОВИХ ІМЕН УЖГОРОДЦІВ У ХХ ст.

І.С. Шоля

Ужгородський торговельно-економічний інститут КНТЕУ
Україна, 88000, м. Ужгород, вул. Православна набережна, 21

E-mail: ivka.uz@gmail.com

Авторське резюме

Стаття присвячена вивченню екстралінгвальних чинників, які впливали на вибір жіночих та чоловічих імен ужгородців протягом ХХ ст. Джерельною базою дослідження послужили матеріали метричних книг реєстрації актових записів м. Ужгорода, які зберігаються в Державному архіві Закарпатської області. З'ясовано, що динамічні історичні події (входження краю до різних держав з їхньою мовною політикою), економічні, політичні, культурно-освітні зміни, які відбувалися на Закарпатті протягом століття, вплинули на культурно-лінгвальну ситуацію, відобразилися на змінах у репертуарі власних особових імен. Також встановлено, що на вибір чоловічих і жіночих імен впливали зміни в етнічному складі населення, національна та конфесійна належність їх носіїв. Співіснування представників більш ніж 70 національностей і народностей, серед яких українці, угорці, чехи, словаки, росіяни, білоруси, болгари, поляки, румуни, молдавани, роми, шваби, євреї, німці, азербайджанці, гагаузи, вірмени, узбеки та ін., безумовно, вплинуло на іменний репертуар ужгородців, адже це, передусім, різна культура, етнічні традиції найменування, різні імена. Хоч особливості віросповідання та етнічна належність найменувачів накладають свій відбиток на антропонімний репертуар, мають значення під час обрання імен для новонароджених, але воно не настільки суттєве, щоб вплинути на загальний іменник міста Ужгорода ХХ ст.

Ключові слова: антропоніміка, власні імена, екстралінгвальні фактори, етнічна належність, Ужгород.

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ВЫБОР ЛИЧНЫХ ИМЕН УЖГОРОДЦЕВ В XX в.

И.С. Шоля

Ужгородский торгово-экономический институт КНТЭУ
Украина, 88000, г. Ужгород, ул. Православная набережная, 21
E-mail: ivka.uz@gmail.com

Авторское резюме

Статья посвящена изучению экстралингвистических факторов, которые влияли на выбор женских и мужских имен ужгородцев на протяжении XX в. Источником исследования послужили материалы метрических книг регистрации актовых записей г. Ужгорода, которые хранятся в Государственном архиве Закарпатской области. Установлено, что динамические исторические события (вхождение края в состав различных государств с их языковой политикой), экономические, политические, культурно-образовательные изменения, которые происходили в Закарпатье на протяжении столетия, повлияли на культурно-лингвистическую ситуацию, отразились на изменениях собственных личных имен. Также установлено, что на выбор мужских и женских имен повлияли изменения в этническом составе населения, национальная и конфессиональная принадлежность их носителей. Сосуществование представителей более 70 национальностей и народностей, среди которых украинцы, венгры, чехи, словаки, русские, белорусы, болгары, поляки, румыны, молдаване, цыгане, швабы, евреи, немцы, азербайджанцы, гагаузы, армяне, узбеки и др., безусловно, повлияло на именной репертуар ужгородцев, ведь это, прежде всего, разная культура, этнические традиции наименования, разные имена. Хотя особенности вероисповедания и этническая принадлежность накладывают свой отпечаток на антропонимный репертуар, имеют значение при выборе имен для новорожденных, но они не столь существенны, чтобы повлиять на общую систему личных имен жителей города Ужгорода XX в.

Ключевые слова: антропонимика, собственные имена, экстралингвистические факторы, этническая принадлежность, Ужгород.

THE EFFECT OF EXTRALINGUAL FACTORS ON THE CHOICE OF PERSONAL NAMES IN UZHGOROD IN THE 20TH CENTURY

I.St. Sholia

Uzhhorod Trade and Economic Institute
Kyiv National Trade and Economic University
21 Pravoslavna Naberezhna Street, Uzhhorod, 88000, Ukraine
E-mail: ivka.uz@gmail.com

Abstracts

The article studies the extralingual factors that influenced the choice of female and male names of Uzhhorod citizens during the 20th century. The research draws on the Uzhhorod civil registry books stored in the Transcarpathian State Regional Archive. It has been found out that dynamic historical events (the region's becoming a part of various states with their language policy), economic, political, cultural and educational changes in Transcarpathia over the centuries influenced the cultural and linguistic situation and manifested in the changes of personal names. The choice of male and female personal names was also influenced by the changes in the population ethnic composition as well as people's national and confessional identity. The coexistence of more than 70 nationalities and nations, including Ukrainians, Hungarians, Czechs, Slovaks, Russians, Belarussians, Bulgarians, Poles, Romanians, Moldovans, Roma, Swabians, Jews, Germans, Azerbaijanis, Gagauz, Armenians, Uzbeks, etc., certainly influenced the Uzhhorod name repertoire, since it was different cultures, ethnic naming traditions, and various names. Although the religion and ethnicity affected the anthroponymic repertoire and matter for choosing names for newborns, they were not so much significant as to affect the general system of personal names of Uzhhorod residents in the 20th century.

Keywords: anthroponymics, proper names, extralingual factors, ethnicity, Uzhhorod.

Власні особові імена були і є предметом наукових зацікавлень українських, білоруських, російських, молдавських, югославських, чеських, словацьких учених. Праці, присвячені проблемам антропоніміки, дослідженню особових імен, їхньої статистичної організації, особливостям змін на різних синхронних зрізах, викликають науковий інтерес. Склад та динаміку особових чоловічих і жіночих імен окремих регіонів України досліджували Ю.О. Карпенко (динаміку україн-

ських особових імен) [11], Г.В. Кравченко (динаміку українського іменника м. Донецька з 1890 по 1990 р.) [14], Н.О. Свистун (динаміку антропонімікону м. Тернополя ХІХ–ХХ ст.) [24], І.Д. Скорук (динаміку антропонімікону м. Луцька у ХХ ст.) [26] та інші науковці. Білоруську антропонімію, зокрема імена, прізвища, прізвиська, творення та структуру власних чоловічих імен досліджували М.В. Бірила [2], В.О. Івашко [18], О.К. Устинович [28]. Російську ономастику, причини вибору та частоту вживання імен, антропонімічні процеси у народів Півночі, Далекого Сходу, Середньої Азії, історію російських календарних імен досліджували В.Д. Бондалетов [4], В.А. Никонов [21], О.В. Суперанська [27]. Власні назви, історія, структура та динаміка молдавської антропонімії були об'єктом досліджень А. Думбровяну [10], М. Коснічану [13]. Т. Маретич досліджував народні імена й прізвища у хорватів і сербів [19]. Теорію, історію, організацію та функціонування власних чеських і словацьких імен вивчали В. Бланар [3], М. Кнаппова [12], М. Майтан [20], Й. Свобода [25].

Власні особові імена Закарпаття своїм багатством і своєрідністю привертати увагу багатьох дослідників. Погляди на антропонімію цього регіону висловлювали у своїх працях учені ХІХ–ХХ ст. В.М. Гнатюк [6], А. Годинка [7], угорські історики Т. Легоцький [16], І. Ачаді [1], російський історик О.Л. Петров [23]. Власним особовим назвам присвячена монографія П.П. Чучки «Антропонімія Закарпаття» [29]. Проте не всі аспекти досліджені. У кожного народу імена пов'язані з культурою, побутом, традиціями. Надання імені новонародженому залежить від багатьох чинників: мовних, соціальних, психологічних [30: 768]. Тому особливо цікавим і цінним є вивчення різноманітних позамовних чинників, які впливають на вибір імен у конкретний історичний період, від яких залежать динамічні зміни в антропоніміконі. Наприклад, С.М. Пахомова зауважує, що «серед таких позамовних чинників основну роль, безперечно, мають церква та державні інституції» [22: 17]. Мета нашої статті – з'ясувати залежність складу та вибору чоловічих і жіночих імен ужгородців у ХХ ст. від екстралінгвальних чинників, зокрема впливу державних інституцій, національної та конфесійної належності їхніх носіїв.

Джерельною базою дослідження послужили матеріали метричних книг про народження по м. Ужгород [8] та книги архівного фонду [9], які зберігаються в Державному архіві Закарпатської області.

Закарпатська область – це регіон сучасної України, який знаходиться на межі єднання Північної, Східної та Західної Європи. Його геополітичне розташування в самому серці Європи унікальне, оскільки край перебуває на перехресті не тільки економічних і торговельних шляхів, а й національно-культурних [17: 15].

Ужгород – адміністративний центр Закарпатської області, одне з найдавніших слов'янських міст, яке протягом багатовікової історії було учасником і свідком багатьох історичних подій. Тільки за останні 100 років населення міста почергово опинялося в складі щонайменше семи різних державних утворень, кожне з яких мало свою власну політику: Австро-Угорщина, 1-а Чехословацька Республіка, Карпатська Україна, Угорщина, Закарпатська Україна, Українська Радянська Соціалістична Республіка, Україна. Були навіть періоди, коли територія сучасного Закарпаття підпорядковувалась одночасно різним державам [17: 630]. Тому закономірно, що зі зміною державної політики змінювалась також і мовна. Жителі Закарпаття, які проживали тут упродовж двадцятого століття, у переважній більшості особисто пережили бодай одну зміну держави, а разом з цим хоча б одну мовну реформу [17: 630]. Це пояснює той факт, що більшість населення є білінгвами чи навіть полілінгвами.

Динамічні історичні події, входження краю до різних держав з їхньою мовною політикою – все це наклало своєрідний відбиток на культурно-мовну ситуацію, що особливо відобразилося на змінах у репертуарі власних особових імен, адже вони тісно пов'язані з життям жителів міста в різні історичні зрізи.

Склад населення Закарпаття фіксується переписами, які проводились майже кожні 10 років. За переписом 1930 р. загальна кількість населення становила 725 357 осіб. За національною ознакою ці показники були такими: русинів-українців – 446 916 (63 %), угорців – 109 472 (15,4 %), євреїв – 91 255 (12,9 %), чехів і словаків – 33 961 (4,8 %), німців – 13 249 (1,9 %), румунів – 12 641 (1,8 %), ромів – 1 357. Угорське населення в Ужгороді складало 17,8 % [17: 151]. Розподіл населення за релігійною належністю був таким: греко-католики – 359 167 (49,5 %), православні – 112 034 (15,4 %), іудеї – 102 542 (14,1 %), євангелісти та реформати – 72 425 (10,2 %), римо-католики – 69 262 (9,5 %). Серед угорців показники були наступні: реформати – 68 867, римо-католики – 25 737, греко-католики – 14 309, іудеї – 5 870, православні – 10 [17: 151].

Історики зауважують, що у 20–30-х рр. на Закарпатті значний вплив на сфери суспільно-політичного та культурного життя мали церкви різних конфесій. Найвпливовішою серед них була греко-католицька, яка на 1944 р. налічувала 257 парафій, 6 монастирів, 2 учительські семінарії, десятки шкіл, соціально-культурних закладів тощо [17: 128–129]. Єдиним вищим навчальним закладом із підготовки духовенства була Ужгородська духовна семінарія [17: 128].

Внаслідок урбанізаційних процесів протягом ХХ ст. відбулися значні демографічні зміни: кількість мешканців зросло аж удесятеро,

а за неповних півстоліття (1945–1989) – ушестеро. Упродовж XX ст. значні зміни тривали і в національній структурі населення Ужгорода. Його особливістю залишається багатонаціональність. Співіснування представників більш ніж 70 національностей і народностей, серед яких українці, угорці, чехи, словаки, росіяни, білоруси, болгари, поляки, румуни, молдавани, роми, шваби, євреї, німці, азербайджанці, гагаузи, вірмени, узбеки та ін., безумовно, вплинуло на іменний репертуар ужгородців.

У метричних книгах реєстрації актових записів у різні роки протягом століття зафіксовані по-різному: угорською, чеською, російською, українською мовами. У попередній період «мовою ділових паперів на Закарпатті впродовж тисячоліття була не українська, а латинська, угорська, німецька мови» [29: 27], хоча українське населення становило більшість.

З 1900 до 1920 р. інформація про новонароджених записана в Ужгороді угорською мовою. Ця традиція була продовженням багатовікової спадщини, оскільки впродовж XIV–XVI ст. Закарпаття входило до складу Угорського королівства, з кінця XVII ст. до 1919 р. – до складу Австро-Угорщини. Період перебування краю в складі Австро-Угорщини позначений зростанням утисків на місцеве населення, інтенсивною денаціоналізацією, «насильницькою мадяризацією», що, безумовно, не могло не вплинути на іменний репертуар ужгородців. Із цього приводу П.П. Чучка зазначав: «власні особові імена громадян... в примусовому порядку перекладалися, тобто передавалися угорськими відповідниками. Люди, що в побуті відомі були під іменами *Василь, Ілько, Йосиф, Павло, Стефан, Федір, Юрко, Варвара, Єлизавета, Катерина*... у документах могли виступати тільки як *László, Illes, Iozsef, Pál, István, Ferencz, György, Borbála, Erzsébet, Katalin*» [29: 142]. Такі факти утиску особливо виразно простежувалися серед місцевої інтелігенції. Про це писали Михайло Драгоманов, що відвідав Закарпаття в 1875 та 1876 рр., Володимир Гнатюк – у 1895–1896 рр., Іван Петрушевич – у 1890 р. Прояв політики денаціоналізації підтверджують і статистичні дані. Згідно з переписом населення у 1900 р. українською мовою розмовляло лише 8%, а угорською – 69% українців Закарпаття [5: 395]. Це, безумовно, не могло не вплинути на іменний репертуар ужгородців. Саме тому в ці роки найпопулярнішими серед місцевого населення були такі угорські жіночі та чоловічі імена: *Blanka, Máriá, Márgit, Erzsébet, Etelka, Ilona, András, Yózsef, Sandor, István, Gunla, Ignác, Lajos, László, Ernő, Jenő, Ferencz*, подвійні *Ilona Margit, Magdolna Erzsébet, Bela-Zoltan, László Zoltán*.

З 1919 р. Ужгород уже перебував у складі 1-ї Чехословацької Республіки. Зусилля чехословацького уряду були спрямовані на демо-

кратизацію, економічний і культурний розвиток краю. Толерантною була його позиція щодо мовного питання: «офіційною та викладовою повинна бути народна мова... Відносно навчання чеської (словацької) мови..., то не правильно запроваджувати її ...лише тому, що вона є державною» [15: 66–68]. Наприкінці 1919 р. на Закарпатті працювало 475 початкових шкіл, зокрема 321 – з українською мовою навчання, 83 – з угорською, 22 – з чеською і словацькою, 7 – з німецькою, 4 – з румунською та 38 мішаних – двома мовами навчання [17: 127]. Отже, реєстрацію новонароджених ще деякий час проводили угорською мовою: *Kabati István, Geles Mihály, Molnar Yózsef*. Поряд із цим вже частіше зафіксовані й записи чеською: *Holeček Karel, Kovalkievics Ilona*. З 1925 до 1935 р. реєстрацію здійснювали лише чеською: *Petrašovič Mikulaš, Kára Petr, Malek Štěpan, Kovács-ová Alzběta, Kerteš-ová Iulie, Bandur-ová Katařina*.

З 1938 до 1944 р. Ужгород уходив до складу Угорщини. Політика мадяризації набула нових обертів. Це, передусім, стосувалося мовного питання. За свідченнями істориків, розпорядженням крайового військового командування від 31 березня 1939 р. були конфісковані для знищення «всі українські та протиугорські книги» [17: 209]. У школах 60 % предметів (історія, географія, фізика, природа, читання) викладали угорською мовою, «а решту предметів неможливим мадярсько-руським язичієм» [17: 209]. 15 квітня 1940 р. наджупан А. Шіменфалві видав розпорядження, в якому зобов'язував бургомістра Ужгорода «конфіденційально дати вказівку» керівнику міської бібліотеки закрити доступ до чеської, української та російської літератури [17: 210]. Ця політика пояснює повернення до вжитку угорських варіантів чоловічих та жіночих імен і витіснення українських, словацьких та чеських: *Бейло, Ласло, Мігаль, Шандор; Агнеш, Аліце, Борбала, Ержебет, Магдолна, Моргіт, Серен*. За традицією 1900–1920 рр., новонароджених у 1940-х рр. називали угорськими, рідше чеськими іменами, проте в актових книгах записи вели вже українською мовою. Отже, у католицьких та греко-католицьких сім'ях імена, транслітеровані українською графікою, мали фонетичну структуру угорську або чеську, наприклад: *Моргіт, Каталін, Магдолна, Йолан, Ануелка, Каталін-Ержібет, Дьордіке-Каталін; Ференц, Іштван, Імре-Янош, Андраш-Йосиф-Антал, Бейло, Ерно* та ін. У цьому разі ми можемо говорити про змішування мовних норм, оскільки записи в метричних книгах у різні роки велися угорською, чеською, словацькою, українською та російською мовами.

Слід також зазначити, що в першій половині ХХ ст. (до 1945 р.) особових імен в українській традиційній формі в іменнику міста Ужгорода практично не зафіксовано, за винятком жіночих *Анна, Марія*,

Ольга та чоловічих Віктор, Іван, Ігор. У 1945 р. до іменного репертуару ужгородців долучаються, хоч і як поодинокі фіксації, чоловічі імена Валерій, Генадій, Сергій, Станіслав, жіночі – Вікторія, Інна, Людмила, Світлана, Тетяна, Тамара. Ці антропонімні зміни супроводжували такі історичні події, як визволення Закарпаття від угорсько-фашистської окупації [29: 81] та входження його території до складу УРСР. Підтвердженням цього є свідчення П. П. Чучки: «Серед дітей, які народилися після війни, все частішими і частішими є імена, яких до возз'єднання Закарпаття тут зовсім не було» [29: 81].

У 1950 р. відомості про народження фіксували в актових записах російською мовою, до вжитку входять нові імена *Анатолій, Андрей, Виталій, Виктор, Игорь, Иван, Геннадий, Глеб, Николай, Агата, Зоя, Любовь, Лидия, Надежда, Нина, Наталья, Поля, Раиса*.

Між 1946 та 1989 рр. помітно зросла кількість етнічних росіян (з 12 176 осіб до 49 458), яких до 1945 р. на цій території не було (за винятком невеликої кількості російських емігрантів після революції в чехословацький період). Такий факт зумовлений передусім цілеспрямованим і систематичним переміщенням у Закарпаття чисельних груп трудових мігрантів із різних кінців Радянського Союзу, а це, в свою чергу, – інші культурні традиції, посилення етнічної строкатості населення [17: 293].

З 1955 р. дані про новонароджених ужгородців в актових книгах російською мовою записували дуже рідко, частіше українською. У вказані роки відбувається змішування антропонімних норм української та російської мов. Унаслідок цього те саме ім'я зафіксоване в різних фонографічних варіантах: *Олександр* та *Александр, Олексій* та *Алексей, Андрій* та *Андрей, Віктор* та *Виктор, Володимир* та *Владимир, Ігор* та *Игорь, Лариса* та *Лариса, Любов* та *Любовь, Надія, Надежда* і *Надежда, Наталія, Наталя* і *Наталья* та ін.

В усі наступні роки (1960–2000) реєстрували новонароджених в актових книгах українською мовою. Ужгородський іменник активно поповнився новими іменами, які в першій половині ХХ ст. не вживали загалом (чоловічі *Вадим, Віталій, Едуард, Олег, Роман, Руслан, Федір, Ярослав*; жіночі *Віталія, Жанна, Оксана, Христина*) або використовували їх зрідка, популярними вони стали в другій половині ХХ ст. (*Володимир, Владислав, Віра, Вікторія, Тетяна*). Не зникли з ужитку запозичені чоловічі й жіночі імена, що ввійшли до антропонімікону ужгородців посередництвом угорської та чеської мови: *Золтан, Лайош, Ласло, Карел, Шандор, Агнеса, Альбіна, Андрея, Беата, Власта, Емілія, Катеріна, Магдолна, Стелла* та ін.

Також на іменний репертуар і соціолінгвальну ситуацію істотно впливали зміни в етнічному складі населення. Особливістю Уж-

города, як уже зазначалося, є його багатонаціональність. Серед 70 народностей, зареєстрованих у XX ст., основу становили українці, росіяни, угорці, словаки, чехи, євреї. Усі вони – представники різних релігійних конфесій, серед яких найбільші греко-католицька, римокатолицька, православна, єврейська, а це, передусім, різна культура, етнічні традиції найменування, різні імена. Для другої половини XX ст. характерні значні зміни в національній структурі населення. В метричних книгах м. Ужгорода в 1950 р. серед новонароджених чоловічої й жіночої статі зареєстровані представники таких національностей, як українці, росіяни, словаки, угорці, євреї, роми, румуни, поляки, а в результаті загальносоюзної переселенської політики – чуваші, мордвини, вірмени, молдавани, осетини, татари, буряти, білоруси, болгары. У 1960 р. до них долучилися азербайджанці, латиші, естонці, узбеки, казахи, чуваші. До 1990 р. національний склад міста доповнили греки, грузини, хорвати, башкирці, кумики, італійці, якути, чеченці, адигейці, удмурти, карачаївці, корейці, єгиптяни, американці (у 1995 р. *Джеймс-Іван*, 2000 р. *Стівен*). Логічно, що до репертуару імен долучилися нові, характерні для певної національності, відповідно до їхньої культури і традиції найменування. Різноманітне населення несло із собою традиції свого народу, національні імена. У наших матеріалах зафіксовані: румуни *Віоріка* і *Маркуца*, азербайджанці *Дінара*, *Ірада*, *Джиран*, *Наргіз*, *Равшан*, *Тимур*, вірмени *Лусік*, *Наіра*, *Арутюн*, *Карен*, *Тігран*, грузини *Нана*, *Натела*, таджики *Рахта*, *Фатіма*, узбеки *Заміра*, *Зухра*, *Каміль*, карачаївець *Джатдай*, татарин *Рустам*, єгиптяни *Джовані-Філіпо*, *Міран*, німці *Вільгельм*, *Генріх*, італійці *Ерене-Лайла*, *Владимір-Даніель*, *Стефано*. Проте таких онімів не так вже й багато. Представники вказаних національностей найчастіше послуговувалися традиційними християнськими, рідше слов'янськими чи вже відомими запозиченими іменами. Наприклад, у 1950 рр. зафіксовані румун *Андрій*, вірмен *Володимир*, бурят *Валерій*, чувашка й осетинка з іменем *Наталія*, мордвинки *Єлена* і *Тамара*, вірменка *Ірина*, узбечка *Світлана*; у 1960 рр. – татарин *Валентин*, литовець *Володимир*, естонець *Олександр*, вірменин *Микола*, казашка *Галина*, чувашки *Ірина* і *Марія*; у 1970 рр. – вірменин *Йожеф*, кореець *Роланд*, румун *Михайло*, узбечки *Сося* і *Таня*, гречанка *Олена*, румунки *Анжеліка* і *Зінаїда*; у 1980 рр. – вірменин *Владислав*, німець *Павло*, молдаванин *Руслан*, румун *Дмитро*, італійка та грузинка на ім'я *Вікторія*, башкирка *Ельвіра*, кумичка *Наталія*, вірменка *Беата*; у 1990 рр. – азербайджанець *Андрій*, вірменин *Мілан*, румун *Віктор*, осетин *Денис*, удмурт *Олександр*, молдавани *Павло* і *Юрій*, татари *Максим* і *Юрій*, туркмен *Назар*, мордвинка *Анастасія*, туркменка *Віолета*, якутка *Ганна*, азербайджанка *Тетяна* і *Уляна*.

Отже, зміна політичної влади впливала не тільки на мовні відносини й статус мови, а й на етнічний та національний склад населення Закарпатської області. Саме тому, зважаючи на наведені вище факти, ми можемо говорити про такі екстралінгвальні чинники, як мовна політика держави, вплив релігії, традиції, етнічний склад населення, що безпосередньо впливали на вибір особових імен ужгородців. Хоч особливості віросповідання та етнічна належність найменувачів накладають свій відбиток на антропонімний репертуар, мають значення під час обрання імен для новонароджених, проте воно не настільки суттєве, щоб вплинути на загальний іменник міста Ужгорода ХХ ст., основу якого становлять українські традиційні чоловічі та жіночі імена, які активно функціонують упродовж усього століття. До найуживаніших імен, які вирізняються відносною стійкістю, найбільшою кількістю носіїв і високою частотністю вживання належать чоловічі – *Олександр, Михайло, Андрій, Василь, Володимир, Юрій, Степан / Стефан, Йосиф / Иосип, Іван, Микола* та жіночі – *Наталія, Олена, Марія, Тетяна, Анна / Танна, Вікторія, Ірина, Ольга, Катерина, Єлизавета*.

ЛІТЕРАТУРА

1. Acsádi I. Magyarország népessége a pragmatic sanctio korában 1720–1721. Budapest, 1899.
2. Бірыла М.В. Беларуская антрапанімія. Ўласныя іменны, іменны-мянушкі, іменны по бацьку, прозвішчы. Мінск: Навука і тэхніка, 1966. 328 с.
3. Blandár V. Vlasné meno vo svelte teoretickej onomastiky. Martin: Matika Slovenska, 2009.
4. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
5. Гаврош О. Народне мистецтво в утвердженні національної ідентичності українців Закарпаття у міжвоєнний період ХХ століття // Наукові записки. Серія: Культурологія. Острог, 2013. Вип. 12. С. 394–398.
6. Гнатюк В. 1897, 1898, 1900, 1909, 1910, 1911. Етнографічні матеріали з Угорської Русі. Львів, 1897, 1898, 1900, 1909, 1910, 1911. (Етнографічний збірник. Т. 3, 4, 9, 25, 29, 30).
7. Годинка А. Архіви Мукачівської греко-католицької єпархії. Т. 1: 1458–1715. Ужгород, 1911.
8. Державний архів Закарпатської області. Ф. 1606. Оп. 14. Спр. 40–55, 106, 111, 116, 121, 144 (125/1), 147 (17/1).
9. Державний архів Закарпатської області. Книга архівного фонду. Оп. 1. Спр. 605, 606, 1938–1940, 2953–2957, 3450–3454, 3990–3994, 4113–4118, 5316–5320, 6792–6796, 8738–8742.
10. Думбрэвяну А. Молдавская диалектная антропонимия: личные имена, лексикограмматические особенности, словообразовательная структура, динамика. Кишинёв: Штиинца, 1982. С. 22.

11. Карпенко Ю. Динаміка українських особових імен // Науковий вісник Чернівецького університету. Чернівці, 2007. Вип. 356–359. Слов'янська філологія. С. 285–289.
12. Кларповá М. Rodné jméno v jazyce a společnosti. Praha: Akademia, 1989. 206 s.
13. Косничану М. Из истории молдавской антропонимии // Историческая ономастика. М.: Наука, 1977. С. 138–159.
14. Кравченко Г.В. Динаміка українського іменника м. Донецька з 1890 по 1990-і роки: дис. ... канд. філол. наук. Донецьк, 2000. 325 с.
15. Кравчук О. Національна політика Чехословаччини на Закарпатті в оцінках Томаша Масарика // Етнічна історія народів Європи: зб. наук. пр. Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. Київ: УНІСЕРВ, 2009. Вип. 28. С. 66–68.
16. Lehoczky T. Bereg vármegye monographiája. Ungvár, 1881–1882.
17. Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура / україномовний варіант українсько-угорського видання / Під ред. М. Вегеша, Ч. Фединець. Ужгород: Видавництво «Ліра», 2010. 720 с.
18. Ивашко В.А. Как выбирают имена. Минск: Вышэйшая школа, 1980. 174 с.
19. Мареич Т. Про народні імена і прізвища у хорватів і сербів. Загреб, 1886. С. 135–136.
20. Majtan M., Povazaj M. Meno pre nase dieta. Bratislava: Obzor, 1985. 200 s.
21. Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.
22. Пахомова С.М. Еволюція антропонімічних формул у слов'янських мовах. Вид. 2-ге, доповн. і переробл. Ужгород: Видавництво Олександри Гаркуші, 2012. 344 с.
23. Петров А.Л. Карпаторусские межевые названия из половины XIX в. Прага, 1929. 223 с.
24. Свистун Н.О. Динаміка антропонімікону м. Тернопіль XIX–XX ст.: дис. ... канд. філол. наук. Чернівці, 2006. 197 с.
25. Svoboda J. Stáročeská osobní jmená a naše přjmení. Praha, 1964. 317 s.
26. Скорук І.Д. Динаміка антропонімікону м. Луцька в XX ст.: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01. К., 1999. 180 с.
27. Суперанская А.В. Из истории русских календарных имен // Давньоруська ономастична спадщина в східнослов'янських мовах. Київ: Наук. думка, 1988. С. 117–125.
28. Усцінович О.К. Антрапанімічныя этюды // Беларуская анамастыка. Мінск, 1977. С. 175.
29. Чучка П.П. Антропонімія Закарпаття. Ужгород: Папірус, 2008. 671 с.
30. Шоля І.С. Мотиви вибору особових імен ужгородців у другій половині XX століття (чоловічі імена) // Записки з ономастики. Збір. наук. праць. Одеса, 2015. Вип. 18. С. 767–775.

REFERENCES

1. Acsádi, I. (1899) *Magyarország népessége a pragmatic sanctio korában 1720–1721* [The people of Hungary in the period of pragmatic sanctions of 1720–1721]. Budapest: KSH Könyvtár.

2. Biryła, M.V. (1966) *Belaruskaya antrapanimiya. Źlasnyya imeny, imeny-myanushki, imeny po bats'ku, prozvizhchy* [Belarusian anthroponymy. Proper names, nicknames, patronymics, surnames]. Minsk: Navuka i tekhnika.

3. Blánár, V. (2009) *Vlasné meno vo svetle teoretickej onomastiky* [Proper name in the light of the theoretical onomastics]. Martin: Matika Slovenska.

4. Bondaletov, V.D (1983) *Russkaya onomastika* [The Russian Onomastics]. Moscow: Prosveschenie.

5. Gavrosh, O. (2013) Narodne mistetstvo v utverdzhenni natsional'noï identichnosti ukraïntsiv Zakarpattya u mizhvoenniy period XX stolittya [Folk art in establishing the national identity of Transcarpathian Ukrainians in the interwar period of the twentieth century]. *Naukovi zapiski. Seriya: Kul'turologiya*. 12. pp. 394–398.

6. Gnatyuk, V. (1897) *Etnografichni materiali z Ugors'koï Rusi* [Ethnographic materials from Ugric Rus]. Vol. 3. Lviv: [s.n.].

7. Godinka, A. (1911) *Arhivi Mukachivs'koï greko-katolic'koï eparhii* [The Archives of the Mukachevo Greek Catholic Diocese]. Vol. 1. Uzhhorod: [s.n.].

8. The State Archive of Transcarpathian Region. Fund 1606. List 14. File 40-55, 106, 111, 116, 121, 144(125/1), 147 (17/1).

9. The State Archive of Transcarpathian Region. Book of Archival fund. List 1. File 605, 606, 1938–1940, 2953–2957, 3450–3454, 3990–3994, 4113–4118, 5316–5320, 6792–6796, 8738–8742.

10. Dumbrevianu, A. (1982) *Moldavskaya dialektnaya antroponimiya: lichnye imena, leksikogrammaticheskie osobennosti, slovoobrazovatel'naya struktura, dinamika* [Moldavian dialect anthroponymy: personal names, lexicographical features, word-formation structure, dynamics]. Chişinău: Ştiinţa.

11. Karpenko, Yu. (2007) *Dinamika ukraïns'kikh osobovikh imen* [The dynamics of Ukrainian personal names]. *Naukoviy visnik Chernivets'kogo universitetu*. 356–359. pp. 285–289.

12. Knappová, M. (1989) *Rodné jméno v jazyce a společnosti* [Birth name in language and society]. Prague: Akademia.

13. Kosnichanu, M. (1977) Iz istorii moldavskoj antroponimii [From the history of Moldavian anthroponymy]. In: Superanskaya, A.V. (ed.) *Istoricheskaya onomastika* [Historical Onomastics]. Moscow: Nauka. pp. 138–159.

14. Kravchenko, G.V. (2000) *Dinamika ukraïns'kogo imennika m. Donets'ka z 1890 po 1990-i roki* [The Dynamics of Ukrainian Name Vocabulary in Donetsk from the 1890-s to the 1990s]. Philology Cand. Diss. Donetsk.

15. Kravchuk, O. (2009) Natsional'na politika Chekhoslovachchini na Zakarpatti v otsinkakh Tomasha Masarika [Czechoslovakian national policy in Transcarpathia as estimated by Tomas Masaryk]. *Etnichna istoriya narodiv Evropi – Ethnic History of European Nations*. 28. pp. 66–68.

16. Lehoczky, T. (1881–1882) *Bereg vármegye monographiája* [Monograph of Bereg County]. Ungvár: [s.n.].

17. Vegesh, M. & Fedinets, Ch. (eds) (2010) *Zakarpattya 1919–2009 rokiv: istoriya, politika, kul'tura* [Transcarpathia in 1919–2009: History, Politics, Culture]. Uzhhorod: Lira.

18. Ivashko, V.A. (1980) *Kak vybirayut imena* [How names are chosen]. Minsk: Vysheyschaya shkola.
19. Maretich, T. (1886) *Pro narodni imena i prizvishcha u khorvativ i serbiv* [On the national names of Croats and Serbs]. Zagreb: [s.n.]. pp. 135–136.
20. Majtan, M. & Povazaj, M. (1985) *Meno pre nase dieta* [A name for our baby]. Bratislava: Obzor.
21. Nikonov, V.A. (1974) *Imya i obshchestvo* [Name and Society]. Moscow: Nauka.
22. Pakhomova, S.M. (2012) *Evolutsiya antroponimnikh formul u slov'yans'kikh movakh* [The evolution of anthroponymic formulas in Slavic languages]. Uzhhorod: Oleksandr Garkusha.
23. Petrov, A.L. (1929) *Karpatorusskie mezhevye nazvaniya iz poloviny XIX v.* [Carpathian Russian boundary names from the half of the 19th century]. Prague: [s.n.].
24. Svistun, N.O. (2006) *Dynamika antroponimikonu m. Ternopil' XIX–XX st.* [The Dynamics of Ternopil Anthroponymicon in the 19th – 20th Centuries]. Philology Cand. Diss. Chernivtsi.
25. Svoboda, J. (1964) *Stáročeská osobní jmená a naše přjmení* [Old Czech personal first names and our surnames]. Prague: Československá akademie věd.
26. Skoruk, I.D. (1999) *Dynamika antroponimikonu m. Luts'ka v XX st.* [The Dynamics of Lutsk Anthroponymicon in the 20th Century]. Philology Cand. Diss. Kyiv.
27. Superanskaya, A.V. (1988) Iz istorii russkikh kalendarnykh imen [From the history of Russian calendar names]. In: Gorpinich, V.O. et al. (eds) *Davn'orus'ka onomastichna spadshchina v skhidnoslov'yans'kikh movakh* [Old Rus onomastic heritage in East Slavic languages]. Kyiv: Naukova dumka. pp. 117–125.
28. Ustinovich, O.K. (1977) *Antrapanimichnyya etyudy* [Anthroponymic etudes]. In: Biryła, M.V. (ed.) *Belaruskaya anamastyka* [Belarusian Onomastics]. Minsk: Navuka i tekhnika.
29. Chuchka, P.P. (2008) *Antroponimiya Zakarpattya* [Anthroponymics of Transcarpathia]. Uzhhorod: Papirus, LLC.
30. Sholia, I.S. (2015) Reasons behind personal name choices in Uzhhorod citizens in the latter half of the 20th century (male names). *Zapiski z onomastiki – Opera in Onomastica*. 18. pp. 767–775. (In Ukrainian).

Шоля Иванна Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры естественно-гуманитарных и информационных дисциплин Ужгородского торгово-экономического института Киевского национального торгово-экономического университета (Украина).

Шоля Іванна Станіславівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри природничо-гуманітарних та інформаційних дисциплін Ужгородського торговельно-економічного інституту Київського національного торговельно-економічного університету (Україна).

Ivanna St. Sholia – Uzhgorod Trade and Economic Institute of KNTEU (Ukraine).

E-mail: ivka.uz@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русини

ОСНОВАН В 2005 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2020. № 60

Республиканская общественная ассоциация «Рүсь»
(г. Кишинев, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 240 стр.

Республика Молдова, г. Кишинев, MD 2028, а/я 1041
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 28.06.2020. Формат 60х90 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 250 экз.
Заказ 53.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

В 2020 году международный исторический журнал
ФОНД РУССКИЙ МИР «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

К.Д. БАЛЬМОНТ

Чист, речист язык славянский был всегда,
Чист, речист, певуч, как звучная вода.

Чутко-нежен, как над влагою камыш,
Как ковыль, когда в степи ты спишь – не спишь,

Сладко-долог, словно светлые мечты,
В утро мая, в час, когда цветут цветы.

Поцелуйно он, лелейно он лукав,
Как улыбка двух влюблённых в миг забав.

А порой, как за горою гулкий гром,
Для врага угроза верной мести в нём.

А порой для тех, чья жизнь один разбой,
Он как море, что рокошет вперевой.

Он как море, он как буря, как пожар,
Раз проснётся, рушит всё его удар.

Он проснулся, в рдяном гневe сны зажглись.
Кто разгневал? Прочь с дороги! Берегись!

Источник: Бальмонт К.Д. Песни мстителя.
Париж, 1907. С. 53.